

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2013 | сентябрь

интеллектуальный диалог

16+

Фото И. Зуйкова

ЭКСПЕДИЦИЯ: КТО ИЩЕТ И ЧТО НАХОДИТ в двадцать первом веке ● стр. 2-28

АРХЕОЛОГ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ И УМЕТЬ ВСЁ!

Александр Заика:

● стр. 4

«Находил и отщепы — осколки, которые появлялись при изготовлении каменного орудия. Необыкновенно они меня впечатляли. Просто трепет испытывал, понимая, что держу в руках предмет, который десять тысяч лет назад так же держал в руках древний человек...»

ГЛЯДЯТ В ОЗЁРА СИНИЕ...

Денис Рогозин:

● стр. 10

«Вообще, каждая зимняя экспедиция — чистый экстрим. Дорогу приходится рассчитывать при помощи нанятых грузовиков... Мы бываем на озёрах Шира и Шунет не меньше 4-х раз в год, иногда чаще. Наблюдаем весь жизненный цикл пурпурных бактерий. Есть годы «урожайные», есть скудные. Прямо как с грибами и ягодами».

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА КАК ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мария Миркес:

● стр. 12

«У каждой группы детей есть навигатор — тьютор. У меня было четверо девочек в комнате. Мы по вечерам с ними сидели, болтали «особым образом». Большая часть образования происходит за счёт этого разговора вечернего, когда они делятся своими достижениями и опасениями, становятся интересны друг другу. И мы вместе обсуждаем, как иначе действовать там, где сегодня не получилось».

«Я считаю, что эпос — это сердце народа. И эпос, и старинная песня, я считаю, обладают каким-то генетическим кодом, который действует на подсознание. Мне в детстве никто былин не пел, но помните, в нашем детстве были фильмы про Илью Муромца, Садко, был фильм «Руслан и Людмила». И я помню свои ощущения от этих фильмов: они вызывали чувство любви, патриотизма. Конечно, это громкие, уже взрослые слова, но любовь к своей Родине я через эти фильмы чувствовал, это я хорошо помню. И не надо было объяснять, что хорошо и что плохо — понимание этого приходило само. Эти герои как будто кодировали на нормальное восприятие мира».

Игорь ГОРЕВ —
о скрытой, но живой народной культуре

● стр. 16-17

«За свою жизнь я понял, что радость жизни определяется действием, попыткой, усилием, а не успехом». Эта фраза из дневника Фёдора КОНЮХОВА, одного из самых известных современных путешественников, который за свои шесть десятков лет совершил практически столько же десятков уникальных экспедиций и восхождений.

Вообще, вовсе не обязательно быть геологом или археологом, чтобы твоя жизнь была связана с экспедициями. Каждый за своим — в экспедиции отправляются биологи, экологи, филологи, историки, этнографы, искусствоведы, географы, строители, писатели... Что объединяет разные экспедиции, так это то, что у них всегда есть чёткая цель

— и при этом совершенно непредсказуемый результат. И каждая экспедиция сопряжена со сложностями, поэтому к ней тщательно и долго готовятся.

Непосредственных участников экспедиции, как правило, единицы. Зато добытый ими материал может стать достоянием очень многих. Да и сама экспедиция как неординарное, единственное в своём роде событие привлекает внимание как современников, так и потомков: об экспедициях пишут романы, снимают фильмы, за ними следят в онлайн и в выпусках новостей.

Отправиться в экспедицию — тайная мечта каждого из нас, кто хочет подняться на вершину, проникнуть в глубину, открыть неизведанное, познать суть. В том числе суть себя.

Арктический рубеж

Около полудня 5 августа 1913 года в норвежском городе Тромсё стартовала экспедиция по Великому Северному пути из Европы в Сибирь через Карское море. Всё небо было затянуто серой пеленой, непрерывно шёл дождь. Когда в этот же день, 100 лет спустя, из Архангельска отправилась Международная научно-историческая экспедиция памяти знаменитого норвежского полярного исследователя Фритьофа НАНСЕНА, на небе сияло солнце, и стояла жара + 27°C.

Заведующему сектором Управления международных связей СФУ Артёму ШАХМАТОВУ довелось в составе экспедиции на судне «Профессор Молчанов» пройти часть легендарного маршрута — от Архангельска до Дудинки.

СПРАВКА

Организовали экспедицию памяти Ф. Нансена Северный (Арктический) федеральный университет, Университет Тромсё и Полярный институт Норвегии при поддержке министерств иностранных дел России и Норвегии, Федеральной службы по гидрометеорологии, Норвежского Баренц-секретариата и Норвежско-российской торговой палаты. «Плавающий университет» работал с 5 по 17 августа.

Реконструкция

100 лет назад авиация только делала свои первые робкие шаги, поэтому Фритьоф Нансен добирался до пункта отправления экспедиции — города Тромсё — сначала поездом, потом пароходом. Артём Шахматов прилетел в Архангельск самолётом.

Одни исследователи считают, что Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море для Нансена — очередное преодоление, подвиг, мол, такие масштабные маршруты никто прежде не проходил. Другие утверждают, что приглашение знаменитости к участию в столь грандиозном путешествии всего-навсего коммерческий пиар. Как бы то ни было, талантливый Фритьоф по пути следования вёл подробный дневник, изучал быт и нравы коренных малочисленных народов Севера. А в чём

заключалась миссия участников экспедиции в наши дни?..

— Мы не могли отказаться от идеи хотя бы символически повторить путь знаменитого полярника, — рассказывает Артём Владимирович. — Кстати, во время этого путешествия мне подарили уникальную, недавно переизданную генеральным консульством Норвегии книгу об экспедиции Нансена. Это фактически публикация его дневников с небольшим предисловием на русском языке. Когда читаешь, становится понятно, что для норвежского исследователя важно было проверить, можно ли пройти без зимовки напрямую из Норвегии до Красноярска, где в то время бурно развивалась промышленность и откуда удобно было отправлять на экспорт древесину, металл и пушнину. Не нужно забывать, что инициатором экспедиции был легендарный Йонас ЛИД — норвежец, основатель «Сибирского пароходного, производственного и торгового акционерного общества» с представительством в Красноярске, Санкт-Петербурге и Лондоне. Лид преследовал коммерческий интерес, мечтал сделать Северный морской путь популярным, показать, что по нему можно безопасно возить грузы, а грузоотправителем и получателем являлась бы его компания.

— И возможно так бы оно и случилось, если бы в России не начались политические волнения, спутавшие все планы предпринимчивого норвежца...

— После революции ему пришлось даже сотрудничать с Колчаком, чтобы попытаться вернуть хотя бы часть своего имущества, включая богатую коллекцию русского искусства, в том числе картин.

Сегодня стоит задача сделать Северный морской путь полностью доступным для коммерческих проектов самых разных государств под патронажем арктической пятёрки. Поэтому на борту нашего судна находились представители вузов и научно-исследовательских учреждений, органов федеральной, региональной и муниципальной властей, бизнес-сообщества, журналисты из России и Норвегии — всего 53 человека (для сравнения: экспедиция 1913 года состояла из четырёх человек, включая Нансена, — прим. автора).

Первая пристань

Дневники Нансена «В страну будущего» читаются словно увлекательный приключенческий роман.

Конференция в кают-компании научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов». В тесноте да не в обиде

тельный приключенческий роман. Вот как автор описывал торговлю с представителями местного населения, поднявшимися на борт судна: «В Лиде тем временем проснулся коммерсант, и он завёл с посетителями меновую торговлю: отобрал себе два ножа с ножнами и поясами, украшенными металлическими бляшками, и несколько цепочек, а в обмен предложил свои вещи, из которых особенно импонировал самоедам карманный электрический фонарь. Один из самоедов не вытерпел и выменял его себе. Разумеется, он произведёт этой колдовской штукой настоящий фурор в своём становище. Но как вытянутся у них всех физиономии, когда колдовство потеряет силу, и фонарь не захочет больше зажигаться!».

— Конечно, бутылку водки или фонарик на нож у аборигенов мы не выменивали, — смеётся Артём Шахматов, — и на лодке к нашему судну никто не причаливал, но общение с местным населением тоже состоялось. Мы дважды высаживались на берег. Первая остановка произошла на острове Колгуев, где расположен посёлок Бугрино. Здесь в основном проживают ненцы. Накануне погода была отличная, безветренная. Но наутро выяснилось, что со стороны берега дует ветер, у нас есть встречная волна, и поскольку корабль подойти вплотную к острову не может, мы будем добираться до берега на резиновых лодках и тримаранах, так придётся идти по воде 30-40 минут. Заранее был дан приказ одеться во всё тёплое и непромокаемое, поскольку вода в северных морях не прогревается, несмотря на то, что лёд в них по сравнению со столетней давностью растаял. Мы погрузились в лодки. Покидая корабль, даже самые смелые испытали волнение: болтает, холодно, ветер, брызги... Вскоре поняли, что спуск

— ещё полдела, даже четверть, потому что когда поплыли, нас стало накрывать волнами (причём мне ещё повезло, потому что оказался в достаточно большой лодке, а тех, кто плыл в мелкой, каждый раз окатывало с головой). Криков не было, все напряглись и сидели тихо, как мыши. Промокла лодка основательно, сами мы остались сухими благодаря правильно подобранной экипировке (спасибо организаторам). Высадились на остров без приключений и ахнули: глазу открылась наполовину оранжерейная тундра... Невиданный урожай морошки! Нас ждали. Как только увидели корабль на рейде, сразу же началась торговля. И норвежцы покупали ягоду весьма активно. Когда мы собирались возвращаться на судно, цены упали в три раза.

На некоторых участников экспедиции остров произвёл гнетущее впечатление: деревня в российской глубинке, построенная на вечной мерзлоте, покосившаяся, обветшавшая.

— А что испытали вы?

— Двойственные чувства... Вы помните из фильма «Бриллиантовая рука»: «Стамбул — город контрастов»? С одной стороны, Арктика — ветхие дома, неприхотливое и в то же время избалованное туристами местное население. Часто бывают здесь гости из Германии. За большие деньги они покупают у местных жителей различные услуги, начиная от сбора морошки и до демонстрации какого-нибудь дома или бани. С другой стороны, мы встретили в посёлке очень обеспеченных оленеводов. Похоже, субсидии от государства они расходуют по назначению: целая улица из новых домов, покрытых сайдингом, спутниковые тарелки. Интернета у них пока нет, но сообщение с миром налажено: регулярно летает вертолёт, есть возможность получать и отправлять почту и грузы кораблями, которые заходят сюда довольно часто. Школа работает только до четвёртого класса, а потом детей по федеральной программе обучают в Нарьянмаре. После ребятам получают возможность поступать в российские вузы и, в основном, выбирают Санкт-Петербург. Уровень цен в магазинах вполне приемлемый, почти как в Красноярске. Мы провели на острове часа три-четыре, посетили почту, метеостанцию, аэродром.

С погодой не повезло — пасмурно и сильный ветер. Поражает то, что когда выходишь из посёлка, срабатывает сибирская привычка: глаз ищет лес или на худой конец

какую-нибудь поляну. А там НИЧЕГО, до самого горизонта абсолютно ровная поверхность тундры с вкраплениями морошки. Помню, всех мучила одна мысль: «Чем там заниматься, когда придёт зима»? Воображение рисовало огромные сугробы, дикий мороз. Однако кто-то из коллег-учёных высказал соображение, что эта земля — просто идеальное место для написания диссертации. Можно прихватить с собой 20-30 книг, ноутбук (электричество там есть, работает генератор) и спокойно писать, не отвлекаясь больше ни на что...

— Путешествую, Нансен не раз подмечал склонность местного населения к пьянству, он писал: «...зыряне — большие забияки, драчуны и охочи до водки, тогда как самоеды вообще народ смирный, хотя тоже не прочь выпить при всяком удобном случае...».

— Всего один раз за всё путешествие я видел среди местных весьма нетрезвого человека, но вёл он себя вполне адекватно.

В порту Диксон

Во времена Нансена пароходы не могли пройти Севморпуть, не заправившись по дороге углём (Диксон был одним из таких заправочных пунктов). В наши дни современные суда преодолевают маршрут без дозаправок.

Утром 13 августа пароход «Коррект» с Нансеном на борту медленно преодолевал густые ледяные поля и, в конце концов, бросил якорь у берега Ямала. В тот же день, 100 лет спустя, научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов», не встретив ни одной льдины, вошёл в порт Диксон.

— Диксон предстал живой иллюстрацией развития Советской Арктики, когда заселялись ранее безлюдные территории, — продолжает Шахматов. — Очень интересное место! Я там оказался впервые и ожидал увидеть что-то совершенно заброшенное, непонятное, разрушенное. По сообщениям СМИ я знал, что население острова сокращалось, и часть посёлка была законсервирована.

Часть острова действительно на консервации, но, как нам объяснили, дома отапливаются, т.е. там ничего не перемерзло, можно запустить ТЭЦ на полную мощность, и посёлок будет готов к заселению хоть сейчас. Порт и сегодня принимает суда. На Диксоне я увидел кирпичные и панельные многоэтажные дома. Сейчас порядка 300 человек постоянно здесь проживают. Есть действующая школа и церковь. Кстати, школа отличная, это отметили норвежцы, сказав, что не каждое учебное заведение в Осло может похвастать таким зданием и столь развитой инфраструктурой. В школе замечательный музей. Отдельная экспозиция посвящена Великой Отечественной войне, героической обороне Диксона от фашистского крейсера «Адмирал Шеер». В городе работают четыре магазина и даже бар.

Мы посетили памятник норвежским исследователям. В ходе одной из экспедиций Амундсена на Диксоне от переохлаждения и истощения погиб норвежский моряк ТЕССЕМ, и местное население ухаживает за его могилой. Для норвежцев посещение этого места стало волнующим событием. Есть сведения, что на острове погиб ещё один моряк из Норвегии КНУТСЕН. Предполагают, что его могила находится на законсервированной территории. К сожалению, пожар уничтожил большую часть архива Диксона, но теплится надежда, что копия документов осталась в краевом архиве. И норвежцы высказали идею в будущем организовать совместную экспедицию на Диксон, с целью поис-

ка и нанесения на современную карту места захоронения норвежского моряка.

Нам показали современное спасательное оборудование. С российской стороны на протяжении Севморпути создаётся около десятка крупных пунктов МЧС, чтобы сделать маршрут безопасным для провода грузов, поскольку это принесёт значительную экономическую выгоду. То же самое сделает и норвежская сторона. После того как проект запустят, гарантируя безопасность на всём пути следования, его можно переводить в коммерческое русло. Проведение каждого судна будет оплачивать заказчик. Однако нужна уверенность, что любого уровня спасательные операции будут возможны как с российской, так и с норвежской стороны, независимо от зоны ответственности.

Каждый из нас покидал гостеприимный Диксон с подарками, омуля ели несколько дней...

Путешествие во времени

Следующим пунктом нашей программы была Дудинка. Поскольку не штормило, пришли в порт немного раньше намеченного срока, хотя экспедиция, ходившая перед нами на землю Франца Иосифа, постоянно шла в условиях 5-6-балльного шторма, и люди за три недели были вымотаны донельзя.

Сразу же, начиная с портовой зоны, Дудинка производит впечатление обычного цивилизованного небольшого города. Ничем не отличается от Ачинска, Канска. Чем дальше, тем это впечатление только усилива-

Аэродром в тундре, п. Бугрино, о. Колгуев

ется. В прежних поселениях мы ни разу не встречали легковые машины, за исключением УАЗов МЧС, напоминавших луноходы. А здесь заходишь в город и видишь светофоры, пешеходные переходы. Первый вечер мы были предоставлены сами себе: ходили по городу, глазели, фотографировали. Помню, даже посмеялись над тем, что у нас получается не путешествие в плане преодоления расстояния, а ещё и путешествие во времени, потому что от Бугрино до Дудинки пролегает временной промежуток лет этак 200, если брать во внимание уровень цивилизации. Сначала шло наполовину развитое Бугрино, затем более цивилизованный Диксон с небольшим населением и грунтовыми дорогами и, наконец, Дудинка — достаточно современный город, где люди одеваются по моде, а не только для того, чтобы не замерзнуть... Мне запомнился отличный музей с богатыми фондами и очень опытными экскурсоводами. В городе несколько современных супермаркетов, есть даже пиццерия, куда, подстав от нашего весьма разнобразного, но всё же корабельного рациона, сразу же устремилась большая часть норвежцев.

Утром мы попали под крыло местной администрации, поучаствовали в пресс-конференции и процедуре посвящения в коренные таймырцы. Обряд проходил в Доме народного творчества с участием шамана, представителей различных национальностей. Они читали стихи, пели песни, играли на музыкальных инструментах. От видеоискателей фотокамер мы не отходили. Позже наша делегация посетила Таймырский колледж, он произвёл неизгладимое впечатление на норвежских коллег. Когда представитель международной нефтяной компании «Тоталь» попал в лабораторию, где идёт обучение нефтегазовому делу, и посмотрел тренажёры, то сразу заявил, что выпускник такого заведения после небольшой практики сможет самостоятельно трудиться на настоящем месторождении. Большинство учащихся колледжа — представители коренных малочисленных народов Севера.

Беспокойство за «Страну будущего»

Конечным пунктом путешествия памяти Нансена был Норильск.

— В заполярный город мы прибыли поздно, изрядно вымотанные насыщенной программой в Дудинке и переездом, который занял у нас почти два часа, — вспоминает Шахматов. — По городу много не разгуливали, провели пресс-конференцию, а потом посетили местный музей и улицу Нансена. Выглядит она достаточно скромно, но все дружно высыпали из автобуса и стали фотографироваться возле дома с табличкой.

— Артём Владимирович, путешествие по Севморпути, затеянное Лидом сто лет назад, называют авантурным. Почему?

— Когда по Северному морскому пути шёл Нансен, судя по записям в его дневниках, приходилось постоянно рисковать, думать о том, чтобы судно не затёрло льдами.

Мы прошли в то же самое время и по тому же маршруту, но ни одной льдинки вообще не встретили... Великого преодоления с нашей стороны не получилось — климат сильно изменился.

Норильские журналисты атаковали нас вопросами о том, как деятельность человека в высоких широтах влияет на изменения климата. Один из ведущих исследователей Норвежского Полярного института Ян-Гуннар ВИНТЕР пояснил, что именно на Крайнем Севере деятельность человека менее всего влияет на климат, а основные изменения происходят в наиболее заселённых, промышленных районах земного шара, таких как Китай, Латинская Америка. По его словам, проблема климатических изменений обусловлена и естественным положением Земли в космосе,

например, важно, под каким углом падает солнечный свет.

Больше всего норвежцев волнует таяние ледников. Когда это происходит, повышается уровень Мирового океана, что приводит к наводнениям и засухам в разных регионах. Таяние льдов уменьшает площадь отражения солнечных лучей и нагревает Мировой океан в арктической части на 1-2 градуса больше, чем, скажем, несколько десятилетий назад, появляется больше испарений. Данный фактор способен изменить направления миграции рыбы, и норвежскую сторону тревожит этот вопрос, ведь рыбная ловля — это значительный процент ВВП страны.

Холодные зимы, которые последние годы имеют место в Красноярске, возможно, по мнению норвежской делегации, связаны с тем, что если раньше в Арктике существовал замкнутый цикл движения воздушных масс, то сейчас благодаря тому, что температура стала выше, эта замкнутость нарушается, и холодные массы арктического воздуха вырываются время от времени дальше, в центральную часть, и мы испытываем сильные морозы при достаточно высокой влажности. Прогнозирование этих процессов и своевременное предупреждение регионов о надвигающихся снегопадах, дождях, которые влекут за собой наводнения и т.д., сегодня очень востребованное направление в исследовательской работе.

Другая важная задача — не допустить возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с разработкой и транспортировкой минеральных ресурсов в Заполярье. Хрупкая экосистема находится в состоянии устойчивого равновесия, но вмешательство человека (разливы нефти, например) может привести к экологической катастрофе, нарушению баланса в тундре, Мировом океане, что повлечёт за собой вымирание или изменение миграции морских культур.

По красноярскому времени

— Да, мы не детально повторили путь Нансена, такую цель и не ставили, — подытоживает Артём Шахматов. — Идея состояла в том, чтобы замыслы Нансена и Лида опять оказались на поверхности. Нам хотелось увидеть их в развитии. Сегодня 90 процентов потребляемого Норвегией алюминия поставляет Красноярский край.

— Печально. Мы опять выступаем в роли сырьевого придатка...

— Согласен. Но почему бы не изменить структуру экспорта, не посмотреть, какие ещё виды торговли и сотрудничества возможны между нами и Норвегией? После моего доклада на корабле, посвящённого Восточной Сибири, по характеру заданных мне вопросов я вдруг понял, что сотрудничество между Россией и Норвегией до сей поры ограничивалось в основном Архангельском, Мурманском, Питером и Москвой. Сама по себе идея, что можно на межвузовском уровне работать и с Красноярском, родилась прямо на борту судна. Я рассказал об СФУ, о направлениях исследований. Представления норвежцев о Сибири как о регионе, где просто стоят два десятка нефтяных и газовых вышек, мне кажется, начало меняться ещё в Дудинке.

К слову, такого уровня норвежской делегации во главе с Генеральным консулом Норвегии в Мурманске Ейвиндом НОРДСЛЕТТЕНОМ в краевом центре не было уже несколько лет, поэтому с точки зрения развития международных отношений — к чему, в том числе, стремился и Нансен — у нас пока всё получается.

Андрей КУЗНЕЦОВ

— до шести месяцев, если прихватить часть апреля и часть октября.

— **Насколько важно для археолога бывать в экспедициях?**

— Важно. Бывает, что с возрастом человек начинает заниматься только аналитической работой, фундаментальной наукой, но в юности он обязательно должен побывать в экспедициях. И чем больше, тем лучше.

Как ещё отказаться от современных стереотипов, погрузиться в атмосферу древности? Уехать подальше от цивилизации, идеально — туда, где нет сотовой связи и Интернета. Только природа, естественный образ жизни, простая пища и работа. Через какое-то время начинаешь чувствовать окружающий мир. Тоньше понимать природу. Узнавать и понимать себя. И на интуитивном уровне — древнего автора.

К сожалению, из-за финансовых проблем часто приходится максимально сокращать время экспедиции: приехал, выкопал, увёз. А исследовать-обрабатывать приходится уже в городе. Там и не замечаешь, как тебя подавляет сумбур современной жизни, и интуиция замолкает.

— **Экспедиция заканчивается с возвращением в город?**

— Заканчивается лишь полевой период. И начинается камеральный, то есть обработка собранного в полевых условиях материала. Потом нужно будет написать отчёты. Это как при сборе грибов: чтобы гости ели и нахваливали, нужно не просто найти-собрать съедобные, но и обработать их, законсервировать и сохранить, а потом ещё и красиво сервировать. И у нас то же самое: нужно найти ценные объекты, бережно их достать, правильно обработать и грамотно преподнести в виде отчётов, статей и музейных экспозиций. Причём так, чтобы наши современники почувствовали дыхание ушедших времен.

Наши земли помнят Атиллу и Джучи

— **Вы считаете, современникам это нужно? Для чего?**

— Да начиная банальным — чтобы не наступить на любимые грабли, не повторить ошибок (что, впрочем, человечество делает регулярно), и заканчивая банальным же: без прошлого действительно нет будущего.

Археология демонстрирует нам динамику изменений: как человек отходил от природы, как постепенно, с развитием орудий труда, начинал чувствовать себя хозяином этой природы, а потом и вовсе решил, что он властелин. Как теперь в поисках гармонии пытается вернуться к ней.

Или можно проследить, как на определённых территориях менялись периоды агрессии и покоя. Человек такое странное существо — чуть станет спокойнее и лучше жить, отъест бока, как тут же ввяжется в войну.

Вот мы считаем себя такими прогрессивными в сравнении с людьми прошлого, а не можем разгадать их загадок, реконструировать утраченные технологии древней металлургии, обработки камня. Например, восстановить бронзу, которая, пролежав в земле около трёх тысяч лет, покрылась лишь лёгким налётом окисла. Химический состав с помощью спектрального анализа определить можем, а воссоздать такой же сплав не получается.

Мы не можем расшифровать древние образы, так называемые личины, которые были воплощены в камне древними художниками четыре тысячи лет назад. Найдены они на юге

↑ Раскопки на Афонтовой горе, 1992 г.

→ Петроглифы (Ангара, Богучанский район, писаница Манзя)

нашего края, а посмотреть их можно в Красноярском или в Абаканском краеведческих музеях. Это не портретные изображения, а сложные фантастические: антропоморфные фигуры с третьим глазом, заячьими ушами, рогами, солнечными лучами, там же встречаются солярные знаки, отражена довольно сложная космология.

Забавно слышать, когда люди снисходительно высказываются по поводу примитивного мышления людей древности. Те же изваяния свидетельствуют о необыкновенно тонком художественном восприятии мира, о высоком интеллектуальном уровне их создателей. Главная загадка древнего искусства перекликается с загадкой появления на земле homo sapiens.

Или возьмём патриотическое воспитание. Все твердят о его необходимости, о том, как сложно привить ребёнку любовь к родине. Так вы скажите ему об этой родине! У нас же невероятно интересная история, кто только не отметился в пределах края. Вот, например, гибель Римской империи. Казалось бы, какое это имеет отношение к Сибири? Однако гунны, набеги которых сыграли значительную роль в крушении римского государства, шли туда через нашу с вами землю. Вместе с Атилла. И, кстати, часть из них здесь осели и ассимилировались с местным населением.

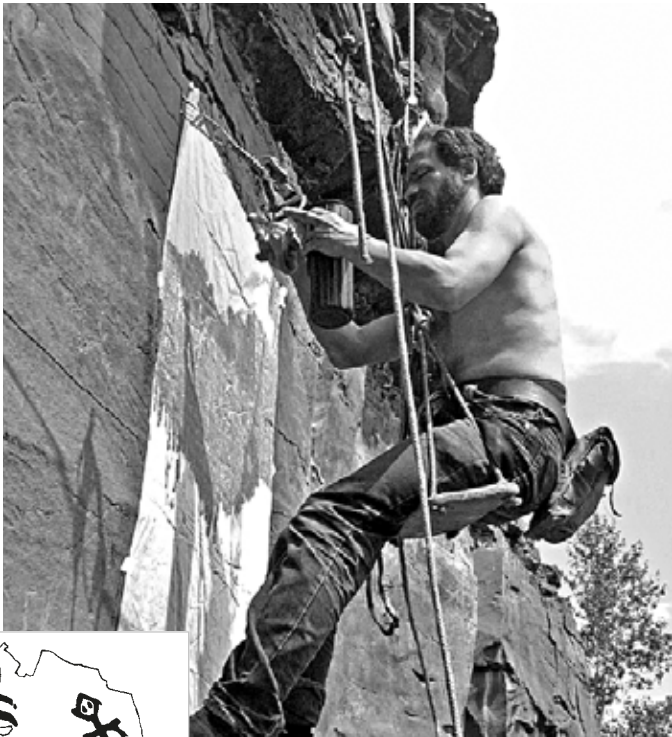
Дальше — монгольское нашествие. Все помнят имена Батыя и Чингисхана. Но мало кто знает, что они были неподалёку, а сын Чингисхана Джучи дошёл до Красноярска.

Вандалы и чиновники

— **Какой средний возраст участников экспедиции?**

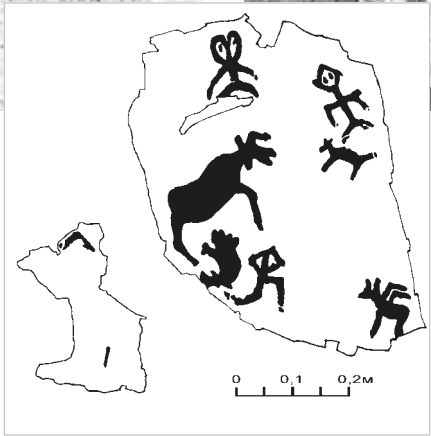
— 20-25 лет. После первого курса многие студенты-историки едут в экспедицию. А в археологию потом приходят один-два со всего курса. Зато учатся все. И не только профессии.

Приятно, когда студенты, которые в первые дни экспедиции не знали, как топор в руки взять, к концу умеют и дров наколоть, и обед сварить, и в лесу сориентироваться. Браки, кстати, крепкие у тех, кого зароманило в экспедиции: люди находятся рядом 24 часа в сутки, понимают, кто чего стоит, в отсутствие понтов-машин-айфонов быстро проявляется истинная сущность человека. Люди сами себя открывают. Бывает, что неприемный мальчишка проявляет лидерские качества, причём неожиданно даже для себя. Девушки начинают

↑ Александр Заика копирует петроглифы эстампным методом (Шалоболинская писаница).

Метод эстампного копирования наскальных рисунков на микалентную бумагу, столь широко используемый сегодня, был изобретён наставником Александра Заики красноярцем Владимиром Феофановичем КАПЕЛЬКОЙ. По его словам, оставленный художником на камне лист микалентной бумаги намочило дождём; высохнув, бумага сохранила все мельчайшие объёмы камня, которые осталось только закрасить, чтобы получить точную копию петроглифа.

ценить мужчин не за яркий окрас — деньги и связанные с ними атрибуты, а за мужскую сущность — силу, храбрость, волю, за то, как он проявляет себя в экстренных ситуациях. И всего после месяца полевой жизни возвращаются повзрослевшими, с другим отношением к жизни.

— **Что происходит после раскопок с местом и найденными объектами?**

— Тут проблема. Место засыпается землёй, объекты после описания в лучшем случае уходят в запасники музеев.

Да, обидно бывает: раскапываешь, изучаешь, а что потом-то? В Казахстане каждый объект музеефицируется. То есть изучили курган, тут же его реконструировали, а рядом ещё и макет поставили, представляющий первоначальный облик. Любой может приехать и своими глазами на месте посмотреть, руками потрогать. В Хакасии тоже пытаются работать с наскальными рисунками — и защищать их, и экскурсии проводить. У нас же в краевой администрации это, к сожалению, пока не находит отклика. Сегодня мизерная часть экспонатов выставлена в краеведческом музее, в нашем музее педуниверситета. Хотя могли бы появиться сотни музейных площадок по всему краю. И, уверен, это было бы востребовано. А развитие внутреннего туризма — это возрождение деревень и развитие народных промыслов.

Я видел в Казахстане, как изменился умирающий аул, став музеем-заповедником. Все окрестные деревни работают теперь только на него, и расцвёл район, цены на недвижимость взлетели. И народные промыслы вдруг сами возродились, когда жители поняли, что ковры можно ткать и продавать туристам. И кухня национальная процветает, и верховая езда. Но там другое отношение к сохранению национальной культуры, другие стимулы. У нас же, мне кажется, беда в том, что мы живём одним днём.

Например, та же знаменитая Шалоболинская писаница. Она подвергается вандализму, а мы не можем её защитить. Первые три года нам помогали, администрации района было интересно, школьников возили автобусами, я проводил экскурсии.

А потом мы стали не нужны, народ сам поехал. И новоявленные гиды в своей интерпретации, часто искажая информацию, пересказывали мои рассказы. Иногда за деньги. Но это ерунда. Главное — принялись писать-рисовать поверх петроглифов. Тут и задумываешься: не знали бы люди — и сохраннее был бы памятник археологический. Но, конечно, культурные ценности нужно не прятать, а защищать.

У нас в Красноярском крае нет ни одного музея-заповедника. Даже историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» не имеет юридического статуса. А чтобы им обзавестись, нужно невозможное сделать. Сначала — получить статус достопримечательного места. В 2010 г. мы собирали для этого учётную документацию. Вот — это только иллюстрация к ней (Александр Леонидович достаёт внушительный том около 300 страниц). И лишь на днях будет решаться судьба писаницы — признают её достопримечательным местом или оставят объектом для вандализма.

Но даже если признают, даже если дадут статус музея-заповедника, кто потом возьмёт его на баланс? Тоже проблема.

Например, в Хабаровском крае есть знаменитые петроглифы Сикачи-Аляна. Всего в 60 км от Хабаровска в нанайской деревне организован музей под открытым небом. И статус музея-заповедника они получили, и финансирование на создание инфраструктуры выделено. Но на баланс их никто не берёт.

— **То есть вам мало заниматься археологическими исследованиями, вы хотите контролировать их сохранение?**

— Да не контролировать! Просто важно сохранить эти памятники. А кроме археологов сегодня никто не понимает, насколько это действительно важно. Значит, мы должны объяснить это людям.

Ну да, мы чудачки. Так с этого же мы и начали.

Александра КАЗАНЦЕВА

Огонь, вода и медные камни

Герой и автор автобиографической книги «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Дэвид Торо считает, что только заплутав среди деревьев, ты можешь понять всю «огромность и необычность природы». Вообще-то сам Торо в лесу не заблудился ни разу, он постиг великие смыслы во время своей двухлетней жизни в лесной глуши, вдали от цивилизации.

Энтомолог Андрей ГУРОВ, научный сотрудник Красноярского Института леса РАН, который провёл в экспедициях десятки лет, согласен с уважаемым писателем: только один на один с лесом ты слышишь истину, видишь суть вещей, чувствуешь время, понимаешь себя. Хотя на философские темы в этот раз мы почти не разговаривали — мой собеседник вспоминал о событиях своей жизни. Да и не разговор это получился. Скорее монолог.

Кто в тайге главный вредитель

— Андрей Вячеславович, расскажите о вашей жизни в лесу. Что поразило, запомнилось, что удалось увидеть. Чем вообще вы там занимались?

— Биологи порой проводят в экспедициях всё лето, с мая по октябрь. Как и все сотрудники института, которые работают с «живым материалом» — растениями, насекомыми, животными, — я ездил на полевые ежегодно. Мне довелось поработать во многих зонах Сибири: в лесах Томской области, на юге края, в Хакасии и Туве, в горах Восточного Саяна, на Енисейском кряже, на Севере, в районе Нижней Тунгуски, на Ангаре в средней тайге, в «мёртвой зоне» Норильска. Эти места сильно отличаются одно от другого, и ярких впечатлений хватало — как, впрочем, и рутинной работы.

Студентом Томского университета три сезона подряд я провёл в Северном Казахстане. Жили мы в степи, в палатках, а работали по ночам: изучали поведение китайского дубового шелкопряда — бабочки, активной в ночное время суток. Раньше этот вид разводили для получения чесучи, грубого шёлка, который шёл на изготовление парашютов. Это сейчас такую ткань делают искусственно.

Дубовый шелкопряд был известным видом, который на специальных станциях разводили десятилетиями. Этих крупных бабочек легко маркировать. А изучалось на их примере то, как можно использовать природные феромоны для привлечения насекомых в хозяйственных целях, при борьбе с вредными видами — например, непарным шелкопрядом.

После окончания университета я распределился в Красноярский Институт леса. Моя экспедиционная работа здесь была по новой теме: нужно было выявить структуру и оценить хозяйственное значение комплекса насекомых, связанного с сосновыми молодняками. На тот момент в европейской части страны эта проблема уже была проработана, а в нашей зоне таких исследований почти не было, несмотря на то, что сосна у нас в крае — один из самых ценных источников древесины.

Я начинал работать в удивительных сосновых борах — Юкеевском,

Атамановском, Погорельском... Нарботкой нашего института был метод оценки того, как комплексы насекомых повреждают хвойные деревья. Если, например, на Западе повреждённость считают по числу полностью съеденных хвоинок или их весу, то у нас смотрят на так называемый уровень освоения — количество следов, оставленных насекомыми при питании. Выяснилось, что не менее 60% хвои на деревьях в нашей зоне хотя бы раз посещаются насекомыми, но это далеко не всегда приводит к гибели деревьев. Кроме того, даже самые потенциально вредоносные практически не дают вспышек. А если они и случаются, то бывают локальными и ни в какое сравнение не идут, например, со вспышками на Урале или в европейской части России.

— То есть нашей тайге гибель от насекомых не грозит?

— Ну, вообще-то наша сосна не таёжное дерево. Тайга начинается дальше к северу, за 100 км от Красноярска, где высокотравные сосняки сменяются среднетаёжной и таёжной растительностью. В северной тайге сосен немного, преобладают темнохвойные породы.

Что касается угрозы насекомых — как мне кажется, человек представляет большую опасность для лесов, чем природные факторы. К примеру, съеденный насекомыми во время вспышки лес возобновляется естественным путём. Деревья усыхают на корню или вываливаются, их доедают ксилофаги, на участках появляется осветление, начинают расти лиственные породы — возобновление всегда начинается с них, если только территория не заболачивается. Под пологом лиственного молодняка принимаются расти и хвойные, которым в нежном возрасте нужна защита. А потом участок постепенно зарастает прежними породами.

Но если в процесс вмешивается человек, восстановление леса идёт иначе. К примеру, взять вырубку.

После того как древесина заготовлена и вывезена, площадку расчищают и принимаются сажать культуры (в лучшем случае) вырубленной породы. А без защиты лиственными они растут плохо, нужен постоянный уход за посадками. И получается, что себестоимость леса, выращенного из саженцев, гораздо выше, чем того, что подрастает сам, без нашего вмешательства. Конечно, есть разница во времени, естественное восстановление происходит гораздо дольше. Но и лес растёт не такой, как в посадках с их хилыми, слабыми деревьями. Дайте возможность лесу расти! А вот чистить лесосеки от хлама, конечно, надо, иначе всегда есть угроза пожара и концентрации вторичных вредителей.

Деревни-призраки

— За те восемь лет, что я работал в борах, многое удалось увидеть и понять. Защитил диссертацию. Постепенно перешёл к другой теме, и география полевых экспедиций расширилась тоже. Стационар, где я в основном работал, располагался в старинной деревне Юкеево на берегу Енисея. А на правобережье напротив была тайга, Енисейский кряж, который идёт на север в сторону Ангары. В этой тайге тоже сажали культуры, но там совсем другие территории: поселений очень мало, между ними огромные расстояния. А раньше деревни были. Их забросили уже после войны, в 50-е. Я знал там четыре деревни, где на то время виднелись лишь остатки чёрных срубов, колодезных журавлей и крестов на маленьких кладбищах: Юдинка на речке с таким же именем, Быково, Шивера, название четвёртой не помню. Трава там растёт в рост человека и выше, бывает, что и до трёх метров...

— Почему забросили? И чем до этого занимались там люди?

— Удалённость сыграла свою роль. От Енисея до этих деревень 4–5 км

в гору, а дорога через тайгу, грязь по колено, проехать только на тракторе можно. Да и нечего стало там делать. Возникли поселения в этой тайге в конце XIX — начале XX века, жители занимались тем, что охотились, добывали смолу, дёготь берёзовый, серу и живицу. Шишки кедра тоже — в урожайные годы, грибы, ягоды, черемшу...

Ещё там жили те, кто работал на приисках: в 30–40 км вглубь тайги были золотые прииски. В момент открытия, в начале прошлого века, очень богатые. Таких много было по всей Сибири. Друг рассказывал, как рядом с прииском в Томской области группа, с которой они были на полевых, нашла скелет, одетый в мундир горного инженера царской России.

Прииск Николаевский, где я был три раза, перестали использовать в 1959 году.

— Истожились запасы?

— Да, видимо. И обветшало там всё. Закрыли прииск после того, как из бригады в 13 рабочих 12 погибли.

Руду на Николаевском прииске добывали в шахтах. А наверху над ними стояли два чугунных паровоза с огромными поднятыми над землёй колёсами — они вращали тросы, по которым в шахты спускались клетки. На одном была табличка: «Санкт-Петербург, 1906 год». Добытую руду промывали тут же, на прииске, и на лошадях золото везли по тайге к Енисею, на пристань — тоже уже разрушенную в годы, когда я там бывал. Причём к прииску были пробиты две дороги для защиты от «лихих людей»: по какой дороге пойдёт караван, никто не знал заранее.

— Дороги остались?

— Не знаю. Но думаю, что да: во времена моих экспедиций ими пользовались охотники, они на тракторах завозили всё необходимое для зимнего промысла. Кстати, в тех местах много охотничьих избушек. С одной из них у меня связана очень драматичная история.

Я тебе пригожусь...

— В первый раз я пошёл на прииск без всяких научных целей, из любопытства, с университетским другом из Новосибирска Валерой. Было нам примерно по 24–25 лет. Пошли по карте, в начале осени, уже первый снег пробрасывал. Избушка, где мы планировали переночевать, оказалась занята, но мужики сказали нам, что есть ещё одна, подходящая для ночёвки. Нашли мы её, хоть и не сразу. Снег подсказал. Почему-то на тропинках, по которым изредка ходят, он поначалу не тает. Вот и заметили мы такую тропинку в лесу, пошли по ней и оказались у ручья, а рядом стояла изба. Затопили печь, поужинали, ружья к столу прислонили — и легли спать на нары, настеленные у печки. Разделись наполовину. Интересно, что спят все в таких условиях по-разному: я, например, тёплых штанов не снимаю, а телогрейку на оборот, укрываюсь ею. А друг ложится в одних трико, но в телогрейке. Вдаюсь в эти детали, потому что они сыграли свою роль в том происшествии — первом серьёзном уроке, который преподала мне тайга.

Начал я засыпать и чувствую, будто проваливаюсь в яму. Открыл глаза — дым! Ну, думаю, сейчас задохнёмся. Надо было быстрее к выходу пробираться, но я по неопытности не сообразил. А у меня на нарах окошечко перед глазами, заткнутое ветошью. Я тряпки вытолкнул, и тут как пыхнуло на этой тяге! Мы едва успели выкинуть ружья и рюкзаки на снег, выскочить сами: избашка вспыхнула, как факел. Сгорело, конечно, всё, что стояло на столе: котелок, продукты, весь наш хлеб и сахар, чайник завода «Красный выборжец» 1923 года — очень удобный был, на четыре стакана, два охотничьих ножа, шапки, телогрейка моя и валерины тёплые штаны. Хорошо, что в рюкзаке тушёнка оставалась да пачка вафель.

Мы боялись, что огонь на лес перекинется — там по углам избышки стояли три дерева. Нашли два ведра полудырявых, из больших консервных банок сделанных, и принялись бегать к ручью, метров 50 вниз по склону. Пламя гудело. А потом ещё с чердака пошла стрельба: видно, кто-то прятал там патроны. Хлопало минут сорок, причём с разными интервалами, не знаешь, когда и куда полетит. Вот так мы под обстрелом и поливали пожар.

Когда избашка рухнула наконец, уже светало. Нашли мы в углях топор без рукоятки, один из ножей, кое-как закалили их снова, рукоятки вырезали. И пришлось нам потом ещё несколько дней в тайге без шапок, полуодетыми и совсем без сладкого бродить — а там без сахара нельзя, слышном много энергии тратится.

До прииска мы в тот раз так и не дошли. Но образцы пород, которые там параллельно с золотом добывали (золото, как правило, в месторождениях встречается вместе с другими металлами), с собой принесли. Одну из ночей мы провели в полуразвалив-

шемся бараке, где летом жили геологи. Они и оставили там много принесённых с прииска образцов — свинец, халькопирит, горный хрусталь. И ещё овощи подмороженные, свёклу и морковь, мы их грызли.

Вечером, расположившись в том бараке, вдруг слышим не таёжный такой звук — мяуканье. Открыли дверь, а там кошка, почти котёнок. Она буквально обняла меня за ноги и не отлипает. Накормили чем могли. Так она за нами и увязалась, нёс её за пазухой.

И как в сказке кошка эта нам пригодились. Вышли мы на берег Енисея позже запланированного часа на два — а заранее договаривались с капитаном катера, Федей, что он за нами в шесть часов приедет, чтобы переправить на левый берег. Река там шириной километра два. Конечно, никто нас уже не ждал. И вдруг видим — баркас с рыбаками. Мы им орём: мужики, помогите — а они видят двух хипарей длинноволосых и не торопятся причаливать. И тут я кошку из-за пазухи вытащил, показал им. Удивились они, наверное, и подплыли, перевезли нас троих на берег.

До нашего стационара было ещё километра два, а дом Феде — по дороге. Зашли мы к нему, они с женой как раз ужинали. Глянули на нас, погорельцев: есть будете? А мы спрашиваем: сладкое что-нибудь у вас есть? Достали хозяева из холодильника литровую банку засахаренного варенья из красной смородины, и мы у них на глазах всю эту банку разом стрескали.

Кстати, кошечка таёжная в Красноярск потом уехала, я её отдал городским соседям.

С медведями за кадром

— На следующий год с Валерой вдвоём мы снова отправились на прииск, уже пораньше, до снега. Тоже без приключений не обошлось, хотя, наученные опытом, мы уже и за печками следили лучше, и продукты всегда раскладывали на две части, чтобы когда вытащишь из одного рюкзака, во втором запас оставался.

Во втором походе мы слегка заблудились, пошли не по той дороге. Тоже, как в сказке: пойдёшь налево, пойдёшь направо... Мы пошли по той, где виднелся след трактора, но через три часа пути она закончилась тупиком, а не прииском. Точнее, охотничьей избышкой, где стояли мешки крупной соли, а стены были увешаны плашками, на которых обычно растягивают шкурки. Видимо, на тракторе охотники завозили туда соль и продукты для зимней охоты. Ночевать пришлось там, и на прииск мы попали позже запланированного, но всё же довелось нам его увидеть — и шахты, и те паровозы. Снова набрали полные рюкзаки образцов, еле дотащили.

Возвращаться к берегу пришлось, когда уже стемнело. Шли в лунном свете, когда облака рассеивались, а порой наступала кромешная тьма. По очереди — то Валера впереди, то я. И тут кто-то в кустах параллельно с дорогой захрустел, да дурно так! Идёт с нами и хрустит ветками. Я слышал, что так медведи любят делать. Остановились мы, сели, закурили, заряжали одностволки. Тишина. Пошли — опять хрустит. И так километра два — думаю, до границ своей территории он нас сопровождал.

Были и другие истории медвежьих, хотя лицом к морде я с медведем ни разу не встречался. Когда на севере работал, медведь вокруг нашей избышки всё время ходил. Перевернёт

пару бревен на дороге — я здесь! — но не показывается.

А однажды, когда я тоже в правобережной тайге на покосах работал, был такой случай. Я был один тогда, устроил себе лагерь в осиннике: огородил место, наломал пихтовых веток для матраса, навесил полог от комаров (были тогда такие марлевые в форме гробика, без дна, на шесть колышков привязывались), заготовил дрова для костра.

— Наверное, одному в лесу жутковато.

— Жутковато. Но крайне интересно. Это особенный опыт. И одиночество в тайге особенное. Тем более в местах, где когда-то жили люди. Такой кричащей тишины не почувствуешь нигде больше. Иногда разговариваешь сам с собой и даже стихи читаешь.

А ветер рвал, качал вершины кедров, сжимал в тисках отчаявшийся люд. Угрюмый лес ломал стволы победно И песне вторил басом... Не убьют В моей душе дыханье злые речи, Не унесут огонь в глухие дали. Зброшенных домов пустые печи Завбение и смерть в лицо кидали... — Ваши стихи?

— Мои. Записывал раньше, и рассказы писал, но так и лежит всё до лучших времен. Ну вот. Отработал я на своих опытных площадках три дня, а тут лесники на тракторе едут, говорят: давай, мы тебя добросим до

Снимок сделан прямо из автомобиля, поэтому качество пострадало

берега и через реку в деревню, а через пару дней назад вернёшься с нами. И я решил устроить себе выходные. Ну а продукты, крупу, сахар, вермишель, стужёнку убрал в короб алюминиевый, был у меня такой, очень удобный, закрывался оконным шпингалетом. Убрал всё, поставил короб в ямку, сверху мхом прикрыл.

А когда вернулся, смотрю — весь лагерь мой разгромлен. На месте головы в пологе дыра грязная со следами когтей. И короб они нашли.

— Они? — Медведица с медвежатами там побывали, судя по следам. Достали короб, вскрыли шпингалет — думаю, это медведица сделала, всё с мясом было выдрано. А вот зубки на банке стуженки остались медвежонковые. Он её, конечно, всю перекрутил, пока до стужёнки добрался. Храню как сувенир — дети эту раскуроченную банку в школе на зоологии показывали.

Сейчас медведей стало гораздо больше. Пару лет назад напротив Енисейска мы по лесной дороге за медведем даже на машине ехали.

Он обернулся, посмотрел на нас и идёт себе дальше, не торопится. Выстрелили в воздух — рванул галопом на обочину. А потом повернулся, встал к нам мордой и смотрит.

Не только медведей сейчас больше, другие интересные изменения происходят. Например, раньше до Юксеева, это около 150 км вниз по Енисею от Красноярска, маралы доходили редко, а сейчас табунками. Кабарга вернулась и даже, говорят, в лесах тех появился лесной северный олень.

Гнусный домик, мёртвый лес

— Олени выходили на нас на Сухой Тунгуске. Это была экспедиция, в которой мне предложили нашими методами поработать в районе Туруханска. К тому времени я занимался изучением экотона — переходной зоны между двумя резко отличными друг от друга экосистемами, например, лесом и лугом. Исследования фауны беспозвоночных проводились так: на участке устраивались трансекты — вытянутые в длину узкие опытные площадки (наши были 41 м). С интервалом в метр по всей длине закапывались ловушки, пластиковые стаканчики. Нулевые ловушки находились в тайге, на том участке, где мы работали, точно на линии опушки, а дальше ловушки уходили одинаково в разные стороны, в лес и на луг. В течение нескольких лет в Юксеевской тайге через определённые интервалы времени мы проверяли, сколько и каких насекомых попадает в ловушки.

Так вот, в Туруханском районе энтомологи почти не работали, и мы вдвоём со студентом-практикантом отправились туда изучать фауну методом трансект. Забрасывали нас на Сухую Тунгуску на вертолёте вместе с надувной лодкой. Каждые два дня мы переплывали на новое место, расставляя свои ловушки и потом изучая тех, кто в них попался.

Условия там экстремальные — кто был на Севере, знает. У нас имелся свой «гнусный домик»: палатка, сшитая из очень плотной марли, похожей на полиграфическую, которую используют при переплёте на корешках книг.

Летом в тех краях полярный день. Утром жары нет всего минут 40, потом налетает мошка. Вначале крупная — руки у нас, несмотря на то, что постоянно смазывали антикомариными жидкостями, между перчатками и рукавами энцефалитки были вздуты, как будто в браслетах. Потом, когда воздух ещё больше нагревался, прилетал мокрец — такой мелкий, что его не все могут разглядеть невооружённым глазом. Этот кусает сильнее всего, потому что пролезает даже через марлю. Потом к этой компании добавлялись слепни — их было так много, что спина впереди идущего сплошь чёрная от головы до ног. И вокруг облако гудящее летает: одни отдохнут, другие сядут на их место. Наконец, к вечеру, часа в четыре, появлялся комар. В итоге мы перешли на ночной режим работы, когда меньше этих гнусностей. Спали до обеда, потом шли проверять наши ловушки.

Выживать там трудно, но места сказочно красивые. На галечно-песчаной косе даже маки цвели! И рыбалка там исключительная, я за один раз поймал 14 больших сегов. И таймени попадались... А один раз к берегу вышли прямо на нас три оленя. Не глядя — вокруг глаз всё у них было мошкой изъедено.

(Окончание на стр. 24)

Притяжение Севера

Норвежский исследователь Фритъоф НАНСЕН называл Арктику «страной ледяного ужаса». И долгое время эту страну никто не пытался завоевать. Россия, чьи северные границы поражали протяжённостью, несколько веков подряд укрепляла свою государственность — ей было не до арктических широт. И только с появлением Российской империи стали предприниматься попытки организованных научных экспедиций. До этого вылазки в страну белого безмолвия совершали единицы — отважные охотники и рискованные купцы, целью которых были неразведанные охотничьи угодья и поиск новых торговых путей.

С XVIII века оформились три основных направления исследовательской деятельности в Арктике — это Северный морской путь, проход между Азией и Америкой и Северный полюс, достичь которого удалось лишь в XX веке.

Покорители Арктики были особыми людьми — требовалось невероятное мужество и фанатичная преданность идее, чтобы путешествовать в условиях, выдержать которые может редкое живое существо. Они выдержали. А иные заплатили жизнью за свою исследовательскую страсть.

Первые русские мореплаватели, известные истории, появились в морях Северного Ледовитого океана в XI веке. В XII—XIII веках были открыты острова Вайгач и Новая Земля, а в конце XV века — острова архипелага Шпицберген и остров Медвежий. Первая карта бассейна Ледовитого океана появилась в 1525 году, её составил русский посол Дмитрий ГЕРАСИМОВ — от устья Северной Двины до Оби. К шестнадцатому веку относятся и освоение этой части океана, так называемого мангазейского морского хода. А век спустя русские землепроходцы уже были на Чукотке.

Историческая несправедливость

В 1647 году казак Семён ДЕЖНЁВ (1605–1673) отправился на Чукотку в составе торгово-промышленной экспедиции приказчика Федота ПОПОВА. Целью экспедиции Дежнёва-Попова был поиск новых земель и новых промыслов пушнины, одновременно оба были облечены полномочиями собирать дань с местного населения.

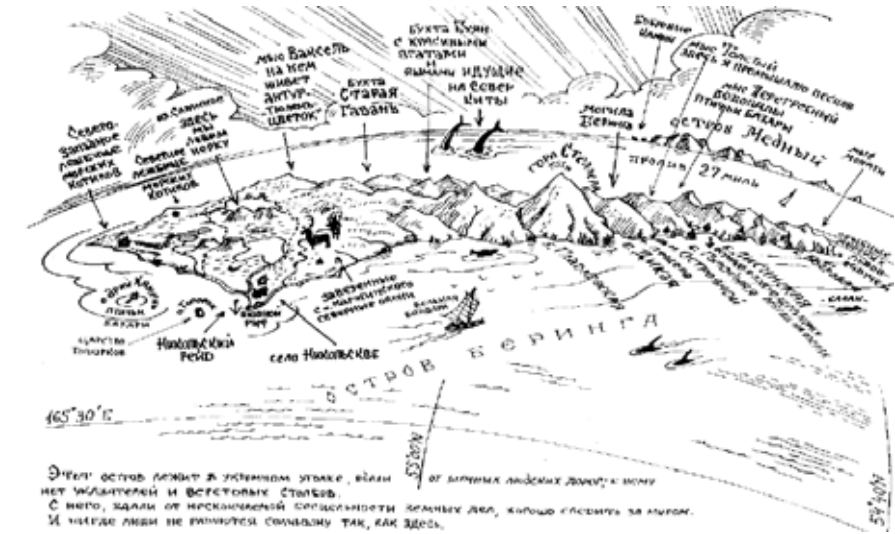

Экспедиция Дежнёва, художник К. ЛЕБЕДЕВ

Мореплаватели намеревались обогнуть Чукотский полуостров от устья реки Колымы к Анадырю, но в 1647 году сделать это не удалось. Через год на семи судах пошли снова. Плавание было тяжёлым и полным опасностей — несколько кочей потерпели крушение, высадившихся с них людей на берегу убили коряки. Кто-то умер от голода. После завершения плавания из семи кочей осталось всего два.

За 80 лет до БЕРИНГА Дежнёв с товарищами прошёл проливом между Азией и Америкой. Это событие стоит в одном ряду с открытиями КОЛУМБА, Васко да ГАМЫ и МАГЕЛЛАНА, но получилось так, что все лавры первооткрывателя достались Витусу Берингу, а имя Дежнёва на много лет было забыто, потому что Дежнёв не оставил точного научного описания своего похода.

В 1648 году остатки экспедиции Дежнёва высадились южнее Анадырского устья, где и был основан Анадырский острог. Семён Иванович составил чертёж реки Анадырь и в челобитных описал природу Анадырского края. В 1665 с ценным грузом моржовых клыков и пушнины Дежнёв прибыл в Москву, где его за заслуги произвели в казацкие атаманы.

Карта Командорских островов, открытых Витусом Берингом, составленная современными путешественниками (www.debri-dv.ru)

Можно добавить, что Семён Иванович был женат два раза и оба раза на якутках. Вторая жена родила землепроходцу сына Любима.

Заслуга Дежнёва была в том, что он открыл пролив между Северным Ледовитым и Тихим океанами, таким образом доказав, что Евразийский и Североамериканский материки не соединяются. Люди Дежнёва первыми прошли по Чукотскому морю, открыли Чукотский полуостров и Анадырский залив; открыли и первыми пересекли Корякское нагорье, обследовали реку Анадырь и Анадырскую низменность.

Из записей Дежнёва: «А пошли мы все в гору (Корякское нагорье), сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шёл я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыря-реки ровно десять недель, и пали (попали) на Анадырь-реку вниз, близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врознь разбрелись. И вверх по Анадырю пошло двенадцать человек и ходили двадцать ден, людей и аргишниц (оленьих упряжек), дорог иноземских не видали. И воротились назад и, не дошед за три днища до стану, обночевались, почали в снегу ямы копать».

Первая научная экспедиция

В XVIII веке освоение Российской Арктики и северо-запада Тихого

океана было поставлено на научную основу. Это, в первую очередь, относится к Камчатским экспедициям Витуса Беринга — датчанина по происхождению и русского офицера. Первая из них была организована лично Петром Первым и стала первой исследовательской экспедицией Российского флота. Её задачей было доказать существование пролива между Азией и Америкой, ибо все предыдущие изыскания казались современникам тёмными и недоказанными.

Судно «Святой Гавриил» в 1728 году прошло на север от устья реки Камчатки до 67-й параллели. Американской земли оно не встретило, но свою задачу мореплаватели посчитали выполненной — Беринг с сослуживцами осуществил инструментальную съёмку западного побережья моря на протяжении более чем 3500 км (самому морю впоследствии было присвоено имя его исследователя). Картой, которую он составил, пользовались все западноевропейские картографы при изображении северо-востока Азии.

Аляску же четыре года спустя описали подштурман Иван ФЁДОРОВ и геодезист Михаил ГВОЗДЕВ, они первыми пересекли Берингов пролив с запада на восток, однако высадиться

Первопроходец

В этом году исполнилось 135 лет с тех пор, как Нильс Адольф Эрик НОРДЕНШЕЛЬД впервые прошёл Северный морской путь с одной зимовкой. Путешествие он совершил на судне «Вега». Финансировали экспедицию купец Александр СИБИРЯКОВ, гётеборгский предприниматель Оскар ДИКСОН и, как частное лицо, король Швеции и Норвегии Оскар II, причём на долю Сибирякова пришлось в целом около 40% всех расходов. Норденшельд, швед по происхождению, родился и учился в Финляндии, бывшей тогда в составе России. За два года до этого похода он на день-ги того же Сибирякова уже плавал из Швеции до устья Енисея и даже поднимался до деревни Яковлевой, где и оставил товары из Европы в обмен на местные меха.

В июле 1878 года Норденшельд вышел из Гётеборга. В составе экспедиции находился русский представитель поручик гвардии Оскар НОРДКВИСТ. До устья Лены «Вега» сопровождал небольшой пароход Сибирякова «Лена». Мыс Челюскин оба парохода обогнули вместе 18 августа, им удалось преодолеть массив тяжёлых льдов у северо-западных берегов Таймыра, а затем они дошли и до дельты Лены, где сибиряковский пароход свернул в одну из протоков великой реки. «Вега» осталась одна. Капитан ПАЛАНДЕР повёл её через Восточно-Сибирское море и проливом Лонга вывел в Чукотское. И только здесь, буквально в двухстах километрах от Берингова пролива, пришлось стать на зимовку — судно крепко сковали льды. Норденшельд писал в своём дневнике: «Быть затёртым так близко от цели путешествия было самым большим для меня несчастьем, с которым я никогда не мог примириться». Почти десять месяцев «Вега» стояла в ледовом плену в нескольких километрах от входа в Колючинскую губу, перед которым в своё время остановились и не могли пройти в него корабли Дмитрия ЛАПТЕВА, после — суда БИЛЛИНГСА и САРЫЧЕВА. И вот в июле 1879 года «Вега» смогла продолжить путь. Вскоре экипаж салютовал мысу Дежнёва. Первые в истории Северный морской путь был пройден!

Пропавшая экспедиция

101 год назад в Арктику отправились сразу три русские экспедиции: полярный геолог Владимир РУСАНОВ отплыл на боте «Геркулес», старший лейтенант Георгий СЕДОВ — на шхуне «Святой великомученик Фока» и лейтенант Георгий БРУСИЛОВ на шхуне «Святая Анна». Все три экспедиции ожидал печальный финал.

Зима 1912-1913 гг. была очень суровой, а корабли, которые готовили в спешке, надеясь успеть к 300-летию дома Романовых, увы, оказались не новыми и отправились в путь с неполадками. И если два члена команды Брусилова и группа Седова (без него самого и механика) вернулись обратно, то экспедиция Владимира Русанова пропала полностью.

Русанов был родом из Орла, из купеческой семьи. С детства любил много читать. Стать полярным исследователем его побудили записки Фритъофа Нансена «Среди льдов и во мраке полярной ночи». Высшее образование он получил во Франции, в Сорбонне, так как на родине считался неблагонадёжным и примыкал к марксистам. В Париже он познакомился с будущей женой Жюльеттой ЖАН, которую потом взял с собой

врачом в то трагическое плавание. К 1912 году Русанов был не новичком в полярных исследованиях. Он уже совершал экспедиции на Новую Землю, открывая новые заливы, бухты и острова. Считался первым в мире, кто пересёк Новую Землю пешком.

В феврале 1912 г. Русанову было поручено возглавить экспедицию к островам Шпицбергенского архипелага. В Норвегии для неё было приобретено моторно-парусное судно «Геркулес» водоизмещением 63 тонны. Русанов предложил принять участие в плавании потомственному помору капитану Александру КУЧИНУ, тот согласился. Врачом была Жюльетта, имевшая соответствующее образование. Кроме того, она разделяла исследовательские устремления Русанова.

9 июля 1912 года «Геркулес» вышел в своё последнее плавание из Александровска-на-Мурмане (ныне город Полярный). Берега Шпицберге-на были обследованы успешно, и в начале августа 1912 г. Русанов отправил на одном из встреченных пароходов трёх участников экспедиции, передав с ними в Русское географическое общество отчёт о проделанной работе, зоологические и геологические коллекции.

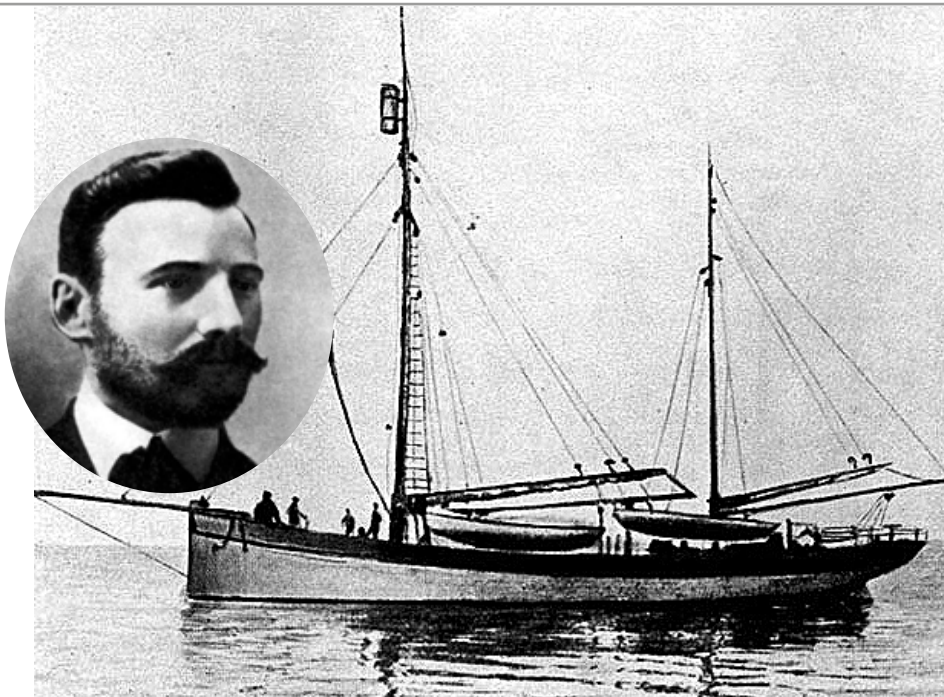
А вот дальше Русанов стал действовать «по обстоятельствам», то есть решил осуществить свой план похода по Северному морскому пути до Тихого океана. Именно поэтому перед отплытием он загрузил «Геркулес» по максимуму. О его планах знали только Жюльетта и капитан Кучин. Ему хотелось проверить свою гипотезу о том, что наиболее свободный от льдов путь через Ледовитый океан лежит где-то около 80 градусов северной широты, потому что там действует тёплое течение, разрезающее лёд.

18 августа 1912 года добрались до Маточкина Шара, где Русанов оставил последнее сообщение, указывающее на намерение пройти Северным морским путём: «Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов».

И всё. Наступило молчание. Лишь в 1914 году на поиски экспедиций Русанова и Брусилова ушёл барк «Эклипс» под командованием норвежца Отто СВЕРДРУПА. Однако «Эклипс» попал в ледяную ловушку и зазимовал, так и не достигнув острова Уединения. Добраться до острова удалось летом 1915, но никаких следов Русанова там не нашли...

Только через 20 лет, в сентябре 1934 года, у западного побережья полуострова Таймыр, на одном из островков в шхерах Минина топограф М.И. ЦЫГАНЮК обнаружил следы русановцев: обрывки одежды и рюкзака, патроны разных калибров, фотоаппарат «Кодак», именнные часы ПОПОВА и документы матросов Попова и ЧУХЧИНА из экспедиции Русанова. После этой находки другой топограф А.И. ГУСЕВ сообщил, что за месяц до этого на одном из островов в архипелаге Мона он видел столб, обложенный камнями, с вырезанной на нём надписью «Геркульс, 1913 г.». К сожалению, никакии последствий эти находки не имели — поиском экспедиции никто заниматься не стал. На карте появились только новые названия безымянных ранее островов: один — Геркульс, другой — остров Попова-Чухчина.

В 1935 г. на острове Попова—Чухчина нашли следующие вещи: женские маникюрные ножницы

Судно «Геркулес» и Русанов

(возможно, Жюльетты), гребёнку, перочинный нож, железные ложки, патроны, медные монеты, буссоль, обрывок рукописи «В.А. Русанов. К вопросу о Северном пути через Сибирское море».

В 1970-х экспедиции газеты «Комсомольская правда» под руководством Дмитрия ШПАРО и Александра ШУМИЛОВА на протяжении 8 лет исследовали побережье Северного Ледовитого океана от Диксона до залива Миддендорфа. Им также удалось найти несколько вещей, предположительно, принадлежавших команде «Геркулеса». В журнале «Вокруг света» в своё время писали о могилах в районе реки Авам на Пясине: ещё при царе кочевники-оленьеводы нашли на побережье лодку, рядом с которой находились мёртвые люди. Оленьеводы похоронили трупы под камнями, а потом нашли ещё двух или трёх человек из этой группы, которым удалось дойти до Тагенарского волока, где они и замёрзли. Погибших похоронили вместе с документами и рукописями.

Открытие Северной Земли

Совсем недавно, 4 сентября, исполнилось 100 лет со дня открытия русской Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана нового архипелага, впоследствии названного Северной Землёй.

Эта экспедиция продолжалась с 1910 по 1915 годы и была одной из самых успешных в истории изучения Арктики русскими исследователями. После её завершения известный полярник норвежец Р. АМУДСЕН писал: «В мирное время экспедиция возбудила бы восхищение всего цивилизованного мира...».

Но в тот момент в Европе шла Первая мировая война, затем — революция, и имена героев экспедиции, белых офицеров, после Гражданской войны эмигрировавших из Советской России, были преданы забвению вместе с их открытием.

А Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана была уникальной. Ей предстояло освоить Северный морской путь как альтернативу южным океанским трассам, к чему русское правительство подвигло поражение в русско-японской войне. Двигаться экспедиция должна была не с запада на восток, а с востока на запад. Продлиться она должна была 5 лет.

Специально для экспедиции на Невском заводе в Петербурге в 1909 году были построены два корабля ледокольного типа — «Таймыр» и «Вайгач». К лету 1910 году экспедиция прибыла во Владивосток, её начальником назначен опытный гидрограф Иван Семёнович СЕРГЕЕВ.

В первые три года были изучены Восточно-Сибирское и Чукотское моря, описаны Медвежий и Новосибирские острова, а также материковые побережья. В 1912 году «Таймыр» и «Вайгач» прошли на запад до бухты Тикси.

Летом 1913 года кораблям предписывалось пройти весь Северный морской путь, пробившись через льды в Архангельск.

Командиром «Вайгача» в походе был назначен Пётр Алексеевич НОВОПАШЕННЫЙ, а командиром «Таймыра» — Борис Андреевич ВИЛЬКИЦКИЙ, впоследствии возглавивший экспедицию. 3 сентября 1913 года на горизонте экипажи заметили неизвестную землю. Высадившись на сушу, составили описание новой земли, установили государственный флаг России, а 4 сентября на мысе Берга был зачитан приказ начальника экспедиции о присоединении новых земель к России, в честь чего был дан торжественный салют.

Интересно, что первоначально открытый первым большой остров моряки называли Тайвай — сокращённо от судов «Таймыр» и «Вайгаха». Однако впоследствии вновь открытой земле было присвоено имя императора Николая II, а уже в 1926 году президиум ЦИК СССР переименовал её в Северную Землю.

Позднее, когда советские полярники установят, что речь идёт о нескольких островах, они получат имена Пионер, Комсомолец, Большевик, Октябрьской Революции, Шмидта, Малый Таймыр.

После открытия островов «Таймыр» и «Вайгач», не сумев пробиться сквозь льды, вернулись во Владивосток. Летом 1914 года начался очередной штурм Северного морского пути. Плавание в тяжелейших условиях продолжалось 14 месяцев. Всё это время на кораблях сохранялась дисциплина и порядок: проводились ежедневные прогулки по льду, устраивались занятия по изучению астрономии, курсы повышения квалификации, вечера чтения литературы, любительские спектакли, проводились даже матчи по футболу между экипажами судов. В результате из 80 членов экипажа двух судов 77 вернулись живыми.

В это время на Большой Земле экспедиции считали пропавшей — связи с кораблями не было. И лишь когда «Таймыр» и «Вайгач» повстречались с норвежским судном «Эклиз», оснащённым мощной рацией, экспедицию стали с нетерпением ждать в Архангельске. «Таймыр» и «Вайгач» прибыли сюда 3 сентября 1915 года, полностью выполнив свою задачу: Северный морской путь был пройден и тщательно описан, открыты новые острова, проведено множество сопутствующих исследований.

Пиарщик полярных снегов

Академик Отто Юльевич ШМИДТ известен в первую очередь как полярник, однако он был ещё и альпинистом, и математиком, и редактором, и геофизиком. Это был чрезвычайно энергичный и талантливый человек, который пришёл в малопримечательную организацию Севморпуть в 1932 году, возглавил её и за короткое время превратил профессию полярника в самую почётную и уважаемую в стране. Он добился существенных надбавок к зарплатам полярников. При нём трудящимся Севера стали давать прописку в Москве и выделять дачные участки в Центральной полосе. По тем временам это были неслыханные привилегии.

Именно Шмидту пришла в голову идея пройти Северный морской путь на обычном пароходе за одну навигацию. Цели было две — смена зимовщиков на острове Врангеля и эксперимент со взаимодействием обычных пароходов и ледоколов. 2 августа 1933 года из Мурманска вышел грузопассажирский новейший пароход «Челюскин». Начальником экспедиции был Шмидт, капитаном судна — ВОРОНИН, на борту находилось более ста человек, среди которых были самые обычные люди — женщины, студенты, целые семьи. Конечным пунктом

плавания значился Владивосток. В Карском море «Челюскин» преодолел льды с помощью ледокола, а вот в Чукотском оказался ими сдавлен. Судно дрейфовало вместе с экипажем в течение почти пяти месяцев, а

4 ноября 1933 года, благодаря удачному дрейфу, вместе со льдами зашло в Берингов пролив. До чистой воды оставались считанные мили. Однако затем судно было увлечено назад, в северо-западном направлении, и 13 февраля 1934 года в результате сильного сжатия «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул в течение двух часов. Ещё заранее, опасаясь подобного исхода, экипаж подготовил всё необходимое для выгрузки на окружающие льды. На лёд удалось перенести кирпичи и доски, из которых строили бараки.

За тем, что происходило дальше, следил весь мир. Эвакуацию 104-х человек осуществляла авиация. Всемирно известными стали имена лётчиков ВОДОПЬЯНОВА, ДОРОНИНА, КАМАНИНА, ЛЕВАНЕВСКОГО, ЛЯПИДЕВСКОГО, МОЛОКОВА, СЛЕПНЕВА. Всего было сделано 24 рейса. Спасённых эвакуировали в чукотское становище. Это были беспрецедентные действия авиации в полярных условиях.

К середине XX века появление современных средств навигации и связи чрезвычайно упростило перемещение по миру. Да и открывать, собственно, было уже нечего. И всё же исследователи Арктики, полярники, как их называют, так и остались особыми людьми.

Потому что выжить в «стране ледяного ужаса» по-прежнему непросто.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Прочитать озёрную летопись

С чем лично у вас ассоциируются озёра Хакасии? Наверное, как и у большинства горожан, с летним отдыхом и туризмом. Между тем, эти водоёмы позволяют заглянуть в далёкое прошлое и узнать, как менялся климат на нашей планете и что ожидает нас в будущем. Как прочесть зашифрованные в озёрах послания, рассказал кандидат физико-математических наук, старший сотрудник Института биофизики СО РАН Денис РОГОЗИН.

— Денис, лето в этом году выдалось дождливым. Ваши исследования помогут спрогнозировать, чего нам ждать от погоды в следующем году?

— Разве что в далёкой перспективе. В палеолимнологии счёт идёт не на годы, скорее, на века.

— Вы давно занимаетесь изучением озёр?

— Езжу в экспедиции с 2001 года, до этого больше интересовался теоретическими аспектами биофизики, исследовал математические закономерности существования микроорганизмов. Но всегда мечтал заниматься полевыми работами. С детства собирал разные камни, минералы... Бабочек изучал. Думал, буду работать в природном заповеднике. Хотел поступить в Ленинградский гидрометеорологический институт на факультет океанологии — не срослось, приёмная комиссия отсеивала иногородних ребят. Зато у нас в КГУ был замечательный физический факультет, его я и окончил по специальности «биофизика». Сейчас смешно вспоминать, а тогда мне казалось, что, знакомясь с девушкой, несерьёзно представляться биологом, вот биофизик — это звучит круто.

— Ваши исследования финансируются Министерством образования и науки или негосударственными фондами?

— Экспедиции финансируются Российской академией наук благодаря участию нашего научного коллектива в интеграционных исследовательских проектах. Финансирование осуществляется Российским фондом фундаментальных исследований и в меньшей степени Красноярским краевым фондом науки. Сейчас я руковожу четвёртым по счёту грантом РФФИ. Он напрямую связан с изучением «озёрных архивов», однако раньше мы находили точки соприкосновения крупных фундаментальных тем типа «Особенности цикла серы и углерода в озёрах» или «Микробные сообщества» с прикладными полевыми исследованиями.

— Результаты ваших экспедиционных открытий представляют интерес для авторитетных научных журналов? Как обстоят дела с публикациями?

— Вполне успешно. Сузу по уровню достижений своих коллег из институтов СО РАН, городских вузов, в том числе СФУ. Экология водоёмов, гидробиология — не самая «импактовая» область науки в настоящее время, дело даже не в качестве публикуемых результатов, а в умеренном интересе учёной публики к тому, чем мы занимаемся. Это же не медицинские исследования, связанные с терапией социально значимых заболеваний.

Я принимаю это как данность. Значимость исследования и его актуальность — разные вещи. Палеолимнологические исследования, конечно, не предскажут, нужно ли вам захватить с собой зонт в понедельник и насколько холодной будет следующая весна, но выводы, которые становятся полноценным вкладом в мировую науку, мы уже делаем.

— Всё же я побуду обывателем и спрошу о практической пользе ваших открытий.

— Палеоклимат — это климат прошлых геологических эпох. Информация о чередовании различных климатических периодов на материале озёрной флоры, фауны и состава донных отложений помогает предсказать, какие крупные перемены ожидают нас в отдалённом будущем — грозит ли Земле очередное серьёзное похолодание, например. Если говорить о практических вещах... Известно, что пурпурные серные бактерии, массово обитающие в озере Шунет, могут быть источником природного гипоаллергенного красителя-каротиноида, который можно использовать в лёгкой промышленности, производстве косметики и т.д. Правда,

своего будущего дипломника). Это Данил. Данил, ты зачем в аспирантуру собираешься? У тебя вопрос с армией решён, ты отслужил уже.

Данил: Это единственный шанс заниматься тем, что мне интересно. Я имею в виду у нас, в России.

— Но это не приносит выгоды.

Данил: А я другими принципами руководствуюсь. Это для развития, для души (прощается, уходит).

— Денис, а вам вопрос материальной выгоды тоже кажется неудобным?

— Да нет. Просто художником всегда невыгодно быть. Актёром, певцом. Но вы ведь не скажете, что они бесполезные люди. Мне важна самореализация. Можно всю жизнь «сидеть» на хорошей зарплате, а потом понять лет в сорок, что это ледтaргический сон, что не сделал того, о чём мечтал. Поэтому у людей есть хобби... У меня тоже есть. Главное увлечение — туризм и парусный спорт, и они совпадают с моими рабочими экспедициями. Спелеологию люблю, детей своих сейчас вожу в пещеры, на Столбы, ходим на маленькой парусной яхте по Красноярскому морю и озеру Шира.

«овчинка выделки не стоит» — слишком трудоёмкий получится процесс. И небезопасный для озера. Ещё бактерии могут вырабатывать полигидроксиканоаты — об их использовании в терапии заболеваний вы уже слышали. Но из-за низкой концентрации этих организмов в большинстве водоёмов (за исключением Шунета) добыча биопластиков тоже невыигрышный вариант.

— Каким составом вы ездите в экспедиции? Много молодёжи?

— Да. Мне всегда помогают те, кого я сам себе воспитал. Это аспиранты, студенты, сотрудники, которые защитились под моим руководством. Без них было бы невозможно осуществлять трудоёмкие полевые работы. Например, ездят с нами Владимир ЗЫКОВ — сотрудник Института биофизики. Или вот... (к нам подходит поздороваться молодой человек, которого Денис представляет как

— Знаю, что вы занимались альпинизмом. А какой научной «вершиной» гордитесь?

— Долгое время всерьёз я занимался спелеологией, а альпинизмом — только некоторое время. Большой альпинизм — штука серьёзная, я в него не пошёл именно из-за того, что манили научные вершины. А сейчас с удовольствием хожу в походы — лыжные, горные. Мои друзья, понимаете, все из туристической среды. Нет среди нас домоседов. Я вообще люблю походную романтику — гитара, костёр.

Что касается научной стороны — конечно, есть занятные экспедиционные находки... Но мне бы хотелось вам объяснить, как мыслит учёный. Вот приехал я на озеро Шунет зимой. Холод, толстая корка льда. Летом на нём «птичий пляж» из отдыхающих — плотность палаточной «застройки» невероятная. Люди купаются

и не подозревают, что в глубине озера скапливается огромное количество пахнущего тухлыми яйцами сероводорода. А мы учёные. И у нас гипотеза, что если в зимний период затруднён доступ кислорода в озеро из-за льда (а кислород уничтожает сероводород), то, возможно, объём «невкусного» газа возрастает, и он подходит к поверхности. И вот мы первые, первые (!) начинаем бурить лёд, думая, что, может, задохнёмся сейчас в этом «благовонии». Но нет — оказывается, что сероводорода столько же, сколько было летом. Вода подо льдом чистая. Мои предположения как физика и химика не оправдались. И это интересно.

Открытия не делаются из воздуха. Каждая наша экспедиция — это нота в музыкальном произведении. Записав их в логической последовательности, получаешь красивый осмысленный рисунок.

На хакасских озёрах у нас есть своя база, много оборудования, полевая лаборатория. Базу строили на средства, выделенные из бюджета СО РАН. Также под руководством моего коллеги, учёного секретаря Института биофизики Егора ЗАДЕРЕЕВА реализовали совместный с европейцами грант на развитие научной инфраструктуры — это тоже существенно поддержало нашу исследовательскую базу.

— Сейчас у вас есть зарубежные партнёры по исследованиям?

— Работаю с тайваньскими учёными. В нынешней ситуации выигрывает тот российский исследователь, чьи разработки интересны иностранным коллегами: пишутся совместные гранты, статьи, идёт паритетное софинансирование — в нашем случае Тайваньской академии наук и СО РАН. Тайваньские партнёры проводят эффективные молекулярно-генетические исследования, мы используем их результаты для прослеживания и объяснений особенностей эволюции древних озёр. А вот наши поездки за рубеж тайваньцами больше не финансируются. Азиатские коллеги, равно как и европейские, видят уровень жизни в России, особенно — уровень жизни граждан, которые могут позволить себе покупку футбольного клуба. Понятно, что у них возникает непонимание отечественной политики в области науки и нежелание оказывать спонсорскую поддержку.

— Кто у кого учится? Вы у тайваньских коллег? Они у вас?

— В азиатских странах бурно развивается наука. Сначала они действительно учились у нас, сейчас им уже есть чему нас поучить. Есть национальная специфика исследований: они копают «уже, но глубже», даже в предельно фундаментальных вопросах тщательно разрабатывают один аспект; склонны искать практический выход для любого открытия. Мы же хотим «широких» обобщений, универсальных закономерностей, законов. Я вот физик, меня привлекает объяснительный уровень. Почему это так, а не иначе? Откуда это взялось и к чему ведёт? А микробиологи любят работать на описательном уровне — они вам досконально, до запятой, опишут какое-то явление, а выводов не дожждётесь. Примерно так действуют мои знакомые тайваньцы. Каждый раз приезжая на новое озеро, прилежно создают описательную научную статью. На мой личный вкус — это «одноразовые» исследования. Очень полезные как база для других учёных, но всё же.

— Ваши работы, стало быть, «многоразовые»?

— Можно и так сказать. Я отношу себя к красноярской школе экологической биофизики. Знаковая фигура для меня — академик Андрей Георгиевич ДЕГЕРМЕНДЖИ, директор Института биофизики СО РАН, зав. лабораторией биофизики экосистем. У нас почти все работы в соавторстве, чем я горжусь. Но наши теоретические работы в области популяционной микробиологии, к сожалению, практически неизвестны за рубежом, т.к. интерес к такого рода «чистой» теории в биологии сейчас закономерно слабый.

А вот цикл работ, посвящённых закономерностям распределения планктонных микроорганизмов в водной толще наших озёр, с применением математических моделей — сейчас цитируется зарубежными коллегами.

— **Первая ваша экспедиция была в студенчестве?**

— Нет. Тогда была перестройка в стране... Мы учились и не верили, что будем работать по специальности, что это будет кому-то нужно. В качестве дипломной работы я программировал установку, которая управляла лабораторным культиватором микроорганизмов. Темы диссертаций тоже брали чаще сугубо теоретические. Я стал кандидатом физико-математических наук и... резко изменил направление научного интереса. Занялся изучением озера Шира. Бросил все свои наработки и не жалею. Я самостоятельно изучил микробиологию по учебникам, сделал совместную работу с сотрудниками московского Института микробиологии им. С.Н. Виноградского РАН.

Вот тут и начались открытия, которые подтвердили, что я иду в правильном направлении, что мне — интересно, а науке от этого — польза. Мы открыли слой пурпурных бактерий в озере Шунет.

— **Что это за создания такие?**

— Они были известны, ранее описаны в озере Шира и в мировых озёрах. Но никто не знал, что подобные бактерии есть и в озере Шунет, да ещё в огромном количестве. Мы приехали, взяли стандартные пробы батометром на разной глубине, и сначала ничего особенного не увидели. Эти бактерии — они, оказывается, живут строго на определённой глубине, тонким слоем, как бы на одном «этаже», промахнуться мимо которого очень легко. Но я знал: в озере есть сероводород, значит, по косвенным признакам, могут обнаружиться искомые «обитатели этажа» — пурпурные бактерии.

Мы сконструировали особый прибор, похожий на частую расчёску из тонких шприцев, производящих забор воды. Благодаря маленькому расстоянию между шприцами мы не пропустили искомый слой. Визуально эта проба выглядела как флуоресцентно-ярко-красная вода. Вот эта похожая на всем известный ягодный кисель проба определила ход дальнейших исследований на озере Шунет.

Пробы брали с моим другом-москвичом, Николаем ПИМЕНОВЫМ, ныне зам. директора Института микробиологии им. С.Н. Виноградского РАН. Кстати, конструировал я прибор по западным образцам, но придумал свою «фишку», которой у буржуев не было. Гидравлический привод. Есть и патент на изобретение. Сейчас этим прибором пользуются мои коллеги, уже и усовершенствовали его.

Оказалось, наше озеро Шунет почти уникальное, известно только одно похожее — в Канаде. Когда-то Шунет пересыхал, образовалась соляная

корка, сейчас уровень воды поднимается, но «пересолённый» слой не смешивается с другими. И вот как раз на границе этой тяжёлой плотной воды и живут пурпурные серные бактерии.

— **Давно не слышала слова «буржуйский» в обиходе.**

— Никакой идеологии. У меня это слово из лексикона туристов 90-х годов. Тогда было две категории снаряжения: отечественное и буржуйское. Буржуйское, что характерно, было лучше по качеству. Поэтому альпинисты, например, спрашивали друг друга: «Ты где буржуйскую верёвку взял»? Она прочная была, мягкая.

— **А были ещё открытия, кроме бактерий?**

— Конечно. Вот разгадайте научную загадку: в какой сезон бактериям в озере жить хорошо?

— **Наверное, когда тепло и много света.**

— Мы делали пробы малоснежной зимой, когда лёд на озере был прозрачный. Оказывается, в таких условиях света на дно озера попадает больше, чем летом, когда вода мутная, а температура на «этаже», где живут бактерии, вообще практически не меняется в течение года. Поэтому бактерии чувствуют себя лучше зимой, чем летом. Такие вот чудеса науки. Это было небольшим, но открытием.

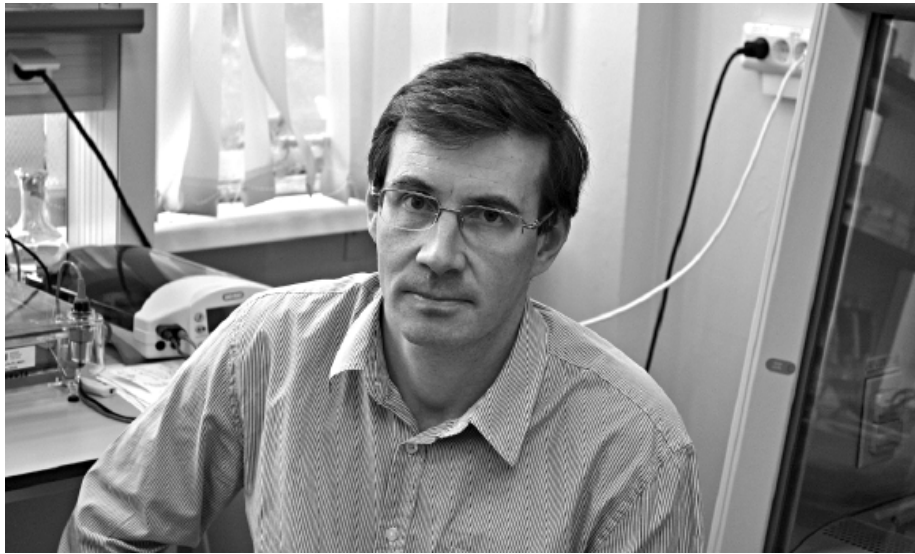
Но самым важным недавним открытием стало обнаружение тонких годичных слоёв в донных отложениях оз. Шира — это как годичные кольца на древесине. По их структуре можно «расшифровать» историю озера.

Тут наши пурпурные бактерии как раз и помогают — каждый год отмирают и оседают на дно, а их пурпурная «краска» (каротиноид) сохраняется в годичных слоях на тысячелетия. По её концентрации можно судить, в какой период этих бактерий было больше, а в какой — меньше. Это зависит и от температуры, и от уровня озера. А это уже прямой выход на выяснение климатических колебаний — влажности и температуры в предыдущие века.

Было и ещё одно небольшое открытие, совсем из другой области. Раньше считалось, что в солёном озере Шира рыбы нет вообще. Но местные жители нам рассказывали, что в устье речки Сон, впадающей в озеро, встречается карась. Одно дело — рассказы, а другое — точный документальный факт. Хоть я совсем не ихтиолог, но решил проверить рассказы. Ведь рыба — это существенный компонент экосистемы, и интересно было выяснить: есть ли она, сколько её и чем она питается? Сначала просто из любопытства закинули сети — и действительно, обнаружили карасей в солёной воде.

Написали грант, получили финансирование от РФФИ и ККФН и провели небольшое, но комплексное исследование, опубликовав в 2011 г. статью в Журнале СФУ.

Но рыба — это не моя научная тема, для меня это как бы «факультатив», своего рода «прикол», «научная рыбалка», как хобби. Жаль, что у наших профессиональных ихтиологов, которые проводили с нами эту работу, нет сейчас сил и времени продолжить работы на Шира, хотя они признают, что тема интересная.

— **У вас были приключения в экспедициях?**

— Запомнилось, когда мы с инородней командой терпели кораблекрушение на середине Шира — лодка ушла под воду. Хотели «доработать», доделать запланированное, а тут шторм начался. Нужно было уйти раньше, не дожидаться, пока лодку начнут захлёстывать волны... к счастью, всё обошлось.

Мы часто собираем на своих озёрах учёных-«гастролёров». Работаем совместно с коллегами из Москвы, Новосибирска, Иркутска. Они приезжают в Хакасию опробовать свои методики, а у нас в результате есть полная «биография» озера Шунет, на основании которой мы делаем свои научные выводы.

Ещё запомнилась моя первая зимняя экспедиция. Пилили прорубь бензопилами, устанавливали над ней огромную палатку, которую я брал у друзей-спелеологов. Жили мы в вагончике на берегу, а в палатке изучали, с какой скоростью микроорганизмы производят сероводород. Всё это делается голыми руками с участием слаборadioактивных веществ — можно получить обморожение, если работать без укрытия.

Вообще, каждая зимняя экспедиция — чистый экстрим. Дорогу приходится расчищать при помощи нанятых грузовиков (брали их у связистов). Хорошо, что в администрации Ширинского района нам помогает один из руководителей — Николай Романович АБДИН, иногда даже выручает на собственном «уазике». Сочувствующий человек, настоящий «болеющий» науки, хочет, чтобы на озёрах Хакасии делались открытия мирового значения.

Мы бываем на озёрах Шира и Шунет не меньше четырёх раз в год, иногда чаще. Наблюдаем весь жизненный цикл пурпурных бактерий. Есть годы «урожайные», есть скудные. Прямо как с грибами и ягодами. Важное условие экспедиций — нужно выезжать на озёра примерно в одни и те же календарные числа каждый год. Тогда эксперимент будет правильный. Ещё нужна тихая, безветренная погода. Про последствия урагана на озере я вам уже говорил. Если дождь и ветер, мы ждём. День, два, три ждём «у моря погоды».

— **Рыбачите?**

— Бывает. Вообще, в экспедиции дел хватает — и бытовых, и с оборудованием: его нужно регулярно проверять, налаживать. Моторы лодочные мы обязательно в порядке содержим. Конечно, еду чаще готовят наши трудящиеся. Не потому что мужчины шовинисты. У нас в команде никто никого не заставляет. Закона «место женщины — на кухне» нет. Но у мужиков всегда хватает работы с техникой, с оборудованием, с отборами проб. Я тоже борщ сварю при необходимости... но лучше каждому заниматься тем, к чему действительно есть талант.

Вот, кстати, был такой случай: пришли к нам студенты СФУ, биофизики, на экскурсию. Заходит ко мне группа. Рассказываю им про свою лабораторию, про экспедиции, говорю прямо взахлёб — так мне самому всё это нравится. Вдруг раздаётся робкий девичий голос с «галёрки»: «А можно в экспедиции не ездить?». Не знаю, что на меня в тот момент нашло, но я как-то резко ответил этой барышне: «Нет, нельзя!». Не прав был, конечно. Есть люди, которые для полевых работ не рождены — и это нормально. Они просто работают преимущественно в лаборатории.

— **Сыновей своих берёте в экспедиции?**

— Летом беру, мы совмещаем приятное с полезным: я их на лодке катаю, они купались, загорали. Старший сын, тогда ещё второклассник, студенткам помогал лабораторные работы делать: девушки измеряли специально собранные растения, а он получившиеся значения записывал в тетрадь.

— **Есть у вас озеро мечты?**

— В Канаде. Их озёра — ровесники наших, и там тоже есть пурпурные бактерии. Хотелось бы сравнить канадские и отечественные водоёмы, взять там пробы.

— **В каком направлении вы намерены работать дальше?**

— Думаю, будем брать прибрежные периферийные пробы в озере Шира (сейчас мы работаем в центре озера). Для реконструкции климата мало одного озера — перспективными объектами являются также озёра Белё и Утичье-3, на них мы только начали первые исследования. Усовершенствуем пробоотборники. В прошлом году мы начали совместную работу с Институтом леса им. В.Н. Сукачёва СО РАН — пробуем синхронизировать исследования в сфере дендрохронологии (восстановление климатических вариаций по годичным кольцам на древесине) с исследованиями хакасских озёр. Речь идёт, по сути, об одном и том же — как лес и водоёмы «архивируют» информацию о прошлом нашей планеты. Жаль, пока у наших дендрохронологов не хватает времени для работы в районе наших озёр, у них много других проектов...

Моя же первостепенная задача — сделать комплексную работу, разобраться, что происходит с пурпурными бактериями, когда озеро меняется при климатических колебаниях: уменьшается, высыхая, и вновь увеличивается. Нужно изучить донные отложения, рассчитать процесс перемещения воды.

— **Вы занимаетесь популяризацией науки?**

— А чему мы с вами посвятили последние полтора часа? Кстати, есть моя научно-популярная лекция на сайте университета, каждый может посмотреть.

Татьяна МОРДВИНОВА

Приключение + обучение

Сидеть над картой родной страны, присматривая край, который хотелось бы посетить. Изучать местность и достопримечательности, hostels, базы отдыха и цены. Находить по сетям и знакомым краеведов-энтузиастов, которые могли бы стать вашими радушными гидами. А потом собрать 70 детей — и рвануть с ними неведомо куда, за приключениями и новыми знаниями. В образовательный экстрим.

Проекту «Нооген» Школы антропоники — 25 лет. Он начинался в рамках Краевой летней школы, но довольно скоро стал отходить от «классики», а потом и просто отправился в «независимое плавание» по просторам России и ближнего зарубежья. В разные годы школа проводилась под Геленджиком, в Хакасии, в Казахстане, на Байкале, на Алтае. А в этом году отправилась совсем далеко — на Русский Север, под Архангельск. О проекте рассказывает Мария МИРКЕС — директор «Школы антропоники», кандидат философских наук, специалист по игровому моделированию.

Две недели экстрима

— Почему вы выбрали выездной вариант школ? КЛШ — ведь тоже хорошо: сосновый бор, берег Енисея. И дешевле, и для родителей спокойнее...

— Наш проект сильно связан с приключениями. И мы путешествуем. Всё-таки лето, оно у нас в Сибири короткое, и хочется куда-нибудь поехать. Не только же задачки решать. У нас есть зимние школы, каникулярные погружения — вот там можно учиться, сколько угодно. А летом надо совмещать. Вторая же причина в том, что ключевая проблема наших школьников — их «тетрадно-попные», как я называю, знания. Ребёнок думает, только когда сидит на попе и перед ним бумага и ручка. А отбери у него листочек и стул — он выключается из мыслительного процесса.

Допустим, поймали гусеницу. Простейшая задача: измерить её длину, посчитать число лапок, определить, что это за вид. Нормальная биологическая задача — идентифицировать животное. Это надо уметь. А гусеница же вертится, и элементарная задача превращается в невозможную. Тогда дети предлагают: убить гусеницу надо, чтобы измерить, с мёртвой это легко. Вот к чему приучены дети кабинетным знанием.

Мы считаем важным, чтобы знания оставались живыми. И в рамках школы у нас обязательно есть полевые исследования. В этом году было несколько тем, например «От весла и валенка до атомной подводной лодки». Потому что мы приехали в ремесленный край, где люди сами всё своими руками делают, и дети исследовали и лодки рыбаков, и ткачество, и кухонную утварь.

— Вы придумываете задачи, попадая на место?

— Нет, мы обязательно сначала ездим на разведку, изучаем информацию в Интернете. Ведём переговоры — например, с заводом атомных подводных лодок, чтобы нас пустили на экскурсию... Нет, мы очень даже

готовимся. Каждый край как раз хорош тем, что есть именно там. Белое море — это мореходы, поэтому одно из исследований было посвящено лодкам, кораблям.

А другое называлось — «Про красоту». Мы поехали в Малые Карелы. Туда ещё в советское время свезли все деревянные сооружения — избы, храмы. Они там стоят, причём не в ряд, а как в деревне. Самый большой в России музей под открытым небом. И вот ребята изучали, почему так изба устроена, чем её украшали, как ткали... Участвовали в традиционных ритуалах.

Но мы не только празднично смотрим, мы отрабатываем. Убираем что-нибудь или в исследованиях помогаем. Например, в Пинежском природном заповеднике дети муравьёв считали, наблюдали, помогали проводить эксперименты. То есть оказались включены в реальные научные исследования.

Ну и, раз мы были среди поморцев, мы сказки Бориса ШЕРГИНА и Степана ПИСАХОВА читали. Пытались писать в этом стиле, куклы делали поморские, сказку ставили.

— За две недели всё это можно успеть?

— А они насыщенные. К тому же стояли белые ночи. По времени уже спать пора, а солнце вон оно. Мы в волейбол как-то играли в час ночи, это незабываемо. Поющий колодец у нас был, то есть символический колодец посреди базы стоял, дети туда набивались человек по десять и песни пели. Вообще поскольку наш слоган «образовательный экстрим» — всегда нужна немного чудесная обстановка. И она у нас там была: белая ночь, тёплый Русский Север и храм посреди базы полуразрушенный. Легендарный Красногорский монастырь, памятник федерального значения, но не отреставрированный. Вообще святое место. И когда у нас за апсидой, потому что там тень, проходили занятия — это ж какая атмосфера!..

Да и у каждой школы была своя фишка, связанная с местом проведения. Казахстан, например. Мы жили в урочище Каракыр, там когда-то было древнее святилище, и все скалы исписаны петроглифами. Государством это место не охранялось, потому что государство охраняло что-то другое в пятнадцати километрах от нас. А здесь почти пустыня, воды нет, рисунки тысячелетней давности, скалы. Это впечатляет. Даже мы разинув рты ходили, а дети до сих пор Каракыр вспоминают.

— Что для вас приоритетно — предметные знания или развитие личности?

— Конечно, то, что происходит с человеком. Но оно ведь происходит не на пустом месте. В работу идёт всё.

Во-первых, у нас есть блок классических ноогеновских задач — на построение мира, в котором какие-то особые условия. Например, расстояние измеряется не как обычно, не по прямой. Кто вообще это придумал — измерять расстояние по прямой? В природе и прямых-то нет. И вот мы пытаемся измерять расстояние иначе. Например, в ходах коня. Это не бред, это один из нормальных «официально приемлемых» способов. Только дети-то этого не знают, и им это жутко ново.

Оказывается, от выбора способа измерения меняется вся геометрия, и появляется мир, не похожий на привычный: другой круг, другой куб, другая плоскость. Окружность в связи с изменением способа измерения оказывается дырявой и квадратной. Дети изумлены. Изменили-то казалось бы ерунду, но она изменяет всё вокруг. Впервые в жизни они строят новую теорию отрезков, теорию треугольников.

Крыша едет, но детям это нравится. Хотя сочинять не буду — нравится не всем. Но у нас много разных форматов, чтобы каждый мог найти, куда ему встроиться.

Другой базовый образовательный способ — полевое исследование. Например, мы собрались исследовать лодки. Сначала строим свои модели, смотрим, какие из них лучше. Можно же поставить модель на воду и сверху стакан с песком и посмотреть,

насколько лодка устойчива... Потом идём в заброшенную деревню, находим поморские лодки, выясняем, что у них контуры совсем другие, чем у наших моделей. Прямо на воде проводим испытания. Потом возвращаемся на базу, проектируем дальше — и уезжаем уже на три дня в полевое исследование на Белое море...

Дети, на собеседование!

— А есть дети, которым ни задачки, ни полевые исследования не подошли? Настолько закрытые, что остаются вне охвата, несмотря на любые форматы?

— Нет, чтобы вообще никуда не встроились, такого не бывает.

Дети раскрываются неожиданно. Семиклассник К., спортсмен, отказывался решать какие-либо задачки. Ладно, тогда организуй для всех соревнования. А это ж надо с каждым переговорить, составить команды, график расчертить. Когда он это всё на себе вывез и оказался герой — ему ещё захотелось проявляться, и он стал решать не хуже других.

Вначале ребёнок может про себя думать: я футболист, а эти ваши задачи мне ни к чему. Посижу из вежливости... Но ему начинают нравиться ребята, и раз уж он с ними в группе, сидеть одному уже неохота. И он включается в решение задач и выстреливает, хотя два дня назад ему математика была до лампочки.

Мы перемешиваем группы почти каждый день. Потому что, опять же, один проявляется, когда он в группе старший, а другой — когда ему надо тянуться за остальными. Наша задача за две недели такое разнообразие опыта задать ребёнку, что ему потом на год хватает.

У каждой группы детей есть навигатор — тьютор. У меня было четверо девчонок в комнате. Мы по вечерам с ними сидели, болтали «особым образом». Большая часть образования происходит за счёт этого разговора вечернего, когда они делятся своими достижениями и опасениями, становятся интересны друг другу. И мы вместе обсуждаем, как иначе действовать там, где сегодня не получилось.

— Вы везёте в каждую экспедицию около 70 детей — из Питера, Москвы, Томска, Красноярска, Новосибирска, Кемерово... По какому принципу отбираете?

— Важна разновозрастность, чтобы старшие объясняли что-нибудь младшим и осознавали себя старшими. Это сильно продвигает, прежде всего старших. Далее — чтобы дети были из разных мест и разных социальных статусов, от ботанической интеллигенции до спортивных пацанов. И когда эти разные дети оказываются вместе, то те, кто хорошо подтягивается, вдруг понимают, что можно и мозгами работать. А ботаники вдруг думают: чего бы нам в футбол не сыграть? И за счёт этого разнообразия мы все сильно двигаемся.

Старшие дети втихаря разучили вальс. Девчонки надели красивые платья из своих чемоданов. Парни изо всех сил держали осанку. И вот в час ночи рядом с полуразрушенным храмом они танцевали вальс так, что взрослые плакали. Дети танцуют вальс... уже мы этого не умеем. В час ночи, когда их сверстники, возможно, пивопьют. Сейчас ругают современное поколение, но в Ноогене дети великолепны.

Ещё один критерий отбора: бытовая самостоятельность. С этим всё хуже с каждым годом. В Хакасии у нас случилась неделя проливных дождей. Так, мальчишки снимали мокрые носки, клали в чемодан и закрывали крышку (мы просто не догадались за этим проследить). Через пару дней говоришь ему — ты переоденься, а он: у меня нет ничего сухого. Потому что от этой мокрой одежды, складываемой в чемодан, всё отсырело.

Тогда после школы на собрании мы задали родителям вопрос: вспомните, пожалуйста, как ваши дети меняют носки? И мамы спохватились: точно, только когда я ему скажу! А что, уже пора, чтобы он сам об этом думал?

Так же с учебным местом — за ребёнка его всегда кто-то обустраивает. Не поставишь ему парту — он стоит посреди поляны и в затылке чешет. Не умеет взять себе бумагу и ручку, блокнота нет, хотя их раздавали, но он в сумке забыл. То есть простые вещи — что-то жёсткое подложить, если надо расчертить — многие сейчас этого не могут...

Наш образовательный экстрим предполагает, что ты можешь оказаться в ситуации, в которой не знаешь, как действовать. И все ребята вокруг не знают. И — внимание! — взрослые тоже не знают. Мы об этом честно предупреждаем, но говорим: зато у нас весело. Если ребенок на это согласен — мы его берём.

— **То есть нужно выдержать конкурс, чтобы попасть в школу?**

— Не конкурс, у нас собеседование. Мы берём не обязательно сильных детей, ключевое — желание ребёнка пробовать, решать задачи — любые, не только математические. У меня собеседование очень просто выглядит. Я спрашиваю: какой у тебя предмет любимый? А Расскажи задачу, которая тебе больше всего понравилась? Вот спросите своего ребёнка об этом. Во-первых, выясняется, что многие дети не помнят задач. А что это, извините, значит? «Многое нравится». — «Вот тебе листочек, напиши одну задачу». Минут 20 будет думать, пока вспомнит.

Так вот, мы выбираем детей, которые хотят ехать, хотят неизведанного, не пасуют перед проблемами.

— **А недостаточно решения родителей?**

— Даже если мелкая семилетка (хотя в принципе мы берём детей постарше, начиная с 10-11, а основной костяк 13-17 лет) — ребёнок сам решает, интересно ли ему это, будет ли он пробовать, даже если не умеет.

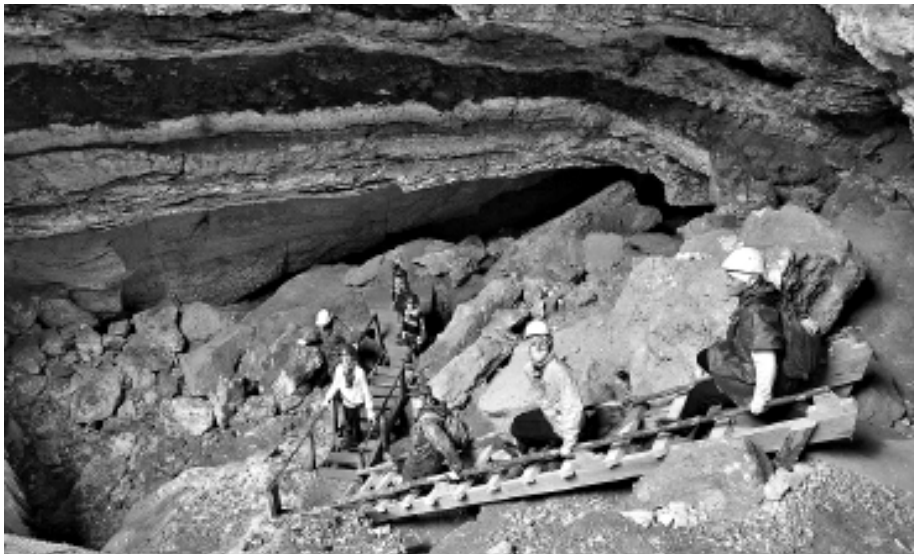
Большие подвиги маленьких людей

— **Дети знают, к чему им стремиться, есть у них цель?**

— Очень редко. Для этого важно в доверительной обстановке обсуждать ряд вопросов. Первое — что я попробовал сегодня? Мы это проговариваем практически ежедневно, причём в разных жанрах. Потому что одни любят просто поболтать, а другим нужен жёстко рефлексивный стиль. Наша задача — задать как можно больше проб.

Второе — что я про себя понял? (например, что математики уже не боюсь).

Третье — свои желания. Мы же не специально физике или математике учим (это надо в специализированную школу идти), а помогаем детям на ближайший год выбрать дополнительное или вообще — «инициативное» образование. Потому что мы

точно добиваемся того, что ребята хотят интересно и продуктивно жить, у них появляется интерес учиться, заниматься спортом, творчеством. После школы мы проводим общее собрание (с детьми и родителями) и помогаем определиться на учебный год — чем заняться.

Обучение в летней школе организовано так, чтобы ребёнок поставил себе собственную задачу.

Например, у меня была девочка, учиться вообще не хотела. Ну что я скажу ей: ты должна уметь решать задачи? Она это не возьмёт. Мне надо раскрутить её так, что на третий-четвёртый день она сама смотрит на остальных и говорит себе: да что я, дура, что ли? попробую — вдруг тоже получится. И когда возникает ситуация выбора (а мы много выборов задаём), девочка сама выбирает — попробую математику. Не я ребёнку задачу ставлю. Моя задача: чтобы у него появились задачи для самого себя.

— **Но дети же не понимают, что научились ставить задачи, а это важнее, чем решать примерчики по математике.**

— Мы стараемся этого добиваться, но не прямо. Я спрашиваю: вот ты это попробовал, а что завтра будешь делать? Что выберешь? И они часто выбирают настоящие подвиги для себя.

Наша задача — раскрутить на совершение подвига. Для кого-то это подвиг интеллектуальный. А какой-нибудь ботаник с девочками не умеет знакомиться, был у нас такой. Но мальчишки сами его раскрутили буквально на пацанье «слабо». При мне знакомился.

— **Обычно более половины участников школы — те, кто едут не первый раз. Новичкам сложно в такой компании?**

— Мы их перемешиваем, и они друг другу помогают. В классическом образовании считается, что образует педагог. Мы так не считаем. Ребёнок образовывается в среде. Прежде всего через ровесников. Когда

ему завидно что-то, когда он видит, что это не сложно. Когда оказывается в ситуации, где он старший по отношению к младшим, его просят помочь, и он вдруг понимает, что более продвинул. «Меня попросили решить задачу по математике — о, так может, мне положено их решать?!». И решает.

Ещё важна симметрия. Когда ребёнок сам признаётся: я не включился, мы спрашиваем — ладно, а во что включился? На этих весах его удерживаем.

— **То есть акцентируете на позитиве?**

— На симметрии. Потому что нужно научить человека и анализировать: «у меня сегодня не получилось, потому что в группе оказалась более умная и говорливая девочка». Важно отдавать себе отчёт, что не получилось и почему.

— **Им важно с кем-то говорить о себе.**

— А кто и когда с ребёнком говорит о нём самом, причём не оценочно? Учитель на уроке говорит: «Садись, два». Или: «Молодец, пять». Это не разговор.

— **Вы учитываете пожелания родителей? Допустим, мама считает, что её ребёнок слишком зажат, а вы видите, что ему элементарно знаний не хватает, или вообще причина в другом...**

— У нас есть специальная анкета от родителей. Как навигатор я все эти суждения и пожелания изучаю. И если вижу: действительно, девочка редко знакомится и разговаривает со сверстниками, то дальше разворачиваю ситуацию так, чтобы ей захотелось раскрыться. А иногда читаю и не понимаю, о ком они пишут! Девчонка жжёт, а родители пишут: застенчива. Выясняется, что ребёнок закрыт при них. И тогда с родителями предстоит отдельный разговор. Вообще выполнять пожелания типа «сделайте из него математика» — нельзя. Вы получите робота с подавленной психикой.

Очень важно, чтобы человек к классу девятому мог иметь личный подвиг, чтобы сказал: это достижение лично мои. Потому что когда он побеждает в олимпиаде по математике — это не всегда его личная заслуга, часто заслуга учителя. А когда он моделирует, плывёт, поёт, танцует, вопреки рекомендации учителя участвует в матбое — то есть делает что-то вне школы — это он сам, это точно его. Он это выбрал, он упёрся и упорно занимался, когда другие болтались без дела, и потом победил в чём-то. Это его личное достижение. И предметность здесь даже не важна. Такие достижения играют огромную роль в развитии ребенка.

Валентина ЕФАНОВА

Владимир, 17 лет

Полевые исследования — очень интересный формат в летней школе. Это настоящая мобильная экспедиция. Непосредственная близость к объекту изучения создаёт неповторимую атмосферу и эффект погружения в предмет исследования. Каждый находит для себя интерес. Помимо проведения самого исследования, участникам приходится отрабатывать новые формы взаимодействия с собой и командой в условиях «поля». Сначала занимайся наукой, а потом попробуй добыть еды! А также развести костёр, поставить палатку, найти дрова и т.д.

Полина, 16 лет

В полевых исследованиях можно всё попробовать на практике, что-то придумать самому. У тебя появляется желание открывать, исследовать, узнавать всё больше и больше, что, к сожалению, редко случается, если учиться по учебнику.

Стефания, 12 лет

Вы когда-нибудь измеряли возраст асфальта по количеству пластов? Или количество песчинок на футбольном поле? Или ходили по улицам города и опрашивали жителей города — какие достопримечательности в городе есть, а потом пытались понять представления жителей города? Всё это, а ещё многое другое, есть в Ноогене. Я езжу туда за новыми впечатлениями, знакомствами, нерешаемыми задачами...

Ольга, мама троих детей, в разное время ездивших в Нооген:

Когда твой великовозрастный ребёнок после летней школы в течение получаса взахлёб пересказывает друзьям про технологию — как делали модель подлодки из подручных материалов, как прямо там испытывали, тут же измеряли скорость реки и делали прибор из коробочки от сока... Этаким рассказ «как я провёл лето», машет руками — а одноклассник смотрит и жалеет, что не поехал.

Когда сын возвращается из Ноогена, я каждый раз удивляюсь тому, что, оказывается, не знаю его интересов. Я думала, он гуманитарий, а он уже выбрал физмат-клуб, куда будет ходить в течение учебного года... Я думала, что он ещё маленький, а он организовал несколько событий в летней школе, и о нём все отзываются как о взрослом... Может, он и вправду взрослый уже?

В поисках свободы: история

В последние годы, судя по страничкам многих моих знакомых из социальных сетей, модным трендом стали экспедиции: все куда-то едут, что-то разыскивают, откапывают горшки с серебряными монетами, поднимают с морских глубин амфоры. Другой модный тренд — не отставать от модных трендов — подтолкнул меня на организацию собственной экспедиции в Соединённые Штаты Америки.

Штаб-квартира, а если быть более честным, штаб-комнатка с письменным столом и небольшой кроватью, была арендована в тихом и уютном уголке Бруклина, переполненном выходцами из Юго-Восточной Азии и Китая, Латинской Америки и СНГ. Первая неделя экспедиции была самая напряжённая, так как собственно предмет поиска оставался долгое время неопределённым, но дал знать о себе совершенно неожиданно.

Ни для кого не секрет, что американцы очень дорожат свободой, а страну свою считают одной из самых демократичных и свободных на планете. Поэтому мой маршрут прошёл через четыре основных города, где американцы свято чтут и хранят атрибуты свободы: Нью-Йорк, Вашингтон, Филадельфия и Бостон. Какая же она, эта свобода? Зелёная с факелом в руке, или в виде треснувшего колокола, или в виде тропы длиной 3-4 мили?

Нью-Йорк, 3 августа

На Манхэттене очень трудно заблудиться. Как писал Владимир МАЯКОВСКИЙ, «на север с юга идут авеню, на запад с востока стриты». Всего около 12 авеню пересекают Манхэттен по всей его длине, Бродвей разрезает этот остров по диагонали, а поперёк расположились многочисленные улочки, номера которых уходят за двести.

В самой южной части Манхэттена расположен Бэттери-парк, именно это место и служит одной из отправных точек к двум самым популярным островам: Либерти и Элис. В сказочные времена, когда Америка была открыта для эмигрантов со всего мира, именно Мисс Либерти встречала все корабли, а все пассажиры попадали на остров Элис для контроля и регистрации. Их имена до сих пор можно отыскать в архивах музея, открытого в здании пограничной и таможенной службы. Между Бэттери-парком, этими двумя островами и парком Статуи Свободы, что уже в штате Нью-Джерси, целый день курсируют небольшие парома, билет на которые стоит не более 20 долларов, а если планировать поездку за 2-3 месяца, то можно приобрести билет и внутрь самой статуи. Взглянуть на Статую Свободы можно и совершенно бесплатно, если сесть на огромный тёмно-оранжевый паром до Стетен Айленда, который проходит совсем недалеко от статуи, хотя его основное назначение — перевозить пассажиров в этот изолированный район Нью-Йорка.

Нью-Йорк, 4 августа

Лучше, когда вас ждут в незнакомом городе. Ещё лучше, когда готовы показать вам самые интересные и неожиданные места. Мне повезло. Прошлым летом в Барселоне я

познакомился с Ронни, учительницей из Флориды. Оказалось, что это лето она также проводит в Нью-Йорке, поэтому соблазн привлечь её в состав своей экспедиции был велик. Мы договорились встретиться на пересечении Пятой авеню и западной Четвёртой улицы и оттуда направились в Вашингтон-парк, рядом с которым расположены корпуса Нью-Йоркского университета и Института математики Куранта, а под самым заметным сооружением парка — аркой — вечерами собирается много прохожих, чтобы посмотреть очередное представление или послушать звуки скрипки.

По количеству уличных шоу и небольших музыкальных номеров, особенно в метро, Нью-Йорк занимает одно из первых мест в мире. Почти в каждом людном месте можно увидеть небольшие представления, организуемые афроамериканцами, которые всегда собирают большую толпу зрителей: темнокожие артисты ходят на руках, выполняют немыслимые акробатические трюки, играют мускулами и даже шутят! Очень часто в центр круга приглашают и зрителей, которым в конце шоу предлагают поблагодарить исполнителей, пустив по кругу огромные «китайские» сумки, куда каждый может положить денег, если захочет.

Нью-Йорк, 6 августа

Здесь очень популярны, судя по записи за несколько дней, бесплатные экскурсии: вы подходите к отправной точке вашего маршрута и в течение пары часов вместе со всей группой следуете по маршруту под руководством экскурсовода. Плату за экскурсию вносите в конце, причём её размер определяете самостоятельно: можно вообще ничего не платить. Именно на такую экскурсию по Гарлему меня позвала Ронни. Изначально в мои планы входило быстро добежать от станции метро до театра «Апполон» и Колумбийского университета, сделать несколько снимков и нырнуть обратно, так как на большинстве форумов отзывы о порядке и безопасности в тех краях были далеко не лестные. Особенно не рекомендовали размахивать новыми фотокамерами и другими дорогостоящими аксессуарами туристической жизни, поэтому с новойкой цифровой камерой, приобретённой в США через популярный интернет-магазин, туда соваться не хотелось.

Оказалось, эти советы действительно были актуальными 10-15 лет назад, теперь же Гарлем постепенно становится одним из респектабельных районов Нью-Йорка, где дома и квартиры непрерывно растут в цене, где открыл офис фонда по борьбе с потеплением климата бывший американский президент Билл КЛИНТОН, где даже снимал одно время жильё Барак ОБАМА после переезда в США. Правда, полицейских на улицах Гарлема было изрядное количество, почти в каждом переулке стояла патрульная машина.

Нью-Йорк, 8 августа

Ронни оказалась удивительным человеком, особенно ловко у неё получалось находить места, где можно получить скидки и бонусы. В этот день мы отправились на Уолл-стрит в небольшое кафе «Уотер», которое на протяжении всей поездки стало основным местом, где я плотно обедал припущенной сёмгой, колбасками и овощами всего за 7-8 долларов.

Музей авиации и космонавтики (Вашингтон). Здесь всё можно трогать руками

Памятник первым эмигрантам, Бостон

Ронни показала также несколько замечательных мест, где можно недорого взять напрокат велосипед, бесплатно смотреть кино под открытым небом, купить билеты на мюзиклы с большой скидкой и без очереди, в отличие от Таймс-сквер, где цепочка к кассе может насчитывать до сотни любителей такого жанра.

По пути в Чайна-таун неожиданно находим в самом центре Манхэттена старое еврейское кладбище XVII-XVIII века. А совсем рядом — крохотная площадь Святого Джеймса. В самом Чайна-тауне очень оживлённо, практически на каждой улочке торговые павильоны, где можно купить всё, что душе угодно.

И здесь же, повернув за угол, испытываем культурный шок: неожиданно мы оказываемся в Маленькой Италии с её уютными кафе вдоль дорог, услужливыми официантами, готовыми стоять около вашего столика по стойке смирно в ожидании хороших чаевых. Даже с закрытыми глазами почувствуешь резкую перемену обстановки: в воздухе запахнет не свежей рыбой и тряпичными сумками, а невероятно свежим кофе, ванилью и изделиями из натуральной кожи. Но в последнее время даже темпераментные итальянцы отступают под методичным напором представителей Поднебесной: есть мнение, что через десяток лет Маленькая Италия совсем исчезнет из этого района.

На следующий день я уезжал в округ Колумбия, а Ронни возвращалась во Флориду. Расставаться было тяжело, ведь мы оказались родными душами: каждый из нас отдавал предпочтение шумным городам и антропогенному ландшафту, бурной уличной жизни, а не песчаным пляжам и бессмысленной трате времени. Ровно год назад Ронни продала свой большой дом и переехала жить к подруге, чтобы совершенно не думать

Колокол Свободы, Филадельфия

о бытовых проблемах, а сосредоточиться на работе в школе и путешествиях по всему миру.

Вашингтон, округ Колумбия, 9-11 августа

Путешествовать по США очень удобно, даже на автобусе. В пути есть остановки на станциях с большим количеством кафе, местами для отдыха, туристическими отделами с радушным консультантом, готовым вручить тебе кучу буклетов о происходящих в штате событиях. В самом автобусе заранее развешаны пакеты под мусор, а над сидениями чётко указано, чьё место слева, а чьё справа. В дорожных кафе (впрочем, не только в дорожных) на ваш выбор сахар разного вида, кетчуп, майонез и т.п., автомат, выдающий вилки, ложки и ножи, тут же — отверстие в столе, куда можно выбросить пакетик, чтобы не искать мусорную корзину. Раковины оборудованы устройствами для автоматической подачи воды и мыла, в туалетной комнате всегда будет крючок для сумки или куртки, а сушилка для рук будет расположена на уровне рук, а не лица.

В Арлингтоне, штат Вирджиния, я поселился в прекрасном отеле Hyatt, в очень уютном и комфортном номере с окном во всю стену, из которого можно было смотреть по вечерам на соседние зеркальные здания.

Два дня обещали быть интенсивными и очень содержательными. Совершенно недалеко от моего отеля находилось Арлингтонское кладбище, где захоронены участники войн, президенты, председатели Верховного суда и астронавты. Большое паломничество к надгробному камню президента Джона Фицджеральда КЕННЕДИ, а вот республиканца Уильяма Говарда ТАФТА, который возглавлял США в 1909-1913, мало кто

Одного путешествия

жалует своим вниманием. Для рядовых солдат разработана специальная форма надгробного камня с указанием имени, лет жизни, вероисповедания (при его наличии), а на обратной стороне — порядкового номера захоронения. В настоящее время на кладбище погребено около 300 тыс. человек — население среднего американского городка.

Колумбия является настоящим раем для любителей выставок и экспозиций, поскольку здесь сосредоточены, помимо Капитолия, Белого дома и мемориалов под открытым небом, несколько десятков музеев. Причём все они являются государственными и поэтому бесплатны! К сожалению, времени хватило только на посещение лишь части экспозиции Музея авиации и космонавтики. Обратите внимание, что практически всё в этом музее можно трогать руками, крутить — ничего не ломаете.

Здесь же находится Нэшнел Экайвз — одно из самых важных мест в Соединённых Штатах, поскольку здесь за семью печатями хранят документы, которые легли в основу этого свободного и демократического государства. По выходным к зданию архива выстраивается небольшая очередь в 70-100 человек, чуть поменьше очередь к Ротунде — большому залу внутри, где под пуленепробиваемыми стёклами выставлены оригиналы Декларации независимости, Конституции США и Билля о правах. Среди прочего, в Нэшнел Экайвз представлены сведения о документообороте в США, видеофрагменты с выступлений президентов... Говорят, на ночь эти документы опускают в подземную шахту для пушей сохранности свободы и демократии.

Несмотря на довольно жаркий день, с обеих сторон у ограды Белого дома многолюдно. Многие пришли сфотографироваться на фоне резиденции американского президента, а кто-то был готов часами на жаре выкрикивать в адрес президента цитаты и пророчества из Библии. Зато одной парочке место показалось подходящим для поцелуев!

Филадельфия, 17-18 августа

Знали ли вы, что Филадельфия была несколько лет столицей Соединённых Штатов? И что в этом городе хранится один из американских символов борьбы за независимость — Колокол Свободы? В 1776 г. именно его звон собирал жителей на оглашение Декларации независимости. Колокол оказался очень хрупким, на нём вскоре появилась трещина, которая увеличилась во время празднования дня рождения Дж. Вашингтона: в колокол били несколько часов. Сейчас в колокол осторожно звонят 13 раз в День независимости.

В первый день в Филадельфии я побывал в Love-парке, главной достопримечательностью которого является скульптура из красных букв LOVE. Другой достопримечательностью, не столь известной туристам, является аллея Элфорта — старейшая улица в США. Её 30 домов построены в 1728—1836 годах. Там же похоронен и известный всем Бенжамин ФРАНКЛИН.

Большую часть второго дня я провёл, гуляя по окрестностям Филадельфии, что вызвало во мне очень противоречивые чувства, особенно в сравнении с тем районом Бруклина, где я остановился в Нью-Йорке. Во-первых, это были совершенно иного вида дома, утопающие в листве дере-

вьев. Во-вторых, на пару миль вокруг не было заметно ни одного магазина или кафе. В-третьих, поскольку это было утро воскресенья, в расположенных друг за другом церквях собирались прихожане, состоящие, как ни странно, только из афроамериканцев, хотя в самом районе проживали люди разных рас.

Ниагарский водопад, 20 августа

Невероятную свободу ощущаешь, путешествуя всего лишь с рюкзаком! Можно быстро пройти регистрацию на рейс и по прилёту сразу отправиться по маршруту, а не в зал выдачи багажа. Да и особых вещей не нужно, если отправляешься на Ниагарский водопад, тем более всего на один день. Набор высоты в течение 20 минут, чашка кофе со сливками, небольшой кекс и сразу же посадка. Капитан объявляет: «Добро пожаловать в Чиктовагу!» Стоп, какая ещё Чиктовага? Почему полёт длился всего лишь час, вместо полутора часов? Благодаря встроенному в смартфон модулю GPS понимаю, что это небольшой район, где расположен Международный Ниагарский Аэропорт, откуда до самого Найагра Фоллз добраться можно за полтора-два часа на рейсовых автобусах.

Со смотровой площадки отлично виден канадский берег. Сажусь на небольшой паром, который курсирует

Мост Куинсборо, Нью-Йорк

вдоль края водопада в огромном облаке водяных капель. Даже небольшой порыв ветра приносит с собой кучу брызг, каждый раз вызывая громкие возгласы туристов, которых тут великое множество, несмотря на будний день. Промокнув до нитки, пытаюсь высохнуть, сидя в тени деревьев и слушая грохот водопада. Оказывается, так мало надо для счастья: гармония с природой, свежий воздух, линия горизонта, лето.

Бостон, 23-25 августа

Так получилось, что в Бостоне много времени провёл на береговой линии: побывал на удивительных песчаных пляжах Кейп Кода, а потом в небольшом промышленном районе, откуда хорошо было видно заходящие на посадку в Бостонский аэропорт лайнеры, сочно окрашенные лучами заходящего солнца. Не покидало ощущение, что наступил День сурка: всё было очень и очень знакомо, особенно крик чаек. Только вернувшись в Нью-Йорк, понял, что все эти образы попадались мне в одной из любимых компьютерных игр Half Life.

В самом Бостоне легко обойтись без экскурсовода, если встать на Тропу Свободы, линию длиной 3-4 мили, проходящую через весь Бостон. Преодолевая эту дистанцию, вы увидите

много памятников и мемориалов. Например, памятник первым эмигрантам. Сквер, где он расположен, очень популярен среди голубей и бездомных. Или памятник ослу, который, как известно, является символом одной из политических партий в США. Чуть дальше — Мемориал холокоста Новой Англии, состоящий из шести высоких стеклянных колонн. На их внутренних стенах выгравированы цитаты из высказываний выживших в каждом из шести лагерей (Треблинка, Майда-нек, Аушвиц-Биркенау, Хелмно, Собибор, Белжец) и регистрационные номера узников.

Нью-Йорк, 28 августа

Сегодня прошёл не более мили по Бродвею и наткнулся сразу на несколько идущих друг за другом книжных магазинов, два из них специализировались на продаже подержанных книг. Библиофилу там можно задержаться не на один день. Можно найти практически всё, что просит душа: от фотоальбомов с работами МИКЕЛАНДЖЕЛО до переписки Марка ТВЕНА с читателями. Если пройти ещё немного вниз, то вам попадётся книжный магазин Нью-Йоркского университета, в котором огромный отдел учебной литературы: Америка учится, учатся десятки тысяч иностранных студентов!

В одном из магазинов нахожу книгу Владимира ПОЗНЕРА с дар-

ственной надписью: «для Ширли — с Днём Святого Валентина». Кстати, в самом центре Нью-Йорка на пятой авеню наткнулся и на дом, где прошло детство Познера и о котором он так много рассказывает в своих книгах «Одноэтажная Америка» и «Прощание с иллюзиями». Последняя книга была несколько недель бестселлером в США ещё в 90-х годах.

Нью-Йорк, 30 августа

Вы не поверите! Если остановиться на улице Нью-Йорка бегущего трусцой человека в шляпе, то может оказаться, что он лично знает нашего математика Георгия Петровича ЕГОРЫЧЕВА, при этом, конечно же, сам является профессором одного из университетов в Нью-Йорке. После короткого разговора профессор убеждает дальше, но потом машет шляпой и приглашает выпить кофе. Трудно отказаться, так как коллега за несколько минут успевает показать несколько весьма занимательных местечек, о которых не написаны в путеводителях. Самое главное — зашли в парикмахерскую, и за пятнадцать баксов я был подстрижен ловким мастером-доминиканцем.

Нью-Йорк, 2 сентября

Хай-Лайн — ещё одна из достопримечательностей Нью-Йорка, демонстрирующая, как американцы умеют обращать в свою пользу то, что другие разбирают и вывозят на металллом (я про старый железнодорожный мост в Красноярске).

В 1980 году была закрыта надземная железнодорожная ветка, а в 1990 году, когда возник вопрос о её демонтаже, было решено преобразовать пути в надземную аллею, высота которой составила около 33 футов. Длина такой аллеи сейчас около 1,5 миль, но работы по обустройству других участков продолжают.

Благодаря зелёным насаждениям, необычным фонтанам, текущим прямо по поверхности аллеи, деревянным скамейкам, которые то расположены под открытым небом, позволяя горожанам загорать прямо в городе, то прячутся в тени кустарников и деревьев, — в этом парке всегда многолюдно и оживлённо. А если устанете от прогулки по необычайно длинному и узкому парку — лифты и лестницы расположены каждые 500-600 футов.

Нью-Йорк, 5 сентября

Прощаться с Нью-Йорком я полез на один из самых высоких небоскрёбов Нью-Йорка — Эмпайр Стайт Билдинг, чтобы увидеть всё и сразу. Сначала лифт домчит вас до 80 этажа, где расположен музей, посвящённый строительству этого здания, затем ещё один лифт доставит вас на 86-й этаж, откуда вы сможете насладиться красотами Нью-Йорка с открытой площадки.

Многие места стали знакомыми. Почему-то вспомнил прогулку по «дамской миле», которая началась с минуты поэзии: милая дама предлагала за пару долларов почитать стихи собственного сочинения, а за \$3 — самые свежие строки. За доллар она была готова прочитать мне всего лишь четверостишие.

Затем поднялся на 102-й этаж, откуда вид ещё более волнующий, хоть смотровая площадка и закрыта. Отсюда можно увидеть сразу все мосты Нью-Йорка, даже расположенный далеко на севере Манхеттена мост Джорджа Вашингтона. Флэтайрон-билдинг, который с трудом помещался в кадр, теперь выглядит, как игрушечная призма, а Статуя Свободы — всего лишь небольшое пятнышко на горизонте.

Эпилог

С Нью-Йорком не прощаюсь. Он останется в моей памяти и на жёстком диске моего компьютера в 6 тысячах фотоснимков, которые читатель сможет посмотреть на моей страничке в социальной сети. Да и следующая встреча непременно состоится, ведь помимо прогулок по городу каждый день начинался с четырёх часов в одной из популярных в США языковых школ, а знать английский в совершенстве — не только модно, но и необходимо, особенно, если ты работаешь в молодом и интенсивно развивающемся университете.

Александр ЛЯПИН,
Институт математики
и фундаментальной
информатики СФУ

Полная версия
заметок —
на сайте газеты

Генетический код народной

Из экспедиций всегда привозят то, что другие могут посмотреть, потрогать, то есть рукотворные объекты, или артефакты. Это материальная составляющая любой поездки, но всегда есть ещё и духовная. С ней сложнее — эти находки не сдашь в музей. Зачем едут в фольклорную экспедицию? За нематериальным наследием. Это, как мне кажется, экспедиция в наше духовное прошлое. Интересно посмотреть, что привозят люди оттуда.

Наш герой — Игорь Николаевич ГОРЕВ, преподаватель красноярского колледжа искусств им. П.И. Иванова-Радкевича, родился в Красноярске, закончил Алтайскую государственную академию искусств и культуры, фольклором и этнографией увлёкся, участвуя в первых же экспедициях и фестивалях. Руководит фольклорным ансамблем «Живая старина». Он тут же поправляет — «Живая стАрина».

СПРАВКА

Ансамбль «Живая стАрина» проводит исследовательскую деятельность, направленную на изучение и трансляцию русской традиционной культуры Красноярского края. Ведёт активное изучение и пропаганду региональной русской старожильческой ангарской традиции пения и локальной ангарской народной культуры.

СтАрина, она же былина

— Потому что стАрина — это былина (уточню, что это народное название былины, так как в былине повествуется о героическом прошлом, о том, что происходило в старину. — А.С.). Мы действительно занимаемся стариной, и это название ярче отображает нашу деятельность.

— **Вы записывали былины? Удивительно, что исполнение былины дожило до наших времён.**

— Я тоже думал, что былину уже нельзя записать. Столкнулся я с былиной в 1998 году. Мы приехали в Богучанский район, село Манзя. Раньше там уже были филологи из нашего пединститута, так что я поехал по проторенной дороге, мне как практику было очень интересно пообщаться с носителями традиции. К сожалению, того исполнителя, СОСЕДОВА Павла Кондратьевича, 1914 года рождения, я в живых не застал, он уже умер. Но оказалось, что его однофамилец, Киприан Михайлович, 1930 года рождения, тоже исполнял эту былину, хотя у него был немножко другой музыкальный вариант.

— **Это звучит невероятно, потому что традиция былинного сказительства, как учат нас учебники по устному народному творчеству, закончилась в 30-х годах XX века. И вот вы встретились с былиной в наши дни.**

— Я и сам был шокирован: былина — ей тысяча лет! — и она дожила до наших времён.

— **Что за былина?**

— Это классический сюжет «Добрыня и Алёша». Я могу рассказать...

— **Лучше спойте. Первые хотя бы фразы...**

— (Красивейшим голосом поёт)

Как у нашего у князя, у боярина,
Эх, у солнышка, да у Владимира
Была тихая бяседа, был вясёлый пир.

Э, как все да на пиру
да пьяны-веселы,
Пьяны-веселы сидят
да потешаются
С молодыми они
жёнам забавляются...

Вот теперь эта былина стала родной для меня, сейчас я её исполняю. Иногда и детей спать укладываю под эту былину (у меня два мальчика и одна девочка), они даже просят: «Папа, спой про Добрыню». Ну и когда работаю с детьми или со студентами, её исполняю.

— **Это замечательно. Есть, конечно, в былине сегодня нечто от музейного экспоната, потому что её могут слушать, восхищаться, только жить былинными страстями и эмоциями уже не будут. В чём вы видите её ценность?**

— Я считаю, что эпос — это сердце народа. И эпос, и старинная песня, я считаю, обладают каким-то генетическим кодом, который действует на подсознание. Мне в детстве никто былин не пел, но помните, в нашем детстве были фильмы про Илью Муромца, Садко, был фильм «Руслан и Людмила». И я помню свои ощущения от этих фильмов: они вызывали чувство любви, патриотизма. Конечно, это громкие, уже взрослые слова, но любовь к своей Родине я через эти фильмы чувствовал, это я хорошо помню. И не надо было объяснять, что хорошо и что плохо — понимание этого приходило само. Эти герои как будто кодировали на нормальное восприятие мира.

Песня

— **А какую генетическую программу запускают лирические песни, которые вы собираете в своих экспедициях?**

— Песни уже сложный жанр, в них сюжеты более сложные, про любовь. И песня тоже связана, по-моему, с духовностью, потому что эти песни пробуждают в человеке самые чистые чувства.

— **В русских протяжных песнях рассказывается чаще всего про несчастную любовь.**

— Но всё равно эти душевные переживания связаны с чистой любовью. Бывает, конечно, и обманутая любовь. Но не все песни надо понимать дословно, в песне используется символическая форма. Мы, к сожалению, утратили прочтение символов, и не только в песне, кстати. Вот есть песня «С вечера всё дождь и дождь, поутру туман» (она есть в сборнике, который Игорь Николаевич готовит к изданию. — А.С.). В этой песне милый

уезжает, и в ней разлучница описывается так: у ней чёрные брови, голубые глаза, сама чуть жива. И я думаю, что это описана не девушка, а смерть. Поэтому что в песне дальше поётся, как казаки идут и коня ведут. Это символ смерти — конь без всадника.

— **Получается, что народную песню мы можем слушать, но не слышать, то есть не понимать её.**

— Да. Потому что мировоззрение отличается, символизм потерян.

— **Тогда ваша работа уходит в песок? Вы добываете для нас знания, сохраняете по мере своих сил народную культуру, приносите сохранённое людям, а они этого не понимают. Как с этим быть?**

— Но ведь и классическую музыку тоже не все понимают. Для этого учатся в музыкальной школе, потом оканчивают училище, потом институт. Если к народной культуре относиться с такой точки зрения: раз её не понимают, то зачем ею заниматься, то тогда мы и оставшееся потеряем. А я этого не хочу.

Я думаю, такое отношение к песне пройдёт. Просто в советское время народную песню меняли, пытались наполнить чем-то идеологическим и настолько извратили, что она перестала быть народной и нести нормальную информацию о мире. Я думаю, что из-за того, что подменили ценности, и было много потеряно в понимании и восприятии народной песни.

— **А ведь исполнители русских народных песен — Старостин, Пелагея, Инна Желанная и многие другие великолепные мастера, они ведь часто применяют аранжировки с использованием странных для русской культуры инструментов — с африканскими барабанами, например. Это говорит о чём? О том, что на голос уже никто не пойдёт? На чистый живой голос.**

— Мне кажется, что для современного восприятия музыки это нормально, я считаю, что такие формы нужны для молодёжи. Всё равно не все будут этой музыкой увлекаться, но в таком современном звучании кто-то к ней прислушается, заинтересуется ею — красиво же звучит! Кстати, были примеры, когда через такие формы люди приобщались к традиционному фольклору.

Но я всё равно считаю, что музыка эта элитарна. Так же, как классическая музыка, которую на земном шаре понимает всего один процент людей. Ну, фольклор, может, маленько побольше. Все никогда эту музыку слушать не будут.

— **А сколько песен вы знаете?**

— Я никогда не считал. Но если сказать примерно, то, наверное, песен пятьсот.

— **Понимаю, что песни трудно подсчитать, да и вряд ли нужно, а вот ваши сборники мы подсчитать можем. Расскажите об этой своей деятельности.**

— Я хотел сделать и сделал сборник по хороводным песням. У меня не было меркантильного интереса, была цель объединить людей на праздниках. Вот если съезжаются на какой-нибудь фестиваль в Красноярском крае люди, они приезжают из разных мест, и что-то должно их объединять, как раньше в деревне приезжали люди на праздник съезжий, и их объединяла песня или хоровод.

— **Сколько сборников вы выпустили?**

— Пока один. Сейчас в разработке сборник протяжных песен. Этот труд более массивный, потому что более сложный музыкальный материал. Я хочу сделать диск с канальными записями. Чтобы помимо нотных расшифровок, если человек хочет, можно было поучить с записи, с голоса.

— **Канальная запись — это что?**

— Это выделенная запись канала. Песня же сложная, многоголосная, и мы, когда записываем, выделяем каналы, то есть один микрофон пишет одну бабушку, другой — вторую, третью, четвёртую... Выделенные каналы нужны для удобства разучивания, потому что так просто песню не разучишь. Я хочу, чтобы сборник в практическом отношении помог фольклористам и тем, кто интересуется, научиться петь эти песни. В сборнике собраны вечерочные и хороводные песни, вечерочные песни игровые и поцелуйные. Эти песни все собраны в Красноярском крае. Материал уникальный, вечерочные песни сейчас уже не запишешь.

Вечёрка

— **Почему?**

— Потому что это праздничная форма. Если лирическую песню ещё споют, когда за столом собираются, то вечерка преданачалась для молодёжного досуга.

СПРАВКА

Вечёрка — вечернее собрание сельских жителей для совместной работы и развлечения. Русская традиционная форма молодёжного общения в воскресные, праздничные вечера. Повсеместно распространена была в Сибири. Основные формы общения — игра, игровые песни, хороводы, пляска, другие увеселения.

— **В чём ценность собранного материала?**

— Первое. Ценность в том, что вечерка правильно ориентирует человека, формирует правильные представления об отношениях между полами. Раньше с детства приучали, как надо себя вести мальчику с девочкой, а девочке с мальчиком, то есть на вечерках собирались, чтобы пообщаться с противоположным полом. Ходить на вечерки начинали с 6-7 лет и вплоть до предбрачного периода. А на старших вечерках уже выбирали себе мужа или жену высматривали.

Второе. Вечёрка — это активная форма проведения досуга. Сейчас проводят дискотеки, вечера, свадьбы и не знают, чем их наполнить, поэтому и напиваются, не зная, чем себя занять. Или берут из Интернета шутки какие-нибудь дурацкие, которые не несут никакого внутреннего духовного содержания. А вот эти

песни

песни, хороводные, вечерочные, помимо того, что под них можно было и поплясать, и поиграть, и поцеловаться, в них ещё были образы, символы, которые воспитывали в человеке правильное восприятие мира, развивали важные качества в человеке.

— **Например, какие?**

— Например, игровые. Многие дети сейчас не умеют играть. Вот, допустим, ребёнка не выбрали в какой-то игре, он обиделся. Или он проиграл в какой-то игре, опять обижается. А в народной культуре по-другому: проиграл и проиграл, в следующий раз выиграешь, то есть восприятие игры как игры, а не как соревнования.

Третье. На этих песнях хорошо развивается слух. Я считаю, что эти песни были как первичное музыкальное образование, потому что не было ведь ни школ, ни нот, а люди вырастали и пели потом такие сложные песни, которые сейчас в консерваториях не могут спеть.

— **То есть бабушки в деревне могут спеть сложнее, чем в консерватории?**

— Да, в консерватории не могут спеть, им надо время, подготовка. Раньше такая подготовка и была, и начиналась она на вечерочных песнях, потом на хороводных и потом выходили уже на протяжные, то есть на более сложные. Так что их ценность — практическая, она в том, что у ребёнка можно развить координацию между слухом и голосом. Это ведь редкость, когда слуха нет, его просто не развивают.

Вот, кстати, почему люди сейчас не поют? Потому что нет этого народного образования. Раньше человека с рождения до смерти сопровождала песня, живой естественный голос. Когда ребёнок с детства слышит песню, он потом сам её пытается воспроизвести. Но мамы колыбельных сейчас не знают, поэтому детям нечего воспроизводить. Да ещё утеряна традиция застолий. Не питья, а пения...

— **Вы думали над тем, почему традиция застольных песен утеряна? Какие причины повлияли?**

— Тут много причин. Одна из них — это то, что мы утратили веру. То есть вера объединяла людей. Праздники раньше от церкви отправлялись, поэтому в праздник идут люди сначала в церковь, а потом (скажем, на Троицу) идут все на луга. Вот это и есть объединяющее начало. Сейчас каждый сам по себе, все сидят в квартирах.

Ещё одна причина — техническая: жить стало легче, не надо что-то делать всем миром. Скажем, человек сел в автомобиль и поехал без труда, и помощники ему не нужны. Весь труд у человека облегчён. Если раньше всё — от посева зерна до урожая, дом ли строил, одежду шил — человек всё сам делал... Не один, конечно, община помогала, но трудился человек много. Сейчас же условия труда очень лёгкие, и человек разбаловался.

— **Интересная у вас параллель получилась: лёгкий труд, лёгкая жизнь — и не нужна никакая духовность. Тяжёлый труд, тяжёлая жизнь — и сильная тяга к духовному.**

— Да, есть такое. И ещё одна техническая причина, связанная уже с музыкой. Сейчас любой человек может взять наушники, надеть и слушать песни, то есть удовлетворить свою музыкальную потребность.

Раньше он не мог так легко. Раньше надо было собраться, надо было позвать одного-другого-третьего для того, чтобы спеть, или гармониста позвать... Так что человек сегодня более пассивный. В связи с тем, что многое

облегчилось, стало и пассивное восприятие музыки. И слух притуплён. Ведь раньше песню надо было спеть, нужно стараться, чтоб песню не испортить. А сейчас зачем петь? Надели наушники да и всё... Поэтому и развития нету.

Экспедиции

— **Расскажите про свои экспедиции. С какого времени ездите, куда и зачем?**

— Стал ездить с 1996 года, будучи студентом красноярского колледжа искусств, под руководством ШУЛЬПЕКОВЫХ. У меня всего около 20 экспедиций было.

— **Есть любимые места?**

— Да, это красноярское Приангарье, Кежемский район. Но дело в том, что туда уже смысла нет ехать, потому что там построили ГЭС и народ выселили. Любимые сёла — Заимка, Недокура, куда мы всё время ездили на Ангару к старожилам. А начинал я с поездок к белорусам в Бирилюсский район, потом Ирбейский, Тасеевский.

Лубок «Игорь Горев, убивающий зелёного змия»

Автор — А.Г. КАЙМАНАКОВ

Комментарии:

— Замучил его, что он аж красным стал.

— Аз есмь Игорьий.

— Змий хотел пировать, а пришлось ГОРЕВать.

— А на латах по бокам портреты Роберта Лахно и Александра Кайманакова.

— А позади Катеринушка (жена) с детками не нарадуются счастью такому!

Вечерочные и хороводные песни Красноярского края. / Автор и составитель И.Н. Горев — Красноярск, 2010. — 56 с.
Сборник представляет собой методическое пособие в помощь детским и молодёжным фольклорным ансамблям, даются подробные текстовые расшифровки с распевами гласных и диалектными особенностями говора той или иной местности. К изданию прилагается аудиодиск.

Потом был старожильский район — Богучанский. А в Усть-Илимский район ездили к новопоселенцам.

— **Уточните про старожилов и новопоселенцев.**

— Старожилы — это первые поселенцы, то есть те люди, которые первые пришли в Сибирь, русские, они с 16 века здесь живут. И вот если мы говорим про сибирскую культуру, мы прежде всего говорим об этих людях. Они как раз и являются носителями традиции сибирской русской культуры.

А новопоселенцы — это те, которые пришли уже по столыпинской реформе, или немного раньше — когда крепостное право отменили. И в их культуре чувствуется уже наносное и поговору, и по песням. Причём и старожилы, и новопоселенцы друг друга недолюбливают.

— **Ну это уж как водится. Двум медведям в одной берлоге трудно уживаться.**

Сибирский характер

— **Игорь Николаевич, за время своих экспедиций узнали, что такое сибирский характер и кто такой сибиряк? Какой он (и тот и другой)?**

— Ну, во-первых, это степенный человек, не суетный. Он знает, что он делает, и он уверен всегда в себе.

Во-вторых, с людьми он очень, скажем так, избирателен. Потому что по экспедициям я заметил, что с кем попало они разговаривать не будут. Когда приедешь к ним, они посмотрят, что ты за человек, поговорят и только потом пойдёт какая-то информация от них, те песни, за которыми мы приехали. А если ты им не понравишься, то никто с тобой и разговаривать не будет.

В-третьих, это очень чистоплотные люди. Я сравниваю деревни и не хочу принизить новопоселенческую культуру, но у старожилов другой быт, другой менталитет. Вот я по ангарцам сужу: в доме всегда чисто, прибрано, в огородах всегда порядок наведён, сами красиво, чисто одеваются.

Ну, конечно, есть в характере и какая-то суровость. Потому что, живя в тайге, человек приобретает качества природного ландшафта, в котором он живёт.

— **Суровость — неоднозначное слово. В каком смысле сибиряк — человек суровый?**

по-прежнему: «Да кому они нравятся? Да не будем мы петь». Мы им: «Да мы сами поём». — «Как это вы поёте? Это же старинные песни». Тут мы им спели. И всё, и пошла запись, пошла информация, потому что они увидели людей, которым это нравится. А их детям это уже не интересно. Поэтому они и говорят: песни-то уходят.

Наследники не по прямой

— **А почему, как вы считаете, традиция не передалась детям? А вы эту традицию сохраняете. Получается, что наследие передалось не по прямой — от отца сыну, а как-то по-другому.**

— Мне кажется, это вообще проблема сегодняшнего дня: уважения к старшим нет, и нет желания перенимать опыт. Сейчас же учатся по учебникам, по телевизору, в Интернете. А старшее поколение жило без этого, поэтому у молодых такой нигилизм: чему, дескать, старшие могут научить? Это проблема.

Но мне кажется, что выход есть. Сейчас песня перебралась из деревни в город. Сейчас инициативные люди, фольклористы, собирают песни и активно их поют. Я думаю, что придёт время, когда деревня возродится, потому что это основа, и она никогда не уйдёт из нашей жизни, она должна быть, потому что хлеб, молоко — это всегда нужно, это наш быт. И когда-то деревня должна возродиться. И тогда то, что накоплено и сохранено, опять уйдёт в деревню. Я надеюсь на это. Надеюсь.

— **Игорь Николаевич, если бы про вас сказали, что вы возрождаете духовную традицию русского народа, приняли бы такую формулировку?**

— Нет. Я бы не сказал, что я возрождаю. Я продолжаю: беру то, что было, и несу это дальше. Возрождать, как я считаю, надо то, чего почти уже нет, то, чего вообще уже нет. А песни я в экспедиции записываю и считаю, что народная культура не разрушилась, она существует. Просто она живёт скрытой жизнью, надо просто копнуть, и вот она, вот, пожалуйста, она есть.

Вот я в 2006 году ездил, записывал, мне шесть-семь бабушек пели, я 50 песен записал. Многие удивляются: «Да ты что? А мы не можем там ничего найти». Ну, значит, плохо ищете. Потому что я захотел найти — я нашёл и записал. То есть оно есть, но живёт не такой жизнью, что можно увидеть везде. Скрыто живёт.

Наш ансамбль «Живая стАрина» отличается тем, что мы сами записываем в экспедициях и потом это транслируем, мы это поём. Причём поём так же, как слышали. Поэтому мы народную традицию не возрождаем, мы её продолжаем. Мы её носители.

А вот исследователь записал, выпустил книжку, на полку поставил, и всё. Посыла она так, как у нас, не несёт.

— **Когда слушаешь народное исполнение, какая-то метафизика с тобой происходит. Заряжаешься силой и правильным миропониманием.**

— Я два года уже не езжу в экспедиции. И вот духовный вакуум какой-то образовывается. Потому что в общении с носителями традиции получаешь такой заряд бодрости, энергии, что на весь год хватает. И когда едешь в следующий раз, и в следующий, ты вовсе не выжатый как лимон.

Лестница в небо

Альпинист из меня точно не получился бы: боюсь высоты, наверное, с пелёнок. Например, мне страшно смотреть вниз из окна многоэтажки... Самая большая «гора», точнее горная грядочка, на которую довелось подняться в своей жизни, — хакасские Сундуки — высотой до 200 метров всего-то...

Представьте себе: мирный летний вечер, солнце — к закату, щебет птиц, увлекательный рассказ экскурсовода. Но когда наша группа оказалась в самой высокой точке маршрута, из-за горизонта выплыли тяжёлые тучи, внезапно подул сильный холодный ветер, засверкала молния и грянул гром. В тот момент в голове была одна паническая мысль: больше никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах...

Им сверху видно всё...

Не мной подмечено: все альпинисты — не от мира сего, альтруисты, философы. Как это объяснить? Наверное, с высоты, недоступной большинству из нас, мир выглядит иначе. Или как писал Юрий ВизБОР, в альпинизме человек мужает, соревнуясь с природой, с её бесчувственными и безжалостными силами. Приходится преодолевать скалы, лёд, холод, ветер, испытывать нехватку кислорода. От этого и накапливается мудрость.

В плане Красноярской Федерации альпинизма на 2013 год — 11 выездных лагерей, которые курирует мастер спорта, инструктор первой категории по альпинизму Константин ОБЕДНИН. На вид невозмутимый, спокойный, уверенный в себе. Полгода на выезде, полгода в горах — дело обычное для специалиста Красноярского Центра путешественников, альпиниста с 25-летним стажем. Уже позади Ала-Арча, Борус, Тува, Ергаки. Этим летом состоялись восхождения в Дугобе и высотная экспедиция на Памир.

— Прибыли мы в Киргизию, на место бывшего альпинистского лагеря, — рассказывает Константин. — Стоят заброшенные строения как немое напоминание о советском времени, когда порядка 25 стационарных альпалагеров работало: Кавказ, Тянь-Шань, Памир, Алтай... Сейчас всё разрушено. Вот где сердце-то щемит...

— Ностальгия?

— А что же ещё? При Советском Союзе мы приезжали в такие лагеря по профсоюзной путёвке, стоившей 40 рублей и включавшей проживание в течение 20 дней в лагере, питание, услуги инструктора и т.д. Я успел раза три-четыре съездить по такой путёвке... Когда Союз развалился, мы стали ходить в горы за свой счёт. Помню поехали на Кавказ, потратили огромные по тем временам деньги — порядка 700 рублей.

— **Получается, что золотой век альпинизма миновал?**

— Думаю, он приходился на 70-80-е годы. Сейчас альпинизм развивать намного сложнее. Чтобы идти в горы и обучать этому искусству других, нужны немалые средства.

— Чем притягивают горы?

— Это тяга сказочной силы. Кроме тренировочных учебных занятий — встречи с различными интересными личностями. Альпинизм концентрирует людей своеобразных, живущих в своём мире, в горах. В 1994 году я был в составе красноярской команды,

Вершина Братчанка, Восточный Саян

которая стала серебряным призёром России, а вскоре и чемпионом страны по альпинизму, совершив восхождение на пик Свободная Корея.

СПРАВКА

В 1982 году на высочайшую вершину мира Эверест (8848 м) со стороны государства Непал поднялась сборная СССР. В 1996 году со стороны Тибета вершину покорила красноярская команда альпинистов. Маршрут получил название «Красноярск — Северо-Восточная стена». В этом же году Международная ассоциация альпинизма признала это восхождение сибиряков на Эверест лучшим в мире.

За что ещё я люблю горы? Там небо становится ближе, все люди равны, и нет между ними границ. А на земле... мы вдоль границы узбекского анклава в Киргизии ехали почти 80 км, хотя, если пересекать анклав напрямую, то это всего-навсего 8 км.

Время собирать камни

После распада Госкомспорта СССР утрачено многое из того, что было наработано почти за 70 лет в отечественном альпинизме. Потеряна учебно-методическая база и школа подготовки инструкторских кадров. Красноярский Центр путешественников пытается реанимировать обучение альпинистов. Выездные лагеря, проводимые красноярцами, собирают участников из самых разных городов России.

— К нам приезжают люди разных профессий из Перми, Новосибирска, Иркутска, Норильска, Москвы и других городов, — продолжает Обеднин. — Возраст от 14-ти и старше. В основном в группе мужской состав, но есть и женщины. Нынешним летом приезжало несколько семейных пар. Программа обучения рассчитана на участников различных уровней подготовки. Географию восхождений каждый год стараемся разнообразить...

После прохождения маршрута кто-то из участников радуется, что повысил свой разряд по альпинизму, а кто-то счастлив, что вдоволь налюбовался заснеженными склонами, цветущими эдельвейсами и наелся горной клубники... Для меня самая большая радость — довести всех

из пункта «А» в пункт «Б» без травм и потерь. Как сказал незабвенный Владимир Семёнович, «в горах не надёжны ни камень, ни лёд, ни скала». В Дугобе меньше лавинной опасности в связи с тем, что мало снега, а туда, где более заснежено, мы стараемся не ходить, потому что экспедиция носит учебный характер. Тем не менее, поднимаемся на вершины, которые дают право на присвоение определённого разряда.

— Зачем вообще нужен разряд?

— Есть профессии, в которых опыт восхождений может пригодиться, взять хотя бы спасателей. Альпинисты могут быть востребованы и в военных подразделениях, ведущих боевые действия в горах. Кстати, вы знаете, что альпинизм в советское время носил статус военно-прикладного вида спорта? И не исключено, что в будущем это вновь окажется востребованным...

— **Полноценная акклиматизация человека на высоте наступает на 15-20-й день, поэтому выездные альпинистские лагеря длятся около месяца. Люди испытывают колоссальную физическую и психологическую нагрузку, как они вообще обходятся без цивилизации и комфорта?**

— Всё своё берём с собой. Живём в палатках, в лагере есть базовая палатка-кухня, здесь можно и чаю попить, и непогоду переждать. А транспорт... В горах нас иногда выручают ишаки. Навыучиваем и вперёд!

Гора может не пустить

У альпинистов собственный профессиональный сленг, поэтому самое первое занятие в группе новичков всегда посвящено преодолению языкового барьера.

— В горы «ходят», а не лезят, не карабаются, — просвещает Костя. — У нас нельзя сказать: «покорил гору».

— А как можно?

— Ласково: «гора пустила»... Она может не пустить, может отпустить и не отпустить. Есть лёгкая гора, тяжёлая, интересная и неинтересная. Первая гора в сезоне называется «открывашкой». Маршрут может быть логичным и наоборот. «Логичный» — это когда всё видно, чётко и определённо. «Нелогичный» — значит, нужно вернуться, спуститься, а потом опять подняться... На первом занятии мы даём участникам набор команд, достаточных для понимания. Например, «выдать верёвку» — т.е. верёвка должна идти легко, чтобы у человека оставался запас свободы движений.

Если впереди идущий просит «закрепить верёвку», то её надо жёстко зафиксировать, чтобы он смог отдохнуть. Команда «камень» означает опасность: или камень сошёл, или есть такая вероятность. В данном случае надо закрыть голову и принять определённое положение, которое на занятиях отрабатывается, и ждать следующей команды. «Перила» — это закреплённая верёвка. Например, инструктор спрашивает: «Перила свободны?», и если слышит в ответ «да», то даёт команду «пошёл».

— **А если сходит лавина? Какая команда?**

— Да никакой. Если успеете, можете что-нибудь крикнуть...

— Что?

— Что угодно. Потому что вряд ли что-нибудь вообще успеете... Лавину можно предвидеть дома, а там... Самое простое — обходить такие участки. Рисковать жизнью — удел дураков. В маршруте я непрерывно боюсь, и боюсь не за себя, за участников. Я всегда предупреждаю своих подопечных, чтобы не теряли бдительности в горах и любили себя. Перед тем как идти в горы, обязательное условие — страхование жизни не менее чем на 15 тысяч долларов.

Восхождение на пик Ленина

После восхождений в Дугобе, которые продолжались с 29 июня по 27 июля, некоторые участники экспедиции остались на Памире, чтобы попытаться подняться на семитысячник пик Ленина. К ним присоединились новые силы — в основном из Красноярска, Козинска, Абакана.

— На подходах к этому маршруту больше всего впечатляет смена колорита: из практически европейской Алма-Аты попадаешь в менее европейский Бишкек и после переезжаешь в совсем не европейский Ош — самый юг Киргизии, где немалый процент населения узбеки, потому что так пролегла граница, — делится впечатлениями Константин. — Это один из древних городов, расположенных на пересечении караванных путей из Индии и Китая в Европу. А чего стоит ошский рынок, которому три тысячи лет! А Сулейман-Гора — это же природное достояние с мощной энергетикой, можно сказать, окно в космос! На ошском рынке закупаемся продуктами.

— **Кстати, чем питаетесь в горах?**

— Берём с собой мясо, хлеб, сухари, курагу, орехи, чай (кофе нельзя, он сильно повышает давление, а в условиях кислородного голодания оно и без того повышенное). В горах можно найти лук и щавель. Готовим в автоклаве (в простонародье — скороварка). После серьёзной физической нагрузки еда и сон — это главное.

— **Все ли выдерживают испытание высотой?**

— Реагируют по-разному. Главное — пройти акклиматизацию по давно отработанной схеме. День живём в базовом лагере, потом уходим на один день на высоту, спускаемся на ночёвку в лагерь и на следующее утро уходим на большую высоту на два дня. Ночуем и возвращаемся в базовый лагерь. Затем уходим уже на три дня. Поднимаемся постепенно с высоты 3600 до 4200 и оттуда на 5600 — ставим палатки, ночуем. На следующий день поднимаемся на высоту 6200, ночуем и спускаемся в базовый лагерь на 3600. Отдыхаем три дня. Акклиматизация нужна и новичкам, и тем, кто занимается альпинизмом

много лет. В каждом районе свой акклиматизационный цикл, продиктованный метеоусловиями, влажностью, другими параметрами.

С высоты 6200 м начались наши попытки восхождения на пик Ленина.

— Почему попытки?

— Не всегда удаётся подняться. Есть вершины, на которые вообще не совершаются восхождения в течение сезона.

Например, в этом году альпинисты из-за плохой погоды не смогли предпринять восхождения на семитысячники пик Победы и пик Коммунизма, хотя долго к этому готовились. В нашей группе на пик Ленина по

разным причинам (погода, физическое состояние) из 14 человек поднялись всего пятеро.

Самая большая проблема – ветер, он сильно мешает движению. Так было и на этот раз: народ вышел на штурм вершины, но из-за сильного ветра многие на полпути повернули обратно.

— Что за часы у вас на руке? На обычные не похожи...

— Японские, специально для альпинистов. Такие часы показывают не только время, но и атмосферное давление, температуру воздуха (для этого их надо снять с руки), высоту над уровнем моря.

— Любопытно, а бывали у вас в группе иностранцы?

— Конечно, несколько раз в Туву с нами ходили чехи, американцы. Интерес к альпинизму в мире растёт. Красноярская команда очень неплохо смотрится на общем фоне, можно сказать, в тройке сильнейших команд России.

— Красноярские легенды альпинизма — кто они?

— Их довольно много. Назову несколько имён: мой первый тренер, ныне профессор кафедры открытых горных работ Института горного дела, геологии и геотехнологии СФУ Виктор Евгеньевич КИСЛЯКОВ; пред-

седатель Федерации альпинизма Красноярского края Николай Николаевич ЗАХАРОВ, Владимир Александрович ЛЕБЕДЕВ, Валерий Викторович БАЛЕЗИН (альпинистский стаж под 40 лет); хорошо всем известный «Снежный барс», восходитель на Эверест Валерий КОХАНОВ (сейчас работает в МЧС).

Но кого хотелось бы выделить особо, так это Людмилу Давыдовну СУВОРКИНУ, кандидата в мастера спорта, альпиниста с более чем 40-летним стажем, инструктора первой категории. Её выносливости позавидуют и мужчины. А ещё... она лучше всех знает, как в горах спастись от медведей.

Альпинизма женское лицо

В подвале на Маркса, 88, где базируются альпинисты, Людмила Давыдовна появляется в дни, свободные от выходов в горы. На пике Ленина она побывала трижды, мечтала взойти на Эверест, но в советское время не успела, а теперь, говорит, никаких денег не хватит... Возраст у женщин не принято спрашивать, но Суворкина не скрывает (выглядит она гораздо моложе своих лет) — ей уже за 60.

— Я на лыжах ходила с детства и сейчас могу километров 50 пробежать без остановок, — удивляет меня Людмила Давыдовна. — Бег на лыжах тренирует лёгкие, а на высоте что может быть главнее?

— А грузы? Приходится носить на себе много тяжести: снаряжение, продукты...

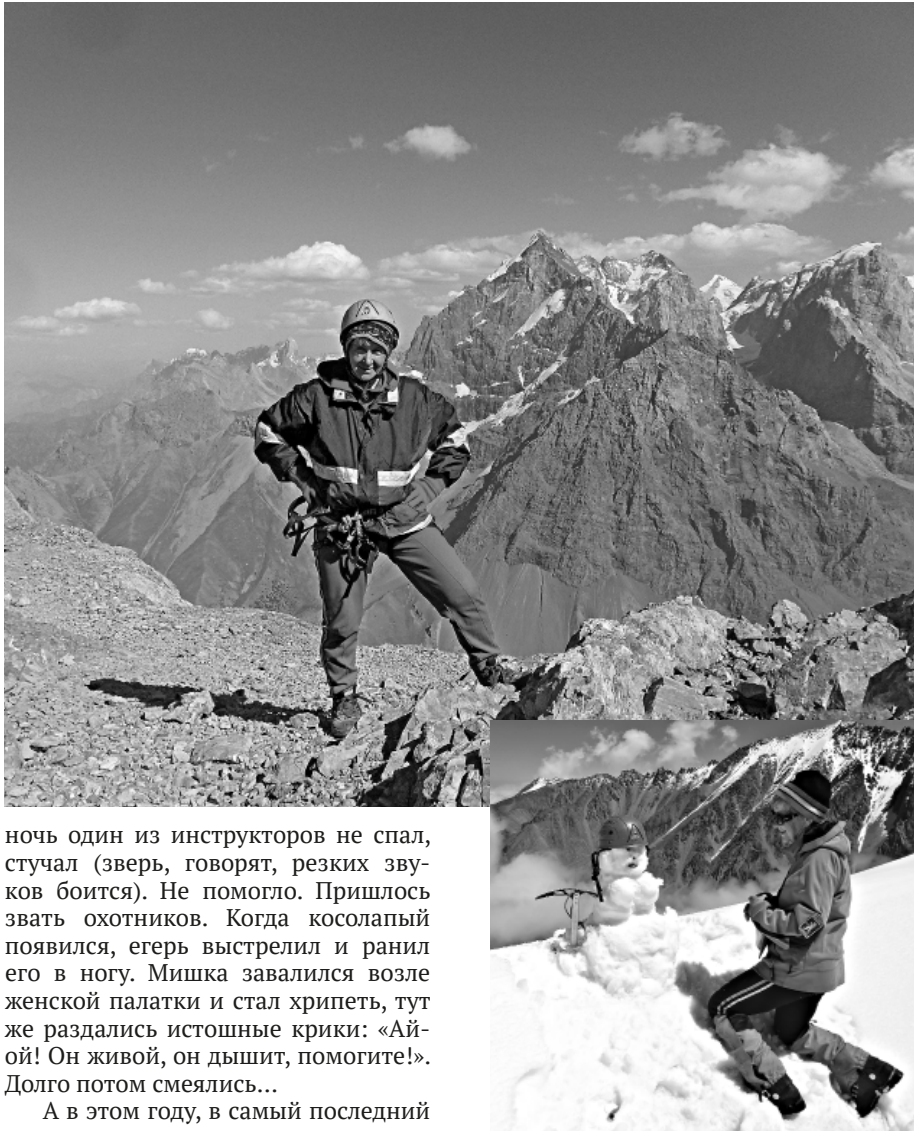
— Несёшь, только когда подходишь к заданному маршруту и когда выходишь. Килограммов 8-10 для меня не проблема.

— Расскажите о самых последних экспедициях, в которых вы участвовали.

— Нынешним летом ходила старшим тренером в Дугобу и на Ергаки. Про Дугобу Костя вам уже рассказал, а вот на Ергаках мне пришлось нелегко — набралась слишком большая группа, около 70 человек, помимо красноярцев — новосибирцы, барнаульцы, кемеровчане. Зашли мы в дождь, и до нас он лил всю неделю. Встретили омичей, те жалуются: «Ой, погода плохая!». Разбили мы лагерь. На следующий день смотрим, а омичей уже и след простыл. Подходим ближе к их стоянке, а там что-то бесформенное лежит. Пригляделись — смятый тент от палатки. Оказалось, что ночью в лагерь наших соседей наведалься косялапый и украл у них рюкзак. В этом году такие случаи не редки. Медведи выходят к людям, потому что тайга нынче бедная: ни шишек, ни ягод. Весной-то они не опасны, если что-то съедят — им дурно станет, а вот осенью...

— Рассказывали, как однажды турист стал защищать от медведя свои продукты и получил серьёзное ранение.

— В 2008 году возле моей палатки егеря убили 5 медведей! Тайга сильно горела. Никогда не забуду, как медведь ночью начисто обокрал томичей — даже суп у них выпил, а у нас сало утащил и колбасу. На другую ночь повесили мы возле палаток ожерелье из пустых консервных банок. Всю

ночь один из инструкторов не спал, стучал (зверь, говорят, резких звуков боится). Не помогло. Пришлось звать охотников. Когда косялапый появился, егеря выстрелил и ранил его в ногу. Мишка завалился возле женской палатки и стал хрипеть, тут же раздались истошные крики: «Ай-ой! Он живой, он дышит, помогите!». Долго потом смеялись...

А в этом году, в самый последний день экспедиции, спускаемся мы с горы, у меня сотовая связь появилась, радуюсь, что новости смогу передать. Только дозвонилась — «всё у нас хорошо!» кричу в трубку, а коллеги меня в бок толкают, мол, у нас медведь. Я голову поднимаю и вижу — точно. «Ой, — всё так же радостно говорю, — а у нас медведь!». Медвежонок с метр, уши кругленькие, мирно себе травку щиплет. Посмотрел на нас, потом отвернулся и пошёл в другую сторону.

Альпинизм относится к опасным, экстремальным видам спорта. Восходители не любят говорить о неудачах. Легенда красноярского альпинизма Людмила Суворкина — живой свидетель нескольких трагедий в горах.

— Печальных много моментов, — вспоминает Людмила Давыдовна. — В 1974 году я принимала участие в Красноярской экспедиции на пик Ленина. На «луковой» поляне собрался весь цвет альпинизма СССР, а также немцы, американцы, поляки. Красноярскую группу отправили на юг, через урочище Кара-Джилга (в переводе «чёрная смерть»). Туда же пошли киргизы и прибалты. В тот год

было очень много землетрясений. В первые же дни мы это почувствовали. Двух участников экспедиции из прибалтийской группы захлопнуло в трещине. Мы потом видели на леднике: на местах, где были трещины, образовались холмики. Однажды ночью, когда все спали, земля под нами вертанулась так, что я выскочила из палатки, чтобы узнать, что это было.

После той трагедии к нам спустился уполномоченный на вертолёт и объявил о закрытии опасного маршрута. Нам дали другое направление. Идём дальше. Смотрим, опять вертолёт летит и что-то нам сбросил. Но сильный ветер унёс пакет далеко в сторону, мы его не нашли и продолжили восхождение дальше. Как позже выяснилось, нам хотели передать сообщение, чтобы группа возвращалась. И вот идём мы дальше, уже совсем близка вершина и вдруг впереди видим трупы, а над ними кружатся горные галки. Возле каждого тела был воткнут флажок.

Мы прошли мимо них на вершину и обратно. Руководитель запретил

нам подходить близко к этому месту. Спустя время мы узнали, что там погибла российская женская команда во главе с инструктором Эльвирой ШАТАЕВОЙ, женой государственного тренера СССР по альпинизму Владимира ШАТАЕВА.

«Благополучно взойдя на вершину, при начавшейся непогоде пережидали, поставили палатки, но непогода ужесточалась, быстро проявилось заболевание двух участниц. При вынужденном спуске на высоте порядка 7000 м умерли все 8 женщин. Всё закончилось 7 августа 1974 года» (из книги В. Шатаева «Категория трудности»).

После этой трагедии чисто женские восхождения были восстановлены в правах только в 1988 году, когда Федерация альпинизма Советского Союза впервые стала проводить первенство по альпинизму среди женских групп.

«Если кто-то в горах заболевает, — надо срочно спускаться, а иначе — отёк легких и смерть, — говорит Суворкина.

— Людмила Давыдовна, почему вы, такая хрупкая женщина, в своё время решили заняться суровым мужским видом спорта?

— Во-первых, здоровьем бог не обидел. Во-вторых, спорт хорошо поддерживало государство. В СССР (ещё со сталинских времён) всем инструкторам альпинизма на работу приходила бумага из Федерации, что для работы в альплагере в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР должен быть предоставлен отпуск без содержания до 3 месяцев. Но если серьёзно, то вовсе не это главное.

Помню, в самом начале, когда я только начинала ходить в горы, меня мужчины никогда не пускали впереди себя на скалу, старались уколоть, мол, иди ты, тётенька, сзади и не vystупай! А на высоте представители сильного пола выдыхались. Например, надо протоптать тропу в снегу, а сугробы чуть ли не по пояс. Один раз шагнёшь, потом пять раз вдохнёшь. Каждый должен сделать по 40 шагов и отойти в сторону, уступив место другому. И тут я начинаю прокладывать дорогу и долго могу идти первая на высоте. По сатурнианскому календарю я «черепашка» (улыбаясь, вертит на пальце брелок).

— А по знаку зодиака?

— Весы! Мужской, кардинальный знак. Если верить гороскопу, самое большое желание для людей моего знака — душевный покой. И его мне дают горы.

Подготовила Вера КИРИЧЕНКО

Тысяча и один рассказ о малых

«Здесь вам по рогам оленя расскажут всё: откуда это животное, сколько ему лет, из какого он стойбища и кто его хозяин», — говорит заведующая кафедрой культурологии Гуманитарного института СФУ, доктор философских наук, профессор Наталья Петровна КОПЦЕВА. Думаете, шутка? В первый том коллективной монографии, изданной в 2012 году, вошли обширные теоретические изыскания, а также отчёты по результатам научно-исследовательских экспедиций в Эвенкию студентов, аспирантов и преподавателей СФУ. Читая книгу, можно узнать много интересного о жизни и особенностях менталитета коренных малочисленных народов Крайнего Севера.

Исследования состоялись благодаря грантам Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности «Красноярский край — поликультурное пространство: родина коренных малочисленных народов Севера» и Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» — «Культура коренных малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций».

Северный тезаурус

Из дневника научного сотрудника СФУ (кафедра ЮНЕСКО «Новые материалы и технологии») Сергея ДОБРОСМЫСЛОВА: «Летом, когда большинство людей едет на юг, мы тоже отправились к морю, только Карскому. В экспедиции приобретаешь массу полезных навыков: как грамотно просушить насквозь промокший во время начавшегося шторма паспорт; как спасти из болота увязший сапог товарища; как сварить из брусники лечебный компот; как приготовить торт-пирожное «муравейник» из остатков сушек и стужёнки. И если на север мы отправлялись с тяжёлыми сумками (основным грузом были крупы, банки тушёнки и стужёнки), то возвращались, можно сказать, налегке, но зато с несколькими десятками гигабайтов фотографий и видеосюжетов, с тысячей и одним рассказом о Севере...».

В первом томе монографии собраны сведения об образе жизни и культуре коренных народов. Здесь и особенности жилища, и основные промыслы, и специфика национальной кухни, и описание похоронного обряда. Можно узнать, чем лечатся малочисленные народы, какими искусствами владеют... Словом, в книге особые ценности — всё то, что сохраняется в условиях изоляции от большого мира и может быть навсегда потеряно в городской среде.

— Излагая современную теорию, связанную с динамикой этнических процессов, мы старались постепенно продвигаться от общего к частному, от глобального к региональному, — поясняет профессор Копцева. — В первый том вошли уникальные изыскания Виктора Павловича КРИВОНОГОВА, профессора кафедры всеобщей истории. На основе поле-

вых исследований учёный много лет изучал демографические процессы коренных и малых народов Красноярского края, отслеживал закономерности. В монографии собраны результаты его пятилетних наблюдений.

В 2010 году наши исследователи посетили посёлок Суринда в Эвенкийском муниципальном районе. Руководитель местного оленеводческого предприятия Виктор Иванович ГАОУЛЬСКИЙ помог группе побывать в бригадах, где сконцентрированы семьи, занимающиеся кочевым оленеводством. Собран потрясающий материал о детях коренных малочисленных народов. Сделаны интересные видеоматериалы, диктофонные записи, фотографии, иллюстрирующие, как народы пытаются поддерживать национальные традиции, язык, прививают своим детям навыки выживания в суровом климате.

Позже экспедиция побывала в деревне Фарково Туруханского района (где живут селькупы) и посёлке Ессей, стоящем на берегу пресного заполярного озера в Эвенкии.

Из дневника аспирантки кафедры культурологии Гуманитарного института СФУ Марии КОЛЕСНИК: «Из Туры до Ессея добирались на вертолёт. В аэропорту наш вертолёт долго выезжал на взлётную площадку, очень долго. Уже успели подумать, что в связи с непогодой мы не полетим, а поедем на вертолёт по бескрайним просторам тундры к намеченной цели. Цель оказалась прекрасной — посёлок с красивым деревянным мостом на берегу бескрайнего озера. Для части из нас это был ещё и первый в их жизни посёлок, находящийся за Полярным кругом, — впечатлений на полжизни!»

Культурологи откопали интересные факты из истории образования посёлка Ессей с населением около 500 человек (его название очевидно связано с библейским пророком). В посёлке проживает уникальный этнос — ессейские якуты, у них свой язык — диалект якутского языка, своя история и своя вписанность в Красноярский край.

Сейчас на очереди издание второго тома монографии по результатам комплексных экспедиций не только в Эвенкию, но и в Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, совершённых с 2010 по 2012 гг.

К примеру, группа побывала в посёлке Носок, посетила северное поселение Караул, где в основном проживают ненцы.

Вместе — сила

Из дневника кандидата философских наук, старшего преподавателя кафедры культурологии Гуманитарного института СФУ Ксении РЕЗНИКОВОЙ: «Выйти на улицу без лошадиной дозы репеллента в Туруханске или в Фарково было невозможно. В гостинице, конечно, тоже комарьё наличествовало, но не в таких количествах. Поэтому, собираясь на работу (анкетирование местных жителей) или на променад (знакомство с местными достопримечательностями), непременно намазывались кремом от насекомых. Больше всего забавляло, что на репеллент можно было поставить волосы, соорудив удивительную причёску. Долой воск и гель для волос!».

Дети Эвенкии. Люлька

Опыт первых экспедиций научил и многому другому. Главное — пришло понимание того, что в состав группы должны входить не только культурологи и искусствоведы, но и экономисты, архитекторы, строители, аграрии, врачи и даже юристы, потому что нужна разработка новых правовых механизмов регулирования жизни северных районов.

Допустим, сегодня налог на пользование землёй для коренных народов всего один рубль в год за гектар. Но родовые общины вынуждены платить бешеные суммы ежегодно, потому что используют огромные территории — миллионы гектаров.

По данной тематике учёные СФУ плотно работают с уполномоченным по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае Семёном Яковлевичем ПАЛЬЧИНЫМ.

Начиная с 2010 года в состав экспедиций стали входить не только представители СФУ, но и других вузов. Работу исследователей в Таймырском и Эвенкийском муниципальных районах возглавляли два профессора, доктора наук Владимир Игоревич КИРКО (СФУ, КГПУ им. Астафьева) и Виктор Николаевич НЕВЗОРОВ (Красноярский государственный аграрный университет).

— Комплексный состав экспедиции необходим, потому что каждый специалист видит что-то своё. Когда мы потом начинаем суммировать результаты, то друг друга дополняем и корректируем, и получается целостная и разнообразная картина, — поясняет Наталья Петровна. — Инженерные, строительные и архитектурные познания дополняются пониманием уникальных мировоззренческих установок коренных северных этносов. От этого проекты получаются чрезвычайно привлекательными для всех сторон. Например, когда наши архитекторы делали модель северного посёлка для Красноярского края, то они использовали материалы культурологов, вписывали в саму модель этническую культурную картину мира северных народов.

Я считаю, что нужно включать в состав экспедиции и политологов, и правоведов — без государственного регулирования развитие северных территорий нашего региона невозможно. Допустим, в Канаде ловля рыбы в определённых озёрах и реках и свободное проживание на определённых территориях закреплены только за коренным населением, а статус этот устанавливается в судебном порядке. Что касается России, то этноним человек присваивает себе сам, т.е. вы можете назваться представителем любой национальности, и не существует для этого юридических препятствий. Если существуют определённые государственные преференции для конкретных этнических групп, то ими может воспользоваться и тот, кто неправомерно причислит себя к данным народам. Право коренных народов на особую государственную поддержку закреплено Конституцией РФ.

народах

Найти и сохранить

— Во втором томе монографии будет представлена новая область научного знания, — делится ближайшими планами Наталья Петровна Копцева. — Учёные-этноархеологи Красноярского краеведческого музея Николай Поликарпович МАКАРОВ и Михаил Семёнович БАТАШЕВ передали нам некоторые результаты своих уникальных северных экспедиций. К тому же, в архивах краеведческого музея до сих пор хранятся материалы знаменитой Приполярной переписи, проводившейся в 20-е годы прошлого века, когда не было ни диктофонов, ни видео-, ни фотоаппаратов, а учёные-энтузиасты вели наблюдения и фиксировали их в своих рукописных текстах. Сохранились потрясающие записи собраний племён, они дают полную картину того, какие там вопросы решали и какие задачи ставились перед родоплеменными сообществами коренных северных и сибирских народов.

Во второй том монографии войдут и результаты исследований, связанных с разработками в области архитектуры и строительства на северных территориях. Во время экспедиций учёные, магистранты и аспиранты Инженерно-строительного, Института архитектуры и дизайна и Института управления бизнес-процессами и экономики СФУ проводили архитектурно-строительное, медицинское, социоэкономическое и культурологическое исследование северных посёлков. Изучали, к примеру, особенности планировки зданий, материалов, почв и фундаментов. После состоялись замечательные защиты проектов. Аспирант ИАиД Евгений ЧАЙКИН разработал модель чума из абсолютно новых материалов. Кстати, очень интересный проект — модель посёлка в форме расходящихся сфер. С одной стороны, это эстетично, красиво, а с другой — сферическое расположение домов вокруг центра позволяет сохранять больше тепла внутри самого посёлка.

Созданы и модели северных посёлков, которые учитывают традиционную картину мира циркумполярных народов. Алексей КОПИЦА и Александр УПАТОВ (магистранты в области производственного менеджмента, медицина) провели общемедицинское и стоматологическое обследование жителей северных посёлков, Людмила ФАТКУЛЛИНА и Василий ЗАХАРЮТА — исследование строительных конструкций. Студенты кафедры культурологии занимались этнокультурными научными исследованиями.

Материалы их изысканий опубликованы в центральных научных журналах, используются при принятии управленческих решений в Правительстве Красноярского края.

Возвращение к истокам

Третья часть монографии посвящена Таймырскому Долгано-Ненецкому муниципальному району и включает в себя лингво- и этнокультурные исследования фольклора, декоративно-прикладного искусства, религии и т.д.

Собранные материалы — это результат прямого наблюдения, непосредственного контакта с носителями той культуры, которая является объектом изучения. Красноярский «спецназ» на постой к местным жителям не просился, опрос вёл деликатно. Исследователи жили в гостинице или и вовсе в походных условиях...

Из дневника Ксении Резниковой: «В экспедиции я научилась готовить новое блюдо: суп гороховый с комарами зажаристыми или гречку по-флотски на речной жёлтой воде с сырым луком или чесноком, чтоб поубивать не выкипавших из этой самой удивительной воды организмов. И если, пока готовил, выудил всего штук шесть, значит, плохо смотрел, нужно быть внимательным при приёме пищи....».

— Перед нами стояла задача зафиксировать, оцифровать уникальное культурное наследие, как это делается, например, в Канаде, — продолжает Наталья Петровна. — Совершенно очевидно, что Россия свои се-

этнических единиц или их удел — неизбежная ассимиляция?

— Это очень сложный вопрос не только в масштабе России, но и в мире. Многие международные организации позиционируют себя защитниками уникальной культуры коренных народов. Но вопрос в том, какой народ считать коренным — людей, проживающих на конкретной территории с незапамятных времён, или пришлых, которые, тем не менее, занимают ныне господствующее положение? Проблема развития коренных народов в глобальном мире стоит не только у нас, но и в Скандинавии, Японии, Австралии, Канаде, в Северной Америке...

верные территории будет развивать, и, несомненно, на эти цели государство выделяет огромные инвестиции. Уже года через два край реально преобразится.

Цель наших экспедиций — сохранить богатую и уникальную северную культуру, зафиксировать разнообразные способы человеческого устройства. Например, знаете ли вы, что эвенки — это единственный народ в мире, который оседлал дикого северного оленя? Кстати, они сами называют себя вольным народом, наездниками и даже потомками личной гвардии Чингисхана...

Главные вопросы

— Наталья Петровна, могут ли «микроэтносы» существовать в качестве особых, самостоятельных

— И всё-таки, если мы говорим об их уникальной культуре, означает ли это, что мы искусственно должны поддерживать крайне низкий уровень развития производительных сил?

— Искусственно поддерживать низкое качество жизни коренного населения совершенно недопустимо, хотя бы потому, что цивилизация сегодня развивается быстрыми темпами, и почему одни народы должны иметь более низкое качество жизни, чем другие? Учёные Красноярского аграрного университета, входившие в состав одной из наших последних экспедиций, предложили свой взгляд на развитие традиционных способов хозяйствования. В итоге родился заказ на разработку новой модели сельской усадьбы, где можно было бы северного оленя одомашнить и при-

учить жить в усадьбе и таким образом уйти от кочевого оленеводства.

— Будут ли продолжаться экспедиции на Север, ведь это дорогое удовольствие — чего стоят одни только перелёты...

— Мы это прекрасно понимаем, поэтому стараемся участвовать во всех грантовых конкурсах по исследованию северных территорий. Мы уже выиграли в общей сложности 4 федеральных и 3 региональных гранта для северных исследований. В нынешнем году планируем три поездки: в Туруханский, Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский муниципальные районы. До этого мы побывали лишь в нескольких посёлках, а нас ждут и другие, ведь речь идёт об огромной территории. Законодательно статус малочисленного получает только народ численностью менее 50 тысяч человек. И такие народы являются собой большое разнообразие экономических форм хозяйствования: это кочевое и домашнее оленеводство, рыбная ловля, охота на соболя, дикого оленя, сбор дикоросов и их переработка и ещё много чего. Мы своими исследованиями, наверное, и десятой части не охватили...

В этом году Министерство экономики и регионального развития Красноярского края и Агентство по делам Севера и коренных народов Красноярского края как заказчики поставили перед нами серьёзную задачу. Нам предстоит найти ответ на вопрос: правильно ли осуществляется коммуникация между государством как субъектом, который пытается стимулировать экономическое и социальное развитие этих территорий, и народами, которые там проживают. Если мы говорим о том, что эти народы обладают уникальной культурой — не урбанизированной, не индустриальной, то каковы стандарты качества жизни, характерные для данных этнокультурных групп? Не получается ли так, что те виды помощи, которые государство сегодня направляет для развития территорий Крайнего Севера, просто-напросто не считаются коренными малочисленными народами как поддержка?

На основе специальных методик в ходе новых экспедиций предстоит создать и представить заказчикам реальные восемь моделей этнокультурных стандартов и индикаторов роста качества жизни, чтобы эти модели послужили основанием для эффективной региональной политики на северной территории. И мы очень надеемся, что наши планы осуществляться!

СПРАВКА

В качестве научной базы исследования выступают методики Йельского университета, изложенные в Human Relation Area Files (всемирно признанная организация в области культурной антропологии), где собраны данные о 350 этнокультурных группах мира. В настоящее время СФУ имеет свободный доступ к этой картотеке в рамках международного сотрудничества с HRAF. Кроме того, используются специальные опросники, разработанные Королевским антропологическим институтом Великобритании и Ирландии, с которыми сотрудничают красноярские учёные.

Наталья ДМИТРИЕВА

Ну и зачем я опять пакую рюкзак?

Когда мне было двенадцать лет, папа впервые взял меня в горы. На старой швейной машинке он сшил мне большой синий рюкзак, который смешно торчал из-за моей кудрявой макушки. С первой своей горной тропы я навсегда влюбилась в переплетающиеся под ногами корни огромных кедров, груды камней, покрытых лишайником, и беспринципное ощущение счастья от таёжной тишины и величия.

Давно мне хотелось путешествовать по Сибири и рассказывать о ней. Знаете, такая журналистская мечта. Но, как часто бывает, мешает то первое, то второе, то третье... Это лето было особенным и счастливым: нашла медиаплощадку для осуществления давней задумки и появилось свободное время для исследований, а главное — команда, с которой мы удачно и своевременно выиграли минувшим летом грант для сибирских поездок. И когда мы с подругой стали разрабатывать маршрут этих сибирских путешествий, то первой точкой на карте стал знаменитый горный хребет Ергаки — удивительный природный парк, который известен не только в России, но и во всём мире. Одно из моих любимых мест Сибири.

Ергаки как открытие

Ергаки расположены в Восточной Сибири, а точнее, в центральной части Западного Саяна, примерно посередине между Абаканом — столицей Хакасии и Кызылом — столицей Тувы. Этот знаменитый хребет — только часть горного массива Западных Саян, образовавшегося ещё в период Калидонской складчатости около 500 миллионов лет назад, с богатой историей и культурой.

В 1615 году в Западные Саяны приехали первые русские — царские — послы В. ТЮМЕНЕЦ и И. ПЕТРОВ, побывавшие с посольством в Тувинских землях и заодно оставившие записи с некоторыми географическими сведениями об этой земле. Но долгое время эти горы не привлекали внимания археологов, лишь с 1984 года в Западные Саяны стали приезжать учёные как из Сибири (Новосибирска, Томска, Красноярска), так и из центральной части России. Но как отмечают учёные, горная и таёжная части этого района почти не изучены.

На территории природного парка «Ергаки» когда-то жили первобытные люди. В 1995 году, во время экспедиции Института археологии РАН в Туву под руководством доктора исторических наук И.Л.КЫЗЛАСОВА, учёные обнаружили кремнёвые отщепы на берегу Ойского озера, а значит, есть вероятность, что в Западных Саянах древний человек организовывал свои стоянки. Об этом свидетельствуют и случайные археологические находки из камня, бронзы и железа.

Сегодня в Ергаки — самое сердце Западных Саян — ежегодно ходят сотни людей и, как в давние времена, разбивают в горах свои маленькие палаточные лагеря, готовят незамысловатую пищу и взбираются на вершины: кто в поиске отдыха от больших и многолюдных городов, кто в надежде найти для себя ответы на сложные внутренние вопросы, а кто — вдохновение. А красоту в Ергаках и искать не нужно, она в этих удивительных горах начинается с мощных и перепле-

тающихся корней деревьев в глубине земли и заканчивается утопающими в облаках горными пиками. Хотя, кажется, и эти границы условны.

Начало пути

Деревянный указатель «Экологическая тропа», находящийся рядом с трассой, обещает лёгкий путь и непринужденную ходьбу до нашей первой стоянки — озера Светлого (или иначе — Большое): впереди виднеется аккуратная дорога, выложенная брёвнами и строительными опилками. Но уже через сотню метров мягкая тропа сменится таёжным «бездорожьем» — размытой от дождей землёй, лужами, поваленными деревьями и каменными валунами. Мы, только что покинувшие комфортную цивилизацию, тяжело дышим и кричим, взбираясь даже на небольшие горки, часто делаем привалы. За плечами девушек — рюкзаки весом в двадцать килограммов, а у мужчин и вовсе все тридцать.

В Ергаки нас ведёт Сергей ПОПОВ — опытный турист, бывавший в этих горах не раз и знающий не только местные наземные камни — пики, вершины, перевалы — но и подводные. С ним в двухнедельное таёжное путешествие идут его жена, младшая дочь и мы — небольшая группа желторотых воодушевлённых молодых людей. Грамотный руководитель и готовая не только к красотам, но и к трудностям команда — одно из важнейших пунктов удачного похода, особенно горного: никогда не знаешь, какие трудности встретят за очередным перевалом.

Четвёртый час мы держим путь к озеру Светлому. Рюкзак начинает невыносимо давить на плечи, а ноги в мощных ботинках, кажется, и вовсе отказываются идти. Темнеет. Но вот ещё один небольшой подъём, и перед нами открывается тихая зеркальная гладь воды, находящаяся на высоте 1200 метров над уровнем моря и протянувшаяся с севера на юг почти на два километра, а с запада на восток на километр. Наконец, стоянка. Но все красоты одного из самых любимых туристами озёр — завтра.

— Как только приходим на место, сначала разбиваем лагерь и занимаемся костром и ужином, а потом — своими личными делами, — Сергей ещё до начала похода задал нам верную установку.

С радостью побросав тяжеленные рюкзаки и отжав насквозь мокрые футболки и майки, мы, как маленькие суетливые муравьи, начинаем обустриваться: позвякивают колышки от палаток, крышки от котлов и посуды, тихим шумом ворчит газовая горелка. Давно стемнело, и наши налобные фонарики растревожили таёжную темноту мелькающими

по кустам и траве «светодиодными зайчиками». Ужин сегодня без кулинарных изысков: лёгкий суп с приготовленными в городе сушёными овощами и чай с конфетами. Первая ложка дымящейся жидкости — и по телу разливается спасительное тепло, возвращая растроченные за первый подъём силы. Хорошо!..

На небе появляется россыпь из тысячи звезд, но сегодня и они пойдут: первый день пути и первый подъём на высоту — всегда простое испытание для нас, привыкших непринуждённо вышагивать по ровному асфальту в красивых и сухих ботинках, а в сумках носить разве что планшет и телефон.

Горное утро

Там, где начинаются узкие горные тропы Ергак, начинается пространство тишины, умиротворения и дикой таёжной красоты. Всё это сложно передать даже самым профессиональным снимком и самым точно подобранным эпитетом.

С первым солнцем я босиком спускаюсь к озеру Светлому, чувствуя ещё не успевшими огрубеть

Вместе с этим первым горным пейзажем на десятки километров заканчивается власть Интернета, делового города и суетливой коммуникации, а в голове невольно звучит пушкинское «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Я зачерпываю ладонями озёрной воды — лицо обжигает ледяным прикосновением. Радость! Нигде не найти такой чистой и сладковатой на вкус воды, как в горах, и, кажется, ей невозможно напиться. Голова наполняется приятной пустотой, а весь ты — тихим восторгом.

Вверх!

— Марина, принеси, пожалуйста, ещё лейкопластырь и бинт!

Мы дружно заклеиваем многочисленные мозоли на ногах, появившиеся от грубых сырых ботинок и продолжительной ходьбы. «Починить» мазольные ноги и правильно зашнуровать походные берцы — важный ритуал перед долгим восхождением: сегодня мы поднимаемся на пик Динозавр высотой 2221 метр над уровнем моря.

За плечами только небольшие рюкзаки с орехами и курагой, фотоаппаратами и дождевиками, но идти всё равно тяжело: слабые мышцы ног ещё не успели привыкнуть к таёжным тропам. На первой возвышенности нам открывается озеро Золотарное — небольшое, тёмно-бирюзовое, но действительно отливающее у самой кромки воды золотистым цветом. Спустившись к нему, мы оказываемся на неприятной болотистой тропе: ботинки то и дело утопают в коричневой вязкой жиже, а на отдельных участках приходится прыгать по кочкам, чтобы окончательно не замочить ноги. Впереди ждёт крутая тропа на перевал Зелёный, мы делаем небольшую остановку и снова — вверх, вверх...

Всю дорогу на пути к заветному пику Динозавр нас то и дело окружает большое молочное облако,

ступнями прохладную влагу земли и прорастающие в её недрах корни деревьев. Тёмно-синее озеро окаймлено густым кедрово-еловым лесом, взбирающимся на покатые горы, над которыми возвышаются два величественных пика — Птица и Звёздный — одни из достопримечательностей природного парка. Пик Птица — крайняя вершина одного из центральных хребтов Ергак, очертания этой горы выглядят как мощные крылья, которыми грозная птица защищает свой выводок. А пик Звёздный, высотой в 2265 метров, является самой высокой вершиной Ергак, и некоторые из его склонов довольно трудны для подъёма.

закрывая собой горные красоты и оставляя вокруг только туманное безмолвие. Боимся не увидеть широкую панораму, которая должна открыться с самой вершины. Но, к счастью, погода в Ергаках очень переменчива: на короткие пятнадцать минут ветер разгоняет облака, чтобы мы, дойдя, наконец, до непростой вершины, увидели громады прекрасных и смиренных каменных глыб, растянувшихся на километры и километры вокруг...

Удивительно, но всё в Ергаках как будто дышит, живёт своей внутренней жизнью, даже громадные серые камни, на первый взгляд равнодушные и холодные. Поэтому об этих таинственных горах сложено немало

легенд и преданий, а многие вершины, скалы, пики как бы одушевлены человеком в процессе освоения древнего хребта.

Легенда

Ергаки, открывающиеся фантастической панорамой со многих перевалов и пиков — в том числе и с Динозавра, — выглядят величественным и самобытным каменным городом, в котором от вершины к вершине тянутся древние истории.

Название «Ергаки», по одной из версий лингвистов, связано с тувинским словом «эргек» («улуг-эргек»), что означает «большой палец». В легенде, которую так приятно и волнительно рассказывать у потрескивающего ночного костра после трудного восхождения, говорится, что давным-давно, в заснеженных и суровых горах Сибири боги спрятали от людей волшебный источник знания и силы. Сторожили его два брата-великана: Саян и Янгул. Похожие внешне, богатые были очень разными по характеру: Саян — добрым и работающим, а Янгул — завистливым, злым и ленивым. И мечтал последний победить брата в битве и возвеличиться. Но силы великанов были равны, и после каждого сражения добрый Саян приветливо хлопал Янгула по плечу, а завистливый брат всё больше наполнялся ненавистью и жадной властью. Однажды Янгул не выдержал и, испив воды из волшебного источника, произнес: «Хочу быть великим и сильным!». Приятная тяжесть наполнила его тело. «Ещё! Ещё!», — с жадностью кричал Янгул, чувствуя, как крепнут мышцы и как он поднимается выше гор, к облакам. Волна гордости так захлестнула великана, что земля не выдержала его сильного тела и стала проваливаться под властолюбивым братом. Янгул медленно погружался под землю, тщетно пытаясь ухватиться мускулистыми руками за её подвижные края, но выбраться на поверхность так и не смог. Видны остались лишь огромные растопыренные пальцы горделивого брата — Ергаки. А добрый Саян, по легенде, до сих пор безмятежно живёт в этих горах — спит и стережёт нерадивого брата, скрестив руки на груди и охраняя древний источник силы.

Мифология Ергак самобытна и разнообразна. Например, массив Спящий Саян — одна из главных достопримечательностей Ергак, которую можно увидеть даже с трассы. Огромный каменный человек, лежащий на спине, выглядит действительно таинственно и мощно: ниспадающие длинные волосы Саяна как будто глубоко уходят в землю, благородные черты лица словно застыли в каменном сне, а руки спокойно сложены на широкой груди... Невольно и пове-ришь легенде.

Хозяин

Костёр после вечера трудного дня догорал. Угли томились плотным красным свечением, сохраняя непостижимую тайну огня. Из-за облачности было не видно звёзд, и мы, усталые, но счастливые после десятичасового блуждания по горам, разбрелись по палаткам: натягивать носки потеплее и закутываться с головой в пахнущие дымом и таёжной сыростью спальники.

Ощутив первое тепло туристического «одеяла», стали смеяться над забавными вариантами названий такого незаменимого в походе предмета как хоба — небольшого куска пенки

с застёжкой, который надевают на самую мягкую часть тела, чтобы в лесу было удобнее сидеть.

— Слушайте, я не понимаю, что вы всё время называете хобой?

— Ну этот, как его... пендель!

— А, это который ещё и «сидушка»?

— А мы просто «пенка» говорим...

И в этот момент по спине пробежал первый холодок: в соседней красной палатке, расположенной в ста метрах от нас, послышалось громкое и протяжное «ааааа!» и резкий стук металлических предметов — чашек? ложек? кружек?

— Вы это слышите, да?

Какие-то обрывки невнятных догадок зазвучали в темноте маленькой палатки, прежде чем кто-то из нас решился сказать вслух: «Кажется, это медведь». Пытаться описать холодное оцепенение и моментально охватывающий каждую клеточку тела страх — занятие невыполнимое. Я сразу вспомнила, как во время археологической экспедиции на Ангаре одна из сотрудниц, которой приходилось встречаться с медведем, говорила, что когда зверь рядом, этого невозможно не ощутить: тебя охватывает безотчётный страх и инстинктивное предчувствие врага.

После первых тревожных криков и стуков прошло минут десять. Мы, хватаясь за спасительную для человеческого разума, но очевидно наивную для таёжной реальности аргументацию, придумывали: а может, у соседней палатки праздник, они распивают вино и радуются? А может, это йоги совершают свои упражнения? Но страх, как плотный водолазный костюм, уже прилепился к нам, к тому же крики и металлический посудный шум начались снова.

Что делать? Куда бежать? Мы замерли в невыносимом ожидании, боясь что-то произнести или предпринять. Колотило. Разум отступал, вежливо уступая воображению. Голова наполнялась не стратегиями, но образами, которые делали её горячее и мутной. Вспышкой перед глазами мелькнул образ последней фотогра-

фии японского фотографа-натуралиста Мичио ХОШИНО: разъярённый медведь, заглядывающий к фотографу в палатку. В 1996 году Хошино снимал медведей на Камчатке и, услышав знакомое грузное сопение, находясь внутри своего ненадёжного жилища, успел сделать последний кадр, прежде чем зверь растерзал его.

Боясь даже отзвука собственного дыхания, я стала вслушиваться в густую тишину леса: не хрустнет ли ветка под тяжёлой лапой, не донесётся ли поблизости шумное сопение...

Отпугивающие медведя крики и шум из соседней одиноко стоящей палатки донеслись ещё четыре раза. Сколько мы лежали в своём матерчатом доме, то замирая при звуке человеческого голоса, то погружаясь в холодное ожидание медвежьей поступи, сказать трудно: время заканчивается там, где начинается древний нутряной страх. Я стала читать молитву, повторяя её снова и снова, как колыбельную. И пока слова убавляли оцепеневший разум, а тело расслаблялось и незаметно погружалось в сон, дикий зверь тихо уходил вглубь леса по мягкому мху и узкой человеческой тропе, в свою таёжную колыбель...

— Представляете, всё растительное мало съел, а гущёнку не тронул!

Утром соседка из красной палатки делилась ночными новостями: медведь много раз пытался обнюхать их палатку в надежде на ужин, но всё-таки, испугавшись крика и шума, лишь распотрошил стоящий у кедра рюкзак с едой.

К вечеру наш рюкзак с провиантом был подвешен к кедру ещё выше, чем прежде, а мы прихватили с собой в палатки чашки и ложки. Стоя вечером у костра, я вспоминала роман Джека ЛОНДОНА «Зов предков» и ощущала спасительную силу огня, о которой говорил в книге любимый писатель. Но к часу ночи беседы закончились, глаза стали слипаться, и мы, бросив последний дрожащий свет фонариков в сторону густых кедров, снова пошли по палаткам.

Вскоре в направлении леса громко залаяла собака, пришедшая в тот день с другими туристами. Знакомый холодок вернулся... Большой рыжий пёс долго гнал сторожевым лаем зверя в лес, а мы вторую ночь засыпали в страхе, мысленно благодаря храбрую собаку.

Утром мы свернули наш лагерь и вышли в направлении Безрыбных озёр. На человеческой тропе были медвежьи следы.

Бурый медведь в Ергаках действительно настоящий хозяин. Не просто самый распространённый символ Сибири, а реальный и очень опасный хищник, с которым лучше не встречаться.

Горы как университет

В середине похода нас догнали тяжёлые и неприятные дожди — в Ергаках господствует континентальный климат, и погода может быть очень переменчива, особенно в августе. Отсыревшие палатки, ежедневная сушка одежды и ботинок у огня, размокшие тропы, скользкие трава и камни, спрятанные в облаках красивые вершины... Поход в горы — это своего рода университет, где есть свои условия жизни, которые не стоит игнорировать и на которые бесполезно сетовать: или человек принимает таёжные правила игры и смиряется, или — начинает унывать, и тогда путешествие становится испорченным.

В дни, когда приходилось отсиживаться в лагере (на некоторые перевалы в дождь идти очень опасно), мы надевали дождевики и собирались у спасительного огня: петь песни и жарить ещё молодые шишки, беседовать о разном и печь нехитрые походные олады. Нам очень повезло с нашим провожатым, Сергеем. Каждое утро, когда из палатки, по которой звонко барабанил дождь, даже не хотелось высовывать носа, он встречал нас доброй спокойной улыбкой, в которой читалась уверенность опытного походника: тучи обязательно рассеются. А когда промокшие, но уже успевшие взбодриться дежурные снимали с огня дымящийся котелок овсяной каши с черникой, то жизнь и вовсе становилась прекрасной.

Самое главное

Ергаки — это удивительная сила. Не мистическая, не шаманская, а в первую очередь — природная. Эту силу чувствуешь невольно. Ощуаешь, как неустойчивы и слабы ноги по сравнению с вросшими в землю подножьями гор — не оступиться бы. Осознаешь, как ты мал, задирая голову в попытке увидеть вершины разлапистых кедров и сосен. Понимаешь, как ты уязвим в этой бесконечной тайге со своим тяжёлым рюкзаком и необходимым для выживания походным скарбом.

— Зачем?

Этот вопрос многие задают всякий раз, когда я воодушевлённо начинаю собирать уже изрядно потрёпанный рюкзак. Отвечаю: «Отдохнуть», — и банальность этой версии моментально режет слух. Говорю: «За красотами», — но и этот ответ кажется куцым. Наверное, потому что горы и тайга — это не слова, это что-то другое, древнее и сильное. Вы и сами это почувствуете, когда однажды окажетесь в Ергаках, вспомните этот длинный текст и улыбнётесь, заметив, что самого главного про них я вам так и не смогла рассказать.

Анна ГРУЗДЕВА
Фото Ивана ЗУЙКОВА

Экспедиция, велосипед и педагогика,

или Чужие морфемы

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого

Слово *экспедиция* даёт повод поговорить об аффиксах — частях слова, или морфемах, которые прибавляют к корню, чтобы образовать новое слово. Аффиксы русский человек видит в структуре слова хотя бы потому, что это важно для орфографии. В принципе аффикс пишется одинаково, независимо от того, как он звучит в конкретной форме конкретного слова — поэтому его надо уметь узнавать. Суффиксы требуют орфографического внимания: *огурЧИК* и *сыноЧЕК* — два суффикса, хотя звучат неразличимо. В словах *подтолкнуть* и *подбросить* — одна приставка, значит, и пишем одинаково, хотя в первом слове последний звук приставки чётко слышим как Т. Правда, приставки, в конце которых звук З, пишутся как раз как слышим, но и их надо узнавать: *Изменить*, но *Исследовать*. Короче, даже не очень отдавая себе в том отчёта, русские люди разбираются в аффиксах. Более того, мы как-то не любим слова, в которых не видно морфем: *алиби* какое-нибудь или *эссе* — так и хочется в них увидеть хотя бы окончание, но нет — неизменяемость этих слов исключает такую возможность.

Морфемы описаны лингвистами, как и слова, в словарях. Если мы возьмём «Словарь морфем русского языка» А.И. КУЗНЕЦОВОЙ и Т.Ф. ЕФРЕМОВОЙ (М., 1986), то прочитаем, что 52 тысячи слов, представленные в словаре, построены из 5 тысяч морфем: 4400 корней, 500 суффиксов и 70 приставок. И речь идёт только о русских морфемах. Казалось бы, солидный запас. Но его недостаточно языку, и из других языков наряду со словами заимствуются морфемы. И не только корневые, что более ожидаемо, но и суффиксы с приставками.

Вот слово *экспедиция*, которое родом из латыни, питавшей все европейские языки. В нём не сразу увидишь латинскую приставку *экс-*, но если прочитать толкование слова в словаре В.И. ДАЛЯ «отправка кого в даль...», то могут зародиться подозрения, что значение этой приставки «движение из». Эта наша гипотеза

В ответ на вопрос «самая известная экспедиция» очень многие отвечают — открытие Колумбом Америки

подтверждается, если подумать над словом *экскурсии*. В.И. Даль его объясняет, как «проходка, прогулка, выход на поиск чего»; современные словари — «поездка куда-то». Ещё больше можно в этом убедиться, проанализировав слово *экспорт*, тем более что существует его антоним *импорт*: их значения понятны — вы-воз и в-воз. Итак, хотя мы заимствуем латинские слова целиком, так как их много и они соотносятся друг с другом, мы начинаем понимать их внутреннее устройство, а значит, видеть их морфемы, в частности, приставку *экс-*, о которой ведём речь. И тем лучше мы её видим, чем больше у нас таких слов. В словаре В.И. Даля их всего 13, а современные словари дают больше 60. Тут надо учитывать, что словарь Даля — гнездовой, в одной статье описываются все производные, а теперь каждое слово удостаивается своей статьи. Но и при этом рост таких слов очевиден.

О том, что во времена создания словаря Даля (а это середина XIX века!) эти слова не были освоены русским языком, говорят попутные замечания лексикографа. Так, объясняя слово *эксплуатация* как «нележание чего впусте, извлечение из чего промышленных выгод, доходов», В.И. Даль более мелким шрифтом

пишет: «слово крайне неуклюжее», а далее — «Не лучше того глагол *эксплуатировать*». А революционерам в начале прошлого века эти слова пригодились: они призывали рабочих и крестьян бороться с эксплуатацией и эксплуататорами и, как мы знаем, преуспели.

Кстати, интересующая нас латинская приставка прижилась большевикам и в призыве «экспроприировать экспроприаторов», который, впрочем, быстро перевели на русский как «грабь награбленное». В самом деле, *экспроприация* толкуется в современных словарях как «изъятие собственности», и мы узнаём приставку *экс-* как эквивалент приставки *из-*. Самое убедительное свидетельство значения приставки — пары слов, в которых одно латинское с интересующей нас приставкой, а другое русское — с приставкой *вы-*: *экспорт* / *вывоз*, *экспозиция* / *выставка*.

Интересно, что эта приставка обзавелась ещё одним значением — «бывший». Это типичное для разных языков переосмысление социального как пространственного. И в русском языке, когда говорят *вы-шел в от-ставку*, *вы-был*, *у-шёл с работы*. В этом социальном значении приставка мыслится как более свободная и потому пишется через дефис.

В последнем из орфографических словарей Института русского языка РАН таких слов больше двух десятков: здесь и должности (*экс-вице-мэр*, *экс-президент*), и социальные статусы (*экс-чемпион*, *экс-супруг*), и даже государства (*экс-ГДР*).

Возвращаясь к *экспедиции*, которая пришла к нам в начале XVIII века скорее всего из голландского и обозначала походы с военными и научными целями, а также поручения, требующие отправки куда-то, то в ней, кроме приставки, можно увидеть и латинский корень *ped-*, что значит «нога». И это понятно: римляне если куда отправлялись, то исключительно на своих двоих, так сказать, *делали ноги*. Позднее пешая семантика нейтрализовалась, и в экспедиции отправляются на самых разных видах транспорта, чаще всего туда, куда «только самолётом можно долететь».

А корень *ped-* в нашем лексиконе объединяет *экспедицию* с *велосипедом*, словом довольно поздним, искусственным, сооружённым из латинских корней *velox* (быстрый) *ped-* (нога); по-русски говоря, «быстроног», что совершенно понятно: скорость этого транспорта создаётся ногами. Этот же корень видим и в слове *педаль*, которую можно найти не только в велосипеде, но всегда на неё нажимает нога. И в новом для нашей культуры слове *педикюр* — французском, но состоящем из латинских корней, означающих *нога* и *забота* (куратор — однокоренное слово).

Но не подумайте, что тот же корень мы видим в словах *педагог*, *педиастр* или *педант*! Это греческий корень *paidos*, значение которого равно нашему слову *дитя*. В русском языке эти корни из разных языков совпали в звучании и написании.

Какие же мысли о нашем лексиконе позволяет сформулировать наша *экспедиция* по поводу слова *экспедиция*? Принимая в свой словарь чужие слова, мы научаемся и новым морфемам, которые помогают нам чужие слова понимать лучше и расширять свой запас морфем. Когда все учили в гимназиях латинский и греческий, им это было проще простого, а нам надо совершать особые лингвистические экспедиции, чтобы словарь интеллигента был более осмысленным и прозрачным.

ăĕăçàîĕ ñîâďăîăííĕĕă

Огонь, вода и медные камни

(Окончание. Начало на стр. 6-7)

Забирали нас с Сухой Тунгуски тоже вертолётom. Чтобы лучше разглядели лагерь, сделали мы флаг: прикрепили на жердину мою оранжевую сетку из антикомариного костюма. Она крупноячеистая и надевалась вниз, а поверх неё — тонкая типа капроновой: комар капрон прокусит, но из-за толщины ниток нижней сетки его жало до кожи не достает.

Мужики прилетели за нами неожиданно. В спешке мы закинули в вертолёт лодку, даже не сдувая — и забыли сетку. Очень я жалел потом, в те времена такие штуки купить было невозможно, подарок...

— А ещё дальше на Севере тоже бывали?

— В Норильске. В 20 километрах от города там стоит мёртвый лес. Стоит, не падает, тундра с сухими лиственницами. Восстановить там прежнюю растительность невозможно. Мы пытаемся смотреть, быть может, следует снять моховой покров до какого-то уровня и попытаться посеять семена. Это страшные леса. Вообще в Норильске в основном ра-

ботают лесоводы, физиологи, биохимики леса — уже несколько лет, а энтомологов небольшая группа. Мы наблюдали там, как ушибается тундра и лесотундра. Сейчас ситуация с выбросами слегка улучшилась, хотя их всё равно много. Интересно проверить, идёт ли расширение мёртвой зоны, но заказчик исследований нас туда не пускает, мол, разбирайтесь, можно ли восстановить это или нет. Пока всё, что сажали, не прижилось.

В моей работе в Институте леса был большой перерыв — 17 лет я прожил в Италии, куда попал по научному гранту в 1993 году. Кроме работы в Падуанском университете несколько лет занимался энтомологическими исследованиями во Франции. Там, конечно, совершенно иные леса, и это тема для другого разговора.

После 17 лет, проведённых в Европе, возвращение в родные края и леса не может оцениваться однозначно, типа «вот и дома!». У меня остались очень тёплые воспоминания о странах, где мне удалось

плодотворно поработать и пообщаться с хорошими и интересными людьми. Последние 6 лет в Италии я вообще работал в Лесной службе провинции Падуа, и полученный опыт позволяет несколько по-иному рассматривать наши здешние достижения и применяемые методы, взглянуть на сибирскую тайгу по-новому...

В Красноярск я вернулся пять лет назад, уже по возвращении были экспедиции в Норильск, Енисейск, Хакасию и Туву на границе с Монголией... Бывал и в «родных» лесах рядом с Юсеевым. Изменилось ли что-нибудь там? Да, в худшую сторону. За лесом сейчас смотрят очень плохо. Видел, как даже в приречных участках после вырубок ничего не чистят. И стоит заваленный лес, поросший папоротником.

А может, как говорят, просто нельзя возвращаться туда, где ты был счастлив когда-то?

Татьяна АЛЁШИНА

Золотая карта Алексея Ладынина

Когда Алексея Анатольевича ЛАДЫНИНА спрашивают, где его родина, он не прочь пошутить: «Я из сибирской ссылки!». Так получилось, что родовой деревни Мензот, вблизи Шушенского, уже и на карте-то нет. Но Сибирь осталась, и без малого 40 лет он ей служит, хотя выпускникам-геологам Красноярского института цветных металлов и золота в начале 70-х годов при распределении было из чего выбирать. Профессия высоко котирировалась, и молодые специалисты очень быстро получали квартиры и обзаводились семьями.

— После окончания института, я уехал по распределению в Среднюю Азию, в Ташкент, на предприятие «Союзкварцсамоцветы», занимавшееся нерудным сырьём. Получил там квартиру, отработал положенный срок и сразу рванул обратно, в Красноярск, — рассказывает Алексей Анатольевич. — Ташкент — замечательный город, но меня всё время тянуло в Сибирь. Без проблем устроился в геохимическую партию. Прошёл путь от геолога до старшего геолога и начальника геохимической партии предприятия «Красноярскгеология».

— Вам 63 года, а до сих пор ходите в экспедиции. Далеко не каждый может выдержать такой неспокойный образ жизни...

— Мне кажется, всё заложено в человеке с детства. Саяно-Шушенской ГЭС ещё не было и в помине, а мы, будучи школьниками, совершали походы в этом районе, и на Кантегире бывали. Мне уже тогда казалось: запах тайги, горящего костра — что может быть ароматнее, вкуснее? Заканчивал десятый класс и уже точно знал, куда буду поступать.

Кабинет Ладынина напоминает музей: по стенам — фотографии участников экспедиций, пейзажи маслом, графика на бересте, грамоты, карты. На видном месте узловатая палка, похожая на оружие древнего человека.

— Это воспитательная дубина! — перехватывает мой вопросительный взгляд патриарх геологии. — Нарост на осине. Привёз я трофей из леса давным-давно и теперь всех им пугаю.

— Кстати, о дисциплине. Трудно, наверное, управлять коллективом в отрыве от «большой земли»?

— Работа геолога сезонная, коллективно-экстремальная... Всё лето и начало осени приходится жить в походных условиях где-нибудь в тайге, в поле. Иногда люди просто не вписываются в коллектив, приходится разруливать конфликты... До сих пор болью в сердце отзывается один нелепый случай. На территории лагеря водитель оставил ключи в машине, а пьяный рабочий сел за руль, завёл мотор и проехал через палатку, где спал геолог. Пострадавшего санрейсом отравили в Красноярск, и он к счастью выжил и даже не стал инвалидом, но с тех пор у меня в партии — строжайший сухой закон.

— Моряки говорят: «Женщина на корабле — плохая примета», а у геологов нет подобных суеверий?

— Что вы, как в экспедиции без женщин? С нами часто ездят сту-

дентки, и этим летом в партии работали девушки-геологи. Приходится, конечно, уделять им повышенное внимание. Обязательно помогаем и палатку поставить, и нары сделать, и баню соорудить. Женщины поддерживают нас, оладушками балуют...

Помню, однажды мучительно долго, через пороги, тащили мы лодки вверх по Большому Питу. Там перекасты жуткие. Втроём, а то и вчетвером одну лодку тянули, а потом возвращались за следующей. И так трое суток! Женщины всё это время были с нами, они шли по берегу и обеспечивали нам костёр и горячий обед. Подбадривали добрым словом, не давали раскиснуть...

— Да у вас и жена в прошлом геолог...

— Верно. Только одна страшная история круто поменяла её интерес к экспедициям, а то бы до сих пор, наверное, бродила со мной по тайге.

А дело было так. Забросили нас вертолётom на Енисейский кряж, на берег Лендахи (приток Большого Пита). Выдался свободный час, и мы с рабочим ушли на рыбалку, а жена осталась возле палатки кашеварить. Вдруг слышу — выстрелы (нам давали наганы для безопасности). У меня было с собой ружьё. Бегу скорее к палатке и слышу: «Алёша!!!». Потом она рассказала, что когда вышла из палатки, то увидела, как по поляне на лагерь идёт медведь. Она скорее в лодку и — на другой берег.

— Правильно сделала?

— Вообще-то лучше огонь разводить, потому что бурый за секунду мог ту неширокую речку переплыть. Но она растерялась. Мы подождали немного, вроде не видно зверя. Я выстрелил несколько раз в воздух на всякий случай. Через полчаса вдруг где-то недалеко снова рявкнул медведь. Вечером того же дня смотрю: а по поляне опять идёт к лагерю наш старый знакомый. Это были его угоды, он там черемшу ел, остатки какой-то дичи. Так косолапый выгнал нас со своей территории.

— Уступили?

— Не имели права. Работу на участке ещё не закончили. Я три раза стрелял вверх из ружья, а он хоть бы что: поднялся на задние лапы — громада такая! Опустился и снова идёт. Единственное, что его отпугнуло — выстрел из ракетницы, они боятся огня. После этого случая моя супруга не оставалась одна в лагере ни на минуту и по возвращении домой про экспедиции забыла начисто, занялась детьми.

— Чему вы сегодня учите молодёжь?

— Всеуму! Даже кулинарному искусству. Хотя в лагере, как правило, есть повар, но бывают ситуации, когда на кухне приходится дежурить по очереди. Поэтому все геологи должны уметь готовить. Я и сам освоил разные блюда: от супа до плова и мака-

рон с компотом (смеётся). Однажды за нами вовремя не прилетел вертолёт, и еды оставалось всего ничего. Пришлось делить последние сухари, крошить салат из кипрея и заваривать из него чай.

Когда посуды не хватает, могу смастерить туески из берёсты. Каждого новичка надо научить правильно шест подбирать и вёсла для лодки. Свой опыт им передаю на рыбалке и на охоте. Правда, последнее время охотиться перестал, даже рябчика убить рука не поднимается. Что-то в тайге совсем мало дичи стало ...

— А свои первые геологические маршруты помните?

— Такое разве забудешь? Начиная с первого курса мы практикантами ездили на Ангара. Вот сейчас на Амуре наводнение, а тогда из-за долгих проливных дождей река Сухой Пит вышла из берегов. В месте, где мы стояли лагерем, образовалось сплошное море... Ночью выбежали из палаток, второпях бросаем на стеллажи вещи, продукты, сами по пояс в воде, а на наших глазах из палатки выплывает ящик сайры. Выловили — и на крутой берег скорей. Через неделю вода отступила, и мы спустились на прежнее место.

Молодым было всё по плечу: маршруты в Забайкалье, сплавы по Енисею в составе дешифровочных партий. Моя задача состояла в том, чтобы ходить за геологом и считать шаги. Прошли 300-400-500 шагов, потом остановка, копаешь землю на штык лопаты, смотришь состав породы. Попадался гранит, обломки кварца... Потом я начал заниматься геохимией: ходишь с планшетом, оцениваешь площадь, берёшь пробы с рыхлого слоя почв, со дна рек... Тысячи проб почвы! А что там, под ней — анализируют в лаборатории. Скажем, если на глубине находится руда, то в почве — повышенное содержание свинца, меди, цинка, золота.

— Что это за карта у вас на стене, вся в оранжево-жёлтых разводах?

— Я многие годы занимался поисками золота. Это карта северной части Енисейского кряжа — результат 14-летней работы нашей геохимической партии. Территория исследована на золото и другие полезные ископаемые. Так вот, чтобы оценить один из старейших золоторудных районов края, мы проплыли десятки рек. На карте, как на ладони, вся информация об аномалии (это повышенное содержание золота, — прим. автора).

Прорисованы каналы, цветом указано, где больше концентрация, а где меньше; отчетливо виден центральный золотоносный пояс. К сожалению, зачастую аномалий больше, чем месторождений, хотя в настоящее время ведётся разведка под аномалией в Северо-Енисейском районе, которую мы в своё время выявили и ласково назвали Олёнкой.

— Алексей Анатольевич, оправдались ли ваши мечты, не жалеете, что в своё время стали геологом?

— Я свою программу выполнил! Сожалею только об одном: после распада Союза мы многое потеряли. Раньше объединение Красноярскгеология насчитывало 8 экспедиций и около 12 тысяч работников, а сейчас — 4 экспедиции, а специалистов едва ли наберётся 3 тысячи... Масштабно и систематически работа уже не ведётся. Сегодня мы пользуемся результатами исследований, проведённых геологами Советского Союза: в Северо-Енисейском районе продолжают осваивать Олимпиаду — одно из самых крупных и сложных по горнотехническим условиям месторождений золота в мире; Горевское полиметаллическое месторождение и ряд других. Сейчас, мне кажется, профессия уже не пользуется былой славой, уважением, остаются в ней только фанаты.

— И напоследок: ходят слухи, что вы — близкий родственник легенды советского кино, народной артистки СССР Марины ЛАДЫНИНОЙ...

— Марина Алексеевна и мой отец — родные брат и сестра. В прошлом году, к её 100-летию, в Назарове установили памятник, и я вместе с другими братьями присутствовал на церемонии. Так много трогательных отзывов прозвучало! Кстати, дочь сына моего родного брата похожа на свою знаменитую прабабушку как две капли воды, если бы назвали Мариной, была бы полной тёзкой. Но называли Полиной.

— Где же на самом деле родилась Марина Ладынина? Почему некоторые источники указывают, что в Смоленской области?

— Родилась она недалеко от Назарова, в деревне Борсук (её уже тоже нет на карте). В Ачинске окончила школу с педагогическим уклоном. Работала какое-то время учителем, как и мой отец, а потом уехала в Москву и поступила в ГИТИС. Бывая в столице, я несколько раз гостил у неё. Потом мы встречались, когда она приезжала в Красноярск вместе с Крючковым. В своём семейном архиве бережно храним всё, что с ней связано: вырезки из газет и журналов, кассеты с фильмами, фотографии. Думаю, сила характера и верность своей мечте — это у нас наследственное...

Виктория КУЗНЕЦОВА

За прекрасным на восток

Одна из форм любви к про-
странству — кстати, имен-
но так звучит тема нынешней
Красноярской биеннале! —
должна выражаться в тяге
к перемещению. Поэтому
даже если вы (как и я, увы)
не совершили этим летом
паломничества в какую-
нибудь цивилизационную
мекку, есть смысл про-
думать маршрут будущих
культурных приключений.

Ни для кого не станет открытием, если сказать, что прекрасное следует искать в Лувре или Прадо. Даже и более молодыми арт-пространствами — вроде Тейт-модерн или Центра Жоржа Помпиду — никого не удивить. В то же время статистика вопиет о том, что краснорядцы осваивают, преимущественно, путешествия в восточном направлении: Таиланд, Китай, Арабские Эмираты, Индия, Вьетнам... А какие художественные интересности можно обнаружить на востоке? Этот вопрос имеет весьма неочевидные ответы, так что план азиатского арт-путешествия может быть актуален. Тем более что современное искусство Востока приобретает всё большую популярность в мире — вспомнить хотя бы имена Ай Вэйвэй, Яёи Кусамы, Цай Гоцяна, Аниш Капур, Субодх Гупта и другие.

Китай

Современное китайское искусство сегодня — одно из самых востребованных. В первую очередь, благодаря своему революционному настрою выражающемуся, например, в творчестве Ай Вэйвэя, без произведений которого не обходится ни один музей современного искусства или крупное художественное событие. А ещё благодаря эффектным технологиям — фигурным фейерверкам Цай Гоцяна и тому подобному. Любителям современного искусства и культуры, посещающим Китай, рекомендуют отправляться в Пекин и в Шанхай. Там появляются целые новые культурные районы. В Пекине и Шанхае можно увидеть выставки ведущих китайских художников — Ю Миньцзюна, Чжан Сяогана, Ван Гуаньшань, Фан Лизина, Фэн Чжэнцзя ...

Так, в Пекине ареалом концентрации искусства является 798-й район. В 2007 году бельгийскими коллекционерами бароном Ги Улленсом и его супругой Мириам здесь был открыт Центр современного искусства. Основу музея составило их собрание китайского искусства 1980-х годов — поколения первых революционных китайских художников. Помещение Центра построено в стиле баухауза в здании бывшей фабрики (архитектор Жан Мишель Вильмотт участвовал и в преобразлении московской фабрики «Красный Октябрь» в культурный центр). Миссия Центра подобна миссии многих восточноазиатских музеев — сближение восточного и европейского искусств. Сегодня здесь можно увидеть порядка двух тысяч произведений в разных жанрах — живопись, инсталляции, фото, видео и др.

Но, возможно, скоро музей прекратит своё существование: после того, как Уллесу запретили проводить выставку опального в Китае художника Ай Вэйвэя, он решил распродать своё собрание и переехать в

Непал, где планирует коллекционировать на этот раз произведения Индии. Зато это должно стимулировать любителей современного искусства со всего мира поскорей посетить данное культурное пространство!

Более крупным центром современного искусства в Китае выступает Шанхай. Наибольшее число институций, имеющих отношение к искусству, здесь концентрируется в районе M50.

произведение архитектурного искусства. Выставки актуальных китайских художников проходят также в павильоне «Экспо 2010», архитектурные формы которого навеяны образом традиционной китайской пагоды, только в перевёрнутом виде.

Особенной областью развития китайского и восточноазиатского искусства в целом выступает Гонконг — новый центр арт-мира, куда съезжаются все галеристы, дилеры, кура-

невозможны в иных музеях. Например, фестиваль надувных скульптур, где были представлены самые разные фигуры: и чёрный кинетический лотос корейского художника Цой Джонг-Хва (кстати, знакомого красноярцам по его красному аналогу, представленному на АТР-фестивале), и скульптура знаменитого американского Пола МакКарти, и надувной аналог Стоунхенджа Джереми Деллера, и огромная свинья, по надувным внутренностям которой (анатомически точно расположенным) могли путешествовать зрители. Скульптуры, представленные на фестивале, уж слишком напоминают современные рекламные образы по типу тех, что встречают красноярцев у входа в кинотеатр «Луч», и тут возникает много вопросов о том, что искусством является, а что нет. Но, как отмечает одна из лидирующих кураторов Японии Юко Хасегава, азиатское искусство и отличается от европейского тем, что более открыто к сближению массового и элитарного, развлекательного и интеллектуального.

Таиланд

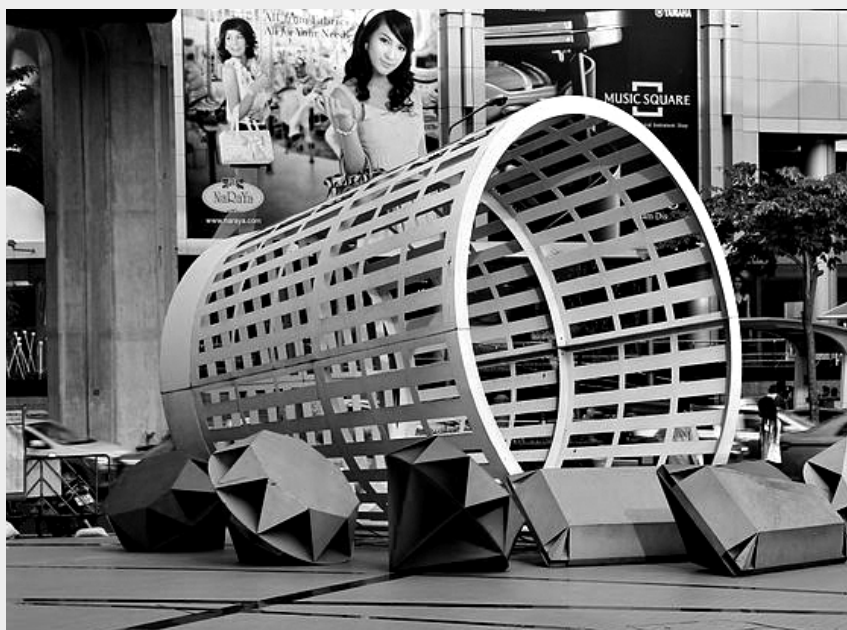
Отдых в Таиланде прочно вошёл в повседневную жизнь красноярцев. Помимо моря, солнца и дружелюбных улыбок там также можно обнаружить немного современного искусства — в частности, в Бангкокском художественном центре культуры и искусства. Центр был основан в 2000 году, но построен лишь в 2008-м — в промежутке его строительство было приостановлено из-за коррупции. Центр побоялись громко именовать музеем современного искусства, так как большую часть коллекции представляет тайское традиционное искусство, но слишком известное современному зрителю. Но всё же центр специализируется на выставках современного искусства. Например, здесь можно встретить мистические видео-арт-работы местного режиссёра Апичатпонга Вирасетакула, который принёс мировую известность тайскому кино, получив награду Каннского кинофестиваля 2010 года.

Арабские Эмираты

Не менее популярное направление для путешествий у сибириков — Арабские Эмираты, где полным ходом идёт строительство не только небоскрёбов, но и музеев с культурными центрами.

Арабские Эмираты закупают огромные коллекции западного современного искусства (так как с местными талантами ситуация обстоит не так просто) и выстраивают архитектурные шедевры для презентации коллекций в Абу-Даби, Дубаи и других городах.

Особенную известность на карте Арабских Эмиратов приобрёл небольшой город Шардж, в котором проводят биеннале современного искусства. Развитием биеннале долгое время занимался европейский куратор, который был уволен после того, как представил на биеннале работу о бесправности исламских женщин,

- ↑ Банковский художественный центр
- ↑ Выставочные залы-дворы в Шардже
- Музей современного искусства в Токио
- ↓ На фестивале надувных скульптур

В национальном художественном музее до 2012 года традиционно проводилась биеннале современного искусства. Последняя биеннале прошла уже в новом помещении — опять-таки на перестроенной фабрике, которая получила название «Электростанция искусства» и претендует теперь на звание Шанхайского музея современного искусства в Шанхае. При этом такой музей здесь уже существует, его здание представляет собой отдельное

торы и арт-критики, так как Гонконг — зона, свободная от огромных налоговых сборов, которые налагаются на транспортируемые произведения современного искусства.

В Гонконге создан музей современного искусства M+, здание которого обещают построить к 2017 году. На территории будущего музея уже проводят разного рода события, которые и по пространственным масштабам, и по концепции были бы

чем оскорбил чувства местных мусульман. После данного инцидента многие художники бойкотировали данную биеннале, но она продолжает существовать, последняя открылась в марте этого года, её курировала Юю Хасаева, которая представляла творчество азиатских и европейских художников наравне, в небольших залах-двориках в историческом центре Шарджа. Многие критики отмечают, что Шардж не стремится к грандиозному размаху арабских столиц и сохраняет провинциальную камерность, при этом Шарджская биеннале имеет солидный вес на мировой арт-сцене, чем демонстрирует потенциальные возможности любого провинциального городка превратиться в художественную столицу.

Индия

Индийское искусство привлекает внимание арт-критиков последнее десятилетие, и в его развитии многие видят искусство будущего. Так, один из самых знаменитых художников современности — Аниш Капур — индийского происхождения, а творчество Субодха Гупта можно увидеть в передовых музеях мира. В Индии музеи современного искусства существуют в Дели и Мумбаи, а к 2015 году такой музей должен появиться в Калькутте — городе, который считается центром культурной жизни в Индии, но до сих пор не имеет достоянного пространства для презентации произведений искусства.

Идея создания музея в Калькутте была окончательно утверждена после неприятного случая, когда шедевр Пабло Пикассо путешествовал по Индии, но для него не подошло ни одно из калькуттских зданий.

Интересно, что проект музея современного искусства в этом городе разрабатывает та же архитектурная контора, что и для Гонконга.

Япония

Японское современное искусство развито гораздо в большей степени, чем в других азиатских странах, соответствующие музеи здесь можно встретить по всей стране. Директором музея современного искусства в Токио является как раз влиятельный куратор Юко Хасегава, которая и участвует в создании Гонконгского музея «М+», и выступала куратором биеннале в Шардже.

Одна из самых знаменитых японских художников на данный момент — Яёй Кусамэ. Через всё своё творчество она проводит орнамент «в горошек», нанося его на стены музеев и галерей, создавая светящиеся цветочные «горошины» в пространстве, среди которых теряется зритель.

А пока у вас не появилась возможность отправиться в Японию для знакомства с образцами японского искусства, такая возможность есть в Красноярске по адресу — ул. Ады Лебедевой, д. 105: японский художник Татуро Ати (или Тацу Ниши, о творчестве которого мы говорили в предыдущих номерах) создал здесь своё произведение «Любовь к родному пепелищу».

Александра СЕМЁНОВА

- ↑ Цай Гоцян
- ← Павильон Экспо-2010 в Шанхае
- ↓ Биеннале в Шардже
- ↓ Субодх Гупта

↑ Т. Ниши (фото С. Ятмасова)
↓ Национальная галерея современного искусства в Мумбаи

По следам экспедиций

Край наш суров. И любая экспедиция, организуемая здесь, будь это изучение месторождений или исследование малых народов, сплав по рекам или кольцевание птиц, связана с немалыми трудностями. В результате нередко сами эти маршруты становятся легендарными, и спустя 30-50-100 лет другие поколения хотят их повторить. Предлагаем десятку не столько самых протоптанных, сколько по-прежнему заманчивых для искателей троп.

Плато Путорана

Открыто в 1845 году экспедицией А. МИД-ДЕНДОРФА. Добраться туда можно только вертолётом, но в 2012 году новосибирский клуб экстремальных автопутешествий организовывал сюда первопрохождение на автомобилях-амфибиях. Плато является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и насчитывает 25 тысяч водопадов и озёр глубиной до 400 метров. Здесь находится самая высокая точка Среднесибирского плоскогорья — гора Камень.

Староверы

Поселения староверов — место паломничества этнографических, лингвистических, культурологических экспедиций. В Красноярском крае таких поселений немало, как вдоль Енисея, так и глубоко в тайге.

«Трасса мужества»

Речь идёт об изысканиях, проводимых в 1942 году для строительства будущей железной дороги Абакан — Тайшет. Экспедиция в составе Александра КОШУРНИКОВА, Алексея ЖУРАВЛЁВА и Константина СТОФАТО отправилась в Восточные Саяны в долину реки Казыр, чтобы найти в главном хребте удобный перевал для тоннеля. Все трое погибли. Через год был найден дневник Кошурникова. А ещё через 20 лет, в 1963-м, группа инженеров Сибгипротранса повторила тот смертельно опасный маршрут.

Маковский волок

Старинный транспортный маршрут из Западной Сибири к Енисею до сих пор ищут краеведы. В 2007 году экспедиция из Лесосибирска в таёжном селе Маковское обнаружила следы старинного казачьего острога на реке Кеть.

Большая Орешная

В Красноярском крае более 150 крупных пещер, среди них и самая большая пещера России — Большая Орешная (Манский район, 4 км восточнее села Орешное). Множество гротов, многометровые ходы «шкуродёры», подземные речушки и озера — всё это привлекает спелеологов не только России, но и зарубежья. Возраст пород — 450 млн лет.

Авиакатастрофа

В 1954 году самолёт, выполнявший рейс по маршруту Иркутск-Новосибирск с пассажирами из Пекина, разбился в Манской тайге в районе горы Сивуха. В этом году сотрудники Центра автомобильного и мотоциклетного спорта СФУ организовали экспедицию к месту крушения и установили там памятный знак.

Бухта Нордвик

Фантастическое зрелище заброшенных посёлков на Севере. Считалось, что в Нордвике находятся богатые соляные и угольные месторождения. В поисковые работы и освоение этих мест были вложены огромные средства, но усилия не оправдались. В августе 1990 года бухту исследовала экспедиция норильского «Мемориала».

Пантеон-музей И.В. СТАЛИНА

В 168 км к югу от Игарки будущий вождь отбывал ссылку в 1914-16 гг. Музей-избушка открылась в 1934 г., позже над ней был сооружён внушительный павильон. Для всех пассажирских судов, проплывающих мимо по Енисею, была обязательна двухчасовая остановка для посещения музея. В 1961 г. музей был ликвидирован.

Тунгусский метеорит

Первая экспедиция к месту падения Тунгусского метеорита (примерно в 20 км от села Ванавара) состоялась в 1921 году под руководством учёного-минералога Л.А. Кулика. С даты же самого загадочного события прошло уже 105 лет, но интерес к нему не иссякает.

Клады русских золотопромышле

Есть много легенд о кладах бывших сибирских золотодобытчиков. Согласно одной из них, самый богатый миллионер Сибири Гаврила МАШАРОВ жил посреди тайги в огромном доме со стеклянными галереями и даже построил фабрику по производству венецианского бархата. Следы его Покровской заимки между Енисеем и Бирюсой искатели мечтают обнаружить до сих пор.

Подготовила
Ася ЕМЕЛЬЯНОВА

